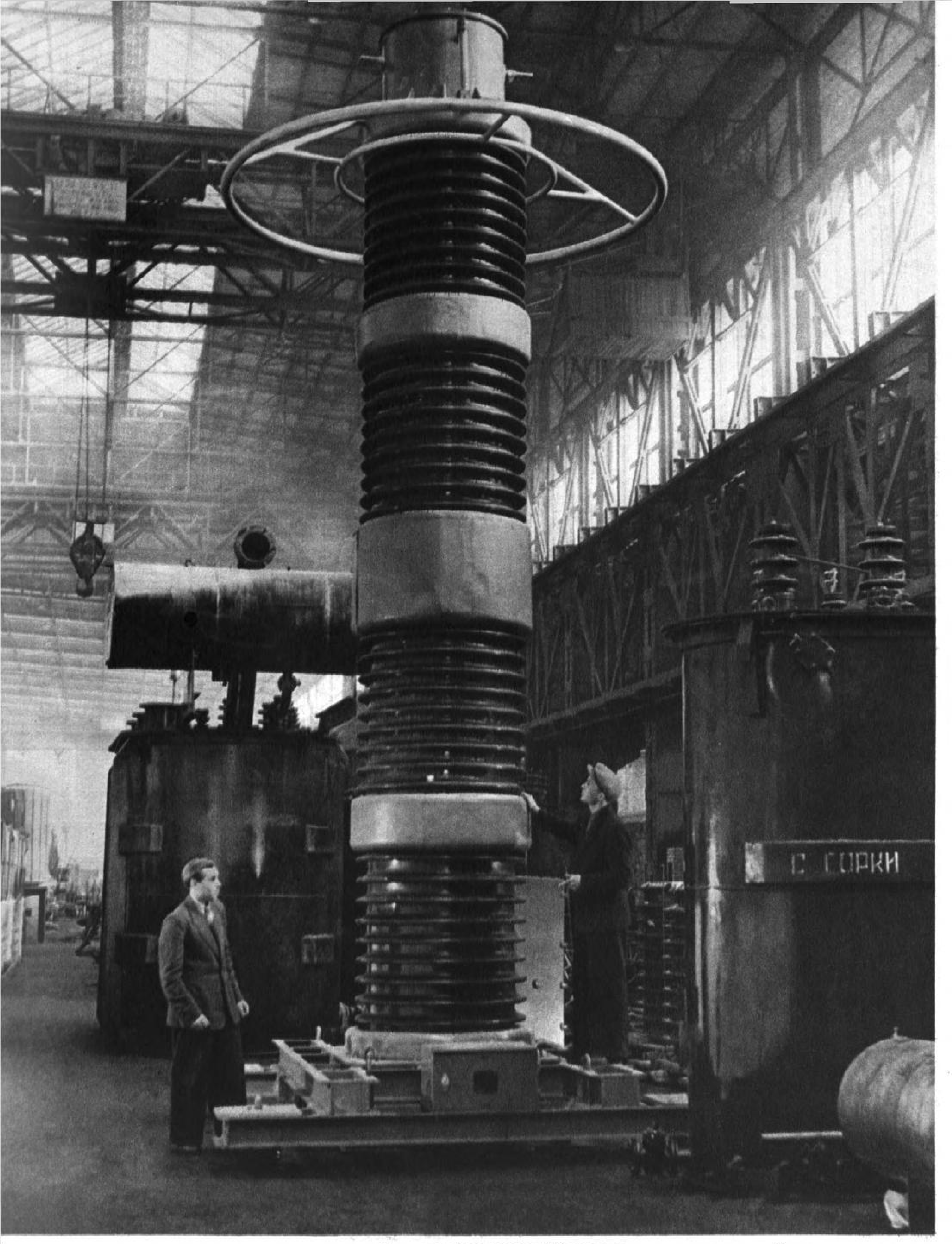

ОГОНЁК
№ 50 ДЕКАБРЬ 1954
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

На Запорожском трансформаторном заводе собран трансформатор в 400 тысяч вольт для высоковольтной линии электропередач Куйбышев—Москва. На снимке: новый трансформатор в сборочном цехе завода. Фото М. Копыченко.

На первой странице обложки: Китайская Народная Республика. В Тибетском автономном округе Тяньжу, через который проходит железная дорога Ланьчжоу — Алма-Ата, открыто педагогическое училище. Преподаватель училища Дао Жень-ба объясняет пастушке Чин Дэ-тань правила грамматики тибетского языка.

На последней странице обложки: двор текстильной фабрики № 3 в Сиане во время обеденного перерыва (см. в номере очерк «Письма с дороги»).

Фото Дм. Бальтерманца.

ОГОНЁК № 50 (1435) 12 ДЕКАБРЯ 1954

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

32-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. М. ГОРЬКОГО НА ПЕРВОМ ВСЕСОЮЗНОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПЕРЕД ВТОРЫМ СЪЕЗДОМ ПИСАТЕЛЕЙ

А. СОФРОНОВ

Двадцать лет назад с трибуны Первого съезда советских писателей Алексей Максимович Горький говорил:

«Если здесь, в этом зале, заложен фундамент объединения всей союзной литературы,— нам после съезда необходимо будет начинать практическое объединение в целях успешности трудной работы нашей, и работу эту нужно будет продолжать, развивая все больше и дальше, для того, чтобы создать ту могучую литературу, которая нужна не только нашей стране, народам нашей страны, но нужна, я смею сказать, всему миру».

Много исторических событий свершилось со времени Первого съезда советских писателей. Страна наша стала еще более могучей, неизмеримо поднялись и окрепли индустрия, вооруженное самой передовой техникой социалистическое сельское хозяйство, возмужала советская наука, раскрылись новые народные таланты.

Ярчайшее выражение расцвета социалистической культуры в СССР — это большие успехи советской литературы, успехи, достигнутые ею под мудрым руководством Коммунистической партии. В нем, в этом руководстве,— источник могучих творческих сил, накопленных советской литературой, которая, по выражению Горького, «никогда еще и нигде... не шла так «нога в ногу» с жизнью, как она идет в наши дни у нас».

Литература в нашей стране за эти годы стала действительной частью общепролетарского, общенародного дела, а труд литератора — почетным и уважаемым. За плечами советской литературы — великий опыт и прекрасные традиции русской классической литературы. Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Некрасов, Толстой, Белинский, Чернышевский, Салтыков-Щедрин, Тургенев, Чехов, Успенский, Горький, Маяковский и другие русские писатели создали величайшую в мире литературу, которой восхищаются миллионы людей во всех странах земного шара.

Традиции русской классической литературы утверждаются в лучших произведениях советских писателей. С первых лет Советской власти писатели разных поколений по зову Коммунистической партии, по зову великого Ленина стали в ряды защитников Отечества, в ряды борцов за новую жизнь.

Каждому этапу развития нашего государства сопутствуют многие книги советских писателей. Сейчас, оглядываясь на путь, пройденный нашей литературой, видишь, насколько она многообразна, насколько талантлива, как богаты творческие индивидуальности писателей, вместе составляющие великую советскую литературу, самую идейную литературу в мире, ставящую своей целью воспитывать благородные черты — мужество, стойкость, патриотизм в советском человеке.

Советская литература в самой основе своей резко отличается от упадочной буржуазной литературы, которая чаще всего считает человека ничтожеством, видит в нем раба, личность, наполненную пороками и грязью.

Бессмертны слова Горького: «Человек — это звучит гордо!» Пленительна и могуча красота «Тихого Дона» Михаила Шолохова — величественной эпопеи нашего времени, незабываемы герои «Хождения по мукам» Алексея Толстого, вечно современен «Железный поток» Александра Серафимовича, неумирающи «Разгром» Фадеева, «Как закалялась сталь» Островского, «Чапаев» Фурманова и другие произведения советских писателей, составившие первую вдохновенную главу истории литературы СССР. И все эти книги, как и произведения писателей последующих поколений, отличают любовь к человеку, борьба за утверждение благородных стремлений в человеке, борьба за светлое будущее, великая вера в талант людей труда.

Каждый год входили в советскую литературу новые имена, появлялись новые книги. На славной ниве служения своему народу сходились писатели разных творческих индивидуальностей, объединенных преданностью своей Родине. Читатели любят произведения С. Сергеева-Ценского, Л. Леонова, Ф. Гладкова, В. Шишкова, В. Катаева, К. Федина, Н. Тихонова, П. Павленко, М. Пришвина, П. Бажова, А. Макаренко, Ю. Крымова, А. Гайдара, Л. Сейфуллиной, В. Иванова, Л. Соболева, Ф. Панферова, В. Каверина, М. Шагинян, И. Новикова, И. Эренбурга, К. Паустовского, В. Гроссмана, А. Караваевой, Ю. Либединского, Л. Никулина и многих других. Как богат духовный мир героев их произведений, как разнообразна палитра каждого из этих своеобразных художников слова! И все это — советская литература, сильная своими неразрывными связями с народом, своей идейностью, своими художественными особенностями. И все это советская литература, которая вводит миллионы читателей в широкий мир светлых чувств и смелых мечтаний, приносит им великую радость познания нового мира, творцом которого является советский человек.

Годы, отделяющие Первый съезд писателей от Второго, характерны быстрым ростом нашей национальной литературы. Верная традициям Тараса Шевченко, Леси Украинки, Ивана Франко, украинская литература дала советскому читателю замечательные произведения М. Рыльского, П. Тычины, А. Корнейчука, М. Бажана, Ю. Яновского, Я. Галана, О. Гончара, А. Малышко, П. Воронько, Л. Первомайского и многих, многих других славных украинских писателей.

Выросла и окрепла белорусская литература, у истоков которой стоят разносторонние таланты Янки Купалы и Якуба Коласа. Белорусская литература, представленная П. Бровкой, К. Крапивой, А. Кулешовым, М. Танком, Я. Брылем и другими писателями, вносит в сокровищницу советской литературы свою достойную лепту.

Год от года растет литература Латвии, Литвы и Эстонии. Своеобразен талант Вилиса Лациса, неутомимого писателя-труженика, изображающего глубокие явления нашей жизни. Его романы «Буря», «К новому берегу», романы А. Упита «Земля зеленая» и «Просвет в тучах», книги П. Цвирки, С. Нерис, А. Якобсона, Анны Саксе и многих других писателей Прибалтики входят в золотой фонд советской литературы.

Возмужала казахская проза. Роман «Абай» М. Ауэзова, романы Г. Мустафина, С. Муканова, Г. Мусрепова и других показывают, как плодотворна учеба казахских писателей у классиков великой русской литературы.

Крепнет и развивается литература Узбекистана, Таджикистана, Грузии, Армении, Молдавии и других республик.

Много замечательных художников слова пришло в советскую литературу в военные и послевоенные годы. В эту пору еще ярче расцвел талант писателей, начинавших свою литературную деятельность до войны. Имена К. Симонова и М. Бубеннова, Б. Полевого и Б. Горбатова, Т. Семушкина и С. Бабаевского, В. Смирнова и В. Овечкина, Г. Николаевой и А. Первенцева, В. Кочетова и Э. Казакевича, В. Пановой и В. Кетлинской, В. Ажаева и С. Антонова, С. Голубова и А. Чаковского, С. Злобина и Е. Мальцева, Ю. Нагибина и Н. Чуковского, В. Некрасова и Д. Гранина — эти и многие другие имена писателей, романы и повести которых ныне широко известны читателям, позволяют надеяться на новые успехи советской прозы.

Наши читатели любят поэзию. Советские поэты, воспитанные на образцах боевой поэзии Владимира Маяковского, Демьяна Бедного, свято хранят традиции русской классической поэзии, обогащают эти традиции новыми поисками и приносят немало радостей любителям поэзии. Имена А. Твардовского и А. Суркова, М. Исаковского и С. Щипачева, Н. Тихонова и В. Саянова, В. Лебедева-Кумача и Джамбула, В. Гусева и И. Уткина, С. Есенина и Э. Багрицкого, В. Инбер и М. Светлова, С. Маршака и К. Симонова, А. Лахути и С. Стальского, С. Михалкова и Н. Грибачева, Н. Асеева и В. Луговского, П. Антокольского и С. Смирнова, М. Алигер и С. Васильева, А. Прокофьева и О. Берггольц, Е. Долматовского и Е. Букова, А. Яшина и Мирзо Турсун-заде, Г. Леонидзе и Самеда Вургуна, Л. Ошанина, А. Жарова, И. Сельвинского, С. Кирсанова, А. Коваленкова, М. Луконина — поэтов разных поколений, разных творческих особенностей знакомы и дороги миллионам читателей. Поэмы «Страна Муравия», «Василий Теркин», «Весна в «Победе», «Зоя», «Сын», многие лирические стихи, песни, наполненные публицистической страстью, а также гневные, сатирические произведения — вот боевой арсенал нашей поэзии.

Советская драматургия, продолжающая традиции великой русской драматургии Гоголя и Островского, Чехова и Горького, за эти годы создала немало произведений, полюбившихся зрителям. Острейшие вопросы нашей боевой современности, может быть, ни в одном жанре не решались с такой силой, как на сценах театров. Большой жизнелюб, мудро смотревший в будущее, машинист Нил из горьковских «Мещан» как бы возглавил мужественную плеяду героев современной советской драматургии. После рождения в Малом театре «Любови Яровой» Тренева, а в Художественном «Бронепоезда 14-69» Всеволода Иванова советские зрители имели возможность познакомиться с богатой драматургией Страны Советов. Здесь и глубоко человечная драматургия Александра Корнейчука с его пьесами «Гибель эскадры», «Платон Кречет», «В степях Украины», «Фронт», «Макар Дубрава» и другие; здесь и драматургия Бориса Лавренева с его неумирающим «Разломом» и послевоенными пьесами «За тех, кто в море!», «Голос Америки»; здесь и пьесы Николая Погодина «Человек с ружьем», «Мой друг», «Поэма о топоре» и пьесы проникновенного мастера Александра Афиногенова с его «Далеким», «Машенькой»; здесь и темпераментная, революционная романтика Всеволода Вишневского, начатая в «Оптимистической трагедии» и продолженная в «Незабываемом 1919-м»; здесь и героический «Шторм» Билль-Белоцерковского; здесь пьесы большого мастера сатирического рисунка Бориса Ромашова — от «Воздушного пирога» до «Великой силы»; здесь пьесы Л. Леонова, К. Симонова, А. Арбузова, А. Штейна, Ю. Чепурина и многие пьесы других, более молодых драматургов, которые продолжают путь великой русской и украинской драматургии, которые учатся у современных замечательных советских драматургов.

Советские писатели плодотворно работают в самых различных жанрах. Читатели хорошо знают и любят наших мастеров очерка: В. Овечкина, Б. Агапова, Б. Галина, В. Полторацкого, И. Рябова, А. Колосова и других.

Больших успехов добилась и наша детская литература.

Радостные изменения произошли в советской литературе за минувшие годы. Стерлись грани между «столичной» и «провинциальной» литературой. Многие писатели, живущие в городах Российской Федерации и других союзных республик, встали в один ряд с известными писателями Москвы, Ленинграда, Киева. Мы могли бы назвать, например, имена таких известных писателей, как М. Соколов, Е. Поповкин, Н. Задорнов, Г. Марков, В. Закруткин, Н. Рыленков, К. Седых, С. Сартаков, А. Калинин, Вл. Фоменко и многие другие.

Признаком силы и здоровья советской литературы является постоянный приток в ее ряды молодых писателей. Это — будущее нашей литературы.

Один из славных представителей советской литературы, безвременно ушедший от нас,— Петр Павленко — назвал свою последнюю книгу «Труженики мира». Она осталась незаконченной. Тема этой книги — борьба за мир — является одной из основных тем советской литературы. Да и самих советских писателей можно назвать тружениками мира. В суровые военные годы они стояли в одном ряду с защитниками социалистической Родины и словом вдохновляли солдат и офицеров на победу. А сегодня советские литераторы пафос своих произведений направляют на мирное созидание, на строительство коммунистического общества.

Велико влияние литературы Советского Союза на творчество писателей других стран. И это естественно. 37-летний опыт работы наших писателей может быть полезен писателям Китайской Народной Республики, стран народной демократии, всем прогрессивным литераторам мира. Книги советских писателей расходятся в миллионных тиражах по земному шару.

В 1949 году, находясь в Пакистане, в городе Лахоре, нам пришлось слушать стихи одного из местных поэтов. Читал он их на языке урду. По строению поэтической фразы, по темпераменту, с которым поэт читал стихи, мы сразу почувствовали, какие истоки питают его поэзию. Мы спросили его:

— Вы любите Маяковского?

Он ответил:

— Да. Это мой любимый поэт.

В далекой Исландии, все население которой насчитывает 155 тысяч человек, жадно читаются книги советских писателей. «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого — одна из самых популярных книг в этой стране.

Таких примеров сотни. Все они говорят о том, что советская литература несет в себе высокие идеи гуманизма, близкие представителям самых различных слоев общества, людям различных политических убеждений.

Изображение жизни в ее революционном развитии является основой метода социалистического реализма, метода, который помогает писателям, представляющим различные художественные течения в нашей советской литературе, быть на уровне своего времени, быть в первых рядах строителей нового государства, в первых рядах прогрессивных деятелей мира.

Метод социалистического реализма является боевым, основополагающим методом нашей литературы, методом, который объединяет сотни советских писателей в их благородных стремлениях жить и работать для своего народа.

Перед Вторым съездом советских писателей по всей стране проходили встречи писателей со своими читателями. На этих литературных вечерах бывали и наши дорогие гости — зарубежные писатели, деятели культуры и науки. Много раз нам приходилось слышать из их уст слова удивления, восторга. Их поражало, как наш строгий и вместе с тем доброжелательный читатель крайне заинтересован в развитии своей литературы, как он помогает писателям в их большой и трудной работе, помогает советом, деловой, конкретной критикой, помогает, наконец, верой в их творческие успехи.

Путь советской литературы не был гладким. Она мужала в борьбе с различными идеологическими извращениями. Она крепла в борьбе с формализмом, теорией «чистого искусства», в борьбе с космополитами и буржуазными националистами, преодолевала опаснейшую болезнь — теорию бесконфликтности, угрожавшую и нашей драматургии, и поэзии, и прозе безмятежной оторванностью от реальной жизни, сознательным приглаживанием наиостейших жизненных проблем.

Советская литература и критика развивались в борьбе с различными нигилистическими теориями, представители которых тянули наших литераторов в болото мелкобуржуазной объективистской литературы. Не желая видеть все то новое, что рождается в нашей жизни, огромных успехов, которых добилась Советская страна, строящая коммунизм, «критики» типа Померанцева, Абрамова, Лифшица, в недавнем прошлом выступавшие в журнале «Новый мир», пытались идейно разоружить нашу литературу, дезориентировать советских писателей и читателей. Союз писателей сумел во-время разглядеть этих представителей воинствующего нигилизма и разоблачить их.

Ко Второму всесоюзному съезду писателей в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина открыта выставка — «Советская художественная литература 1917—1954 годов».

На снимке: в зале выставки.

Фото М. Савина.

Это, конечно, не значит, что в современной советской прозе, поэзии, драматургии нет недостатков. Некоторые произведения советских писателей отличает слабое знание жизни, поверхностное изображение действительности, схематизм в разрешении острых проблем нашего времени. Литературная критика справедливо осуждала отдельные произведения, в которых лакировалась действительность.

Под флагом объективизма недавно появились такие пьесы, в которых, по существу, с глубоко враждебных идейных позиций опорочивалась наша жизнь. Произведения эти были справедливо осуждены литературной общественностью.

Второй съезд писателей собирается в обстановке могучего расцвета нашей Родины. Дорогой большого подъема идет советская экономика. Коммунистическая партия и Советское правительство уделяют огромное внимание повышению жизненного уровня советских людей. Могуч и нерушим фронт мира, объединяющий народы Советского Союза, Китайской Народной Республики, стран народной демократии, миллионы прогрессивных людей капиталистических стран.

Силы мира непобедимы. Но задачи нашей советской литературы — держать порох сухим, еще активнее помогать борьбе лагеря мира, демократии и социализма против лагеря войны. Нет сомнения в том, что советские писатели выполнят величайшие задачи, которые поставила перед ними история. Вдохновленные великими идеями Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, они создадут новые замечательные произведения, достойные эпохи строительства коммунизма.

2 декабря в Кремле состоялось подписание совместной Декларации Правительств СССР, Польской Народной Республики, Чехословацкой Республики, Германской Демократической Республики, Венгерской Народной Республики, Румынской Народной Республики, Народной Республики Болгарии и Народной Республики Албании. При подписании Декларации присутствовали все члены Делегаций государств — участников Совещания, а также Представитель Китайской Народной Республики Чжан Вэнь-тянь, принимавший участие в Совещании в качестве наблюдателя. Подписание Декларации

ДЛЯ ВСЕХ НАРОДОВ ЕВРОПЫ

Эдмунд ОСМАНЧИК,
польский журналист

2 декабря 1954 года в шесть часов вечера мне впервые довелось побывать в Кремле. Это было в зале приемов Большого Кремлевского дворца. Вместе с несколькими десятками журналистов Востока и Запада я наблюдал — и что тут скрывать! — с огромным волнением акт подписания Декларации участников Совещания европейских стран по обеспечению мира и безопасности в Европе.

Сверкающий отблесками юпитеров зал, наполненный шумом голосов, затих в ту минуту, когда над столом, где лежал раскрытый, переплетенный в красный сафьян исторический документ, склонился Вячеслав Михайлович Молотов, чтобы поставить первую подпись — от Союза Советских Социалистических Республик. За ним к столу подошли наш премьер Юзеф Циранкевич, премьер Чехословакии Вильям Широкий, другие главы делегаций. Стояла торжественная тишина. Слышались только стрекотание киносъемки и щелканье фотоаппаратов. Когда все подписи были поставлены, товарищ Г. М. Маленков пригласил членов делегаций на прием.

Журналисты спешили в редакции, радиостудии, телефонные кабины и к телеграфным аппаратам, чтобы передать первые сообщения о подписании Декларации. Но прежде чем выбежать из зала, я ринулся к столу и — не смейтесь! — вместе с молодыми и старыми коллегами бережно притрагивался к ручкам, которыми был подписан исторический документ. Может быть, это и покажется смешным — подобное любование историей, но, право же, оно полно какого-то очарования.

В нашей группе были также и журналисты Запада. Один из них, француз, помнящий Москву военных лет, сказал:

— Стоит вспомнить, коллеги, что здесь же, в Кремле, десять лет назад был подписан Советско-Французский договор о союзе и взаимной помощи...

— ...который,— подхватил я,— обязывает обе стороны сделать все возможное, чтобы не допустить возрождения германского милитаризма!.. Вот вам и первые комментарии: подписывая сегодня Декларацию, В. М. Молотов одновременно выполнял честно и добросовестно прежнее обязательство Советского Союза по отношению к Франции...

— И добавьте, к Англии! — крикнул кто-то рядом, напоминая о содержании Англо-Советского договора 1942 года.

Мне сдается, что эти комментарии, возникшие в первые же минуты по подписании Декларации, затронули очень важный и существенный в наши дни вопрос: верность государств подписанным ими договорам и принятым обязательствам.

В капиталистическом мире издавна существует тенденция трактовать международные соглашения, как простые клочки бумаги. Это показали воочию многочисленные «малые» войны и две мировые войны. Советский Союз внес новое начало в международные отношения: уважение к заключенным договорам, строгое выполнение их. Теперь, после второй мировой войны, примеру СССР следуют и другие страны, народы которых стали хозяевами своей судьбы.

Имеет ли эта добросовестность и честность в международных отношениях, кроме моральной силы, также и политическое значение? Несомненно, да! Она разоблачает перед всеми народами мира цинизм, а подчас и вероломство тех империалистических кругов, для которых прочный мир — лишь помеха их своекорыстным целям и агрессивным замыслам.

Я шел на телеграф, размышляя о том главном, что с огромной силой и убедительностью прозвучало на весь мир в только что подписанной Декларации.

Да, наш лагерь, лагерь мира и демократии, не имеет никаких причин скрывать свою политику. В Декларации содержится прямое и ясное предупреждение вдохновителям и организаторам возрождения гитлеровского вермахта. Миролюбивые государства, представленные на Совещании в Москве, говорят правящим кругам государств — участников лондонского и парижских соглашений: вы взяли опасный курс на восстановление германского милитаризма, не считаясь с последствиями этого. Народы миролюбивых государств не могут допустить, чтобы развитие событий застало их врасплох; в случае ратификации парижских соглашений европейские государства — участники Совещания в Москве — вынуждены будут принять безотлагательные меры для обеспечения своей безопасности, для ограждения неприкосновенности своих границ, мирного труда своих граждан.

Там, на Западе, желают разговаривать только с пресловутой «позиции силы». Что ж, заключительные строки Декларации служат достаточно убедительным ответом на это. Не мешало бы помнить тем, кто проповедует «позицию силы», что силы лагеря мира и социализма никогда еще не были так могучи и сплочены, как сейчас; что силы эти во много раз возросли с того времени, когда с Запада неслись в Москву умоляющие телеграммы с просьбой ускорить наступление Советской Армии, чтобы спасти англо-американские дивизии от разгрома.

Теперь, по прошествии десяти лет, великий лагерь мира и демократии усилен 600-миллионным китайским народом, а вместе с народами стран народной демократии он сегодня составляет 900 миллионов человек. Они на опыте познали разрушения, жертвы и тяготы войны, а затем упорным и нелегким трудом возродили свои города и села, фабрики и шахты из страшных пепелищ и руин и теперь,

происходило в присутствии товарищей Н. А. Булганина, К. Е. Ворошилова, Л. М. Кагановича, Г. М. Маленкова, А. И. Микояна, М. Г. Первухина, М. З. Сабурова, Н. С. Хрущева, Н. М. Шверника, А. Н. Косыгина, В. А. Малышева, И. Ф. Тевосяна, М. А. Суслова, маршала А. М. Василевского, маршала Г. К. Жукова и др. На снимке: Декларацию подписывает Глава Делегации Румынской Народной Республики К. Стойка.

Фото Дм. Бальтерманца.

после многих и многих жертв, вызванных гитлеровской агрессией, начинают жить в достатке и мире. Этих людей невозможно запугать, в них можно лишь пробудить справедливый гнев против тех, кто захотел бы вновь толкнуть неогитлеровские орды к нападению на народы Европы.

Глубокие, волнующие слова Декларации обращены одновременно к народам Западной Европы и к американскому народу. Новая война, подготовленная и спровоцированная возрожденным германским милитаризмом и его покровителями, кончилась бы для них катастрофой, но война повлекла бы за собою огромные жертвы среди населения самых обжитых территорий Европы. Поэтому сейчас важнейшим делом всех без исключения народов Европы является не допустить вооружения западногерманских милитаристов! Такой была и такой остается воля народов Восточной и Западной Европы и американского народа, с горячим энтузиазмом встретивших в свое время Соглашение, заключенное в Потсдаме. Московская Декларация, требующая мира для **всех** народов, выражает солидарную волю **всех** народов.

Борьбу за спасение дела мира мы, миролюбивые народы, будем вести спокойно, мудро, основательно. За нами поддержка всех народов, всего человечества. И это — наше первое завоевание на великом и благородном пути к миру, завоевание, которое никто не сможет у нас отнять.

...На следующее утро после окончания Совещания я развернул московские газеты. Какая яркая, могучая, подлинно всенародная поддержка Декларации! Рабочие Москвы, Ленинграда, шахтеры Донбасса, хлопкоробы Узбекистана, ученые, художники, домохозяйки — весь великий многонациональный советский народ на тысячах митингов и собраний заявляет: Декларация выражает нашу волю, отвечает кровным нашим интересам.

Я позвонил по телефону в Варшаву. Мне сказали, что польский народ ответил на Декларацию так же единодушно. «Мы сделаем все,— говорят люди народной Польши,— чтобы никто не посмел нарушить мир и безопасность в Европе, посягнуть на наши границы, на наш созидательный труд...»

Самоотверженность и патриотизм польского народа сродни патриотизму и самоотверженности братских советских народов. Роднят нас и большие жертвы, понесенные в прошлой войне от фашистских орд. И естественно, что первым движением сердца трудящихся Польши было именно так ответить на Декларацию об обеспечении мира и безопасности в Европе.

И еще одна общая, схожая мысль сквозит в тысячах речей, произносимых на собраниях трудящихся Советского Союза, Польши и других демократических стран. Надо, чтобы в странах лагеря мира каждый человек труда всеми своими способностями, смекалкой и руками давал на своем участке работы больше, чем прежде! Благодаря этому будут возрастать наша обороноспособность, жизненный уровень наших народов, наше могущество.

Давайте оглянемся вокруг. Посмотрим на все то, что построено нами за истекшие десять лет, нами, чьи страны понесли такие тяжелые разрушения от начатой германским империализмом войны. Десять лет назад казалось, что целой человеческой жизни не хватит на то, чтобы поднять все разрушенное из пепла и обломков. Но вот Сталинград, Киев, Минск, Варшава, сотни разрушенных городов и сожженных дотла сел вновь красуются новыми домами, звенят жизнью, радостным смехом детей. Неизмеримы возможности людей труда, и они возрастают в десятки раз в условиях подлинно народного строя!

Мы являемся теми народами, которым мир нужен прежде всего для огромной созидательной работы, начатой и проводимой во имя счастья будущих поколений, всех людей на земле. Поэтому мы обязаны и будем отстаивать мир — мир для себя и для всех народов.

Перевод с польского.

После подписания Декларации. Слева направо: В. М. Молотов, Киву Стойка и Антон Югов.

На Всесоюзном совещании строителей. Китайские друзья слушают внимательно: ведь и их родина вся в лесах строек.

Фото А. Гостева.

РАЗГОВОР СОЗИДАТЕЛЕЙ

В Москве, в Большом Кремлевском дворце, с 30 ноября по 7 декабря проходило созванное Центральным Комитетом КПСС и Советом Министров СССР Всесоюзное совещание строителей, архитекторов и работников промышленности строительных материалов, строительного и дорожного машиностроения, проектных и научно-исследовательских организаций.

В совещании приняли участие товарищи Н. А. Булганин, К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович, Г. М. Маленков, В. М. Молотов, М. Г. Первухин, М. З. Сабуров, Н. С. Хрущев, П. К. Пономаренко, М. А. Суслов, П. Н. Поспелов, Н. Н. Шаталин.

В заключение совещания с большой речью выступил тепло встреченный присутствующими Первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза товарищ Н. С. Хрущев.

Участники совещания единогласно приняли Обращение ко всем работникам строительной индустрии СССР.

Характер, дух целой страны можно почувствовать по тому, какая профессия наиболее популярна в ней. Слово «строитель» заключает в себе понятия творчества, созидания, мира. Созидание обращено к будущему. Поэтому естественно, что для нашего государства, в котором эти понятия стали программой жизни, строитель — самая популярная специальность. Большой разговор, происходивший недавно в Кремле, перешагнул тесные рамки профессии. Он стал разговором созидателей.

Есть и вторая примета, определяющая характер страны, ее существо: это сами люди, творящие ее политику, их жизнь, судьбы и биографии.

Не стоит листать список участников совещания — их более двух тысяч,— чтобы понять, кто эти люди. Вот под сводами Георгиевского зала разговаривают три человека. Машинист вращающихся печей цементного завода, мастер скоростных методов обжига кирпича и министр. Как и все участники, они были равноправными хозяевами на этом совещании. Биографии первых двух — Ф. Ф. Николаева и П. А. Дуванова — просты: оба с мальчишек на заводах, вся жизнь обоих — труд. Только труд принес им славу, отмеченную Сталинскими премиями, только труд дал им право говорить от лица страны. Каждый присутствующий в зале знает, что Николаев и Дуванов перевернули все представления о технологии обжига кирпича и производства цемента, создав методы, при которых неизмеримо выросла производительность и облегчился труд рабочего.

И хотя судьба министра отлична от судеб этих рабочих, само отличие тоже выражает природу нашего государства. Министр промышленности строительных материалов Узбекистана Ядгар Насриддинова — дочь узбечки, рано ставшей вдовой, женщины, которая долгие годы не имела элементарного права сидеть за домашним столом рядом с мужчиной. Ядгар Насриддинова участвует сегодня в большом государственном совещании, и люди ждут ее слова.

Если взять лишь отдельные цитаты из выступлений, может возникнуть недоумение: люди каких профессий разговаривают здесь — колхозники, геологи, металлисты?

Вот представитель Казахстана говорит о покосе камыша, строитель гидростанции спорит о ракушечнике, вот снова разговор зашел о металлических конструкциях. Нет, все же это говорят строители. Но не просто строители — искатели. Искатели новых форм строительства, новых строительных материалов. Неустанные поиски сделали их труд творчеством.

Эти люди имеют право быть непримиримыми ко всем и ко всему, что им мешает. Ведь там, где прошли они, ночная тайга смотрит желтыми глазами огней, в мерзлую землю легли трубы нефтепровода, домны подняли багровые знамена зарева. Эти люди построили после войны 110 довоенных Сталинградов, если учесть площадь всех возведенных в стране зданий.

Поэтому строители беспощадно критиковали некоторых архитекторов, которые, увлекаясь праздным украшательством, разбазаривали государственные средства и потакали дурным вкусам. Совещание не пощадило финансовые и плановые органы, не преодолевшие до сих пор рутины в системе планирования и финансирования. Но больше всех досталось тем, кто мешает внедрять индустриальные методы строительства. Строительная площадка сегодня превращается в монтажную. За это, за новое лицо стройки, больше всего и ратовали выступавшие.

Инструктор скоростного обжига кирпича П. А. Дуванов беседует с министром промышленности строительных материалов Узбекистана Ядгар Насриддиновой.

Лауреаты Сталинской премии П. В. Шкутин и Ф. Ф. Николаев у входа в Теремной дворец Кремля.

...Мы слышали обрывок разговора. Один из участников совещания смущенно жаловался:

— Выступать-то страшновато — все правительство слушает. Одно дело, когда мы друг с другом говорим...

Второй перебил его веселым украинским говорком:

— От, сказал! Так оно и получается! Ты слова пойми: «друг» с «другом». С партией такой разговор и выходит!

Галина ШЕРГОВА

Однокурсники...

Было это полвека назад, в 1904 году.

Прощальный студенческий вечер. Выпускники медицинского факультета Московского университета, получив дипломы лекарей, провожали друг друга в путь-дорогу.

Особенным вниманием окружили они четверых своих однокашников: И. Иванов, С. Щеглов, М. Штуцер, Б. Агапьев уезжали в осажденный Порт-Артур. Уже расходясь, молодые врачи решили каждые пять лет собираться в Москве.

Шли годы. Все меньше и меньше однокурсников приходило на традиционные встречи...

Наступил 1954 год. Приближалось пятидесятилетие выпуска. Инициативу собрать однокурсников взял на себя профессор С. Н. Розанов.

Откликнулось двенадцать человек. И вот пришел день встречи. Было шумно и весело. Входивших в зал встречали радостными возгласами, называли старыми студенческими кличками.

Обнявшись, сидят Сергей Александрович Щеглов, врач из Каширы, и Иван Аполлонович Иванов — он всего несколько дней назад прилетел с острова Врангеля.

— Наши порт-артурцы, — называют их друзья.

Н. А. Иванов зимовал на Диксоне и на мысе Челюскине, а однажды в качестве судового врача — в море Лаптевых. Последние шесть лет он провел на острове Врангеля врачом полярной станции.

В комнату входит загорелый человек, очень моложавый для своих 75 лет. Владимир Викторович Савинев приехал из Ленинска, Андижанской области. С 1938 года он главный врач городской больницы. Его встречает доктор медицинских наук Михаил Павлович Демьянович — заместитель директора по научной части Центрального научно-исследовательского кожно-венерологического института. Перу М. П. Демьяновича принадлежит свыше ста печатных трудов. Его метод лечения чесотки, необычайно эффективный, ликвидирующий болезнь в считанные минуты, вошел в науку под названием «Метода профессора Демьяновича».

Другой однокурсник, действительный член Академии медицинских наук СССР М. А. Морозов, заведует оспенным отделом в Институте эпидемиологии и микробиологии имени почетного академика Н. Ф. Гамалея. Почти полвека посвятил Морозов борьбе с оспой. Им написано и опубликовано 250 научных трудов. В 1952 году М. А. Морозов был удостоен Сталинской премии.

По традиции друзья заполняют анкету. Среди них есть действительные члены Академии медицинских наук, доктора наук. заслуженные врачи республик.

Давно пора садиться за празднично накрытый стол, но организаторы вечера медлят: должен приехать Николай Наумович Теребинский.

Видный хирург профессор Н. Н. Теребинский семь лет был прикован к постели, но, несмотря на тяжелую болезнь, продолжал вести большую научную работу. Вот он входит, опираясь на палку. Все встают и тепло приветствуют старого товарища.

...На вечере много говорили о долголетии. Для этого были все основания: во-первых, собрались врачи, а во-вторых, двенадцати присутствовавшим минуло в общей сложности 900 лет.

— Я не сомневаюсь,— под аплодисменты друзей сказал С. Н. Розанов,— что мы отметим еще и 60-летие нашего выпуска.

Т. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

РЕШАЯ СУДЬБУ ЧЕЛОВЕКА

Василий АРДАМАТСКИЙ

У Сергея Тихомирова и в мыслях не было стать судьей...

Двадцатого июня сорок первого года он танцевал на выпускном вечере угличской десятилетки. Товарищи спрашивали у него:

— Ну, куда подаемся?

Он отвечал твердо:

— Буду военным моряком.

Красивости ради я мог бы написать так: «Его позвало море, оно снилось ему по ночам. Этот зов моря впервые он услышал, когда его родная деревушка Лягушкино перестала существовать в связи с созданием Рыбинского моря...» Но все было куда проще. Перед окончанием школы Сергей Тихомиров пошел в райвоенкомат становиться на учет. Там увидели его рослую, ладную фигуру и спросили: «Пойдешь на флот?» Сергей согласился, и его документы были отправлены в Ленинград, в Высшее военно-морское училище.

Моряком он не стал. Начавшаяся война сделала его сапером...

Разве мог Сергей Тихомиров подумать, что он станет судьей, когда на одном из участков Волховского фронта темной августовской ночью полз по болоту, волоча добытого в разведке «языка» — тяжелого, как сырое бревно, гитлеровского унтера? Не мог Сергей Тихомиров подумать, что станет судьей, и позже, когда на промерзлых Синявинских болотах вместе с саперами своей роты занимался переоборудованием захваченных у врага дзотов. Впрочем, как раз в эту январскую ночь он сам произвел себя в судьи, но ненадолго...

Вот при каких обстоятельствах это произошло... Тихомиров с группой саперов пробирался по «ничейной» земле. Не видно ни зги. И не заметили саперы, что зашли на вражеское минное поле. Тихомиров шел впереди. Он наступил на мину. Взрыв отшвырнул его на несколько метров. Оторвало ногу. Он обнаружил это сам. Значит, крепок же был сапер, если в эти минуты не потерял сознания. Подбежали товарищи, наспех перетянули ногу жгутом, положили своего командира на волокушу и потащили в роту. Путь предстоял длинный, а всполошенные взрывом гитлеровцы открыли огонь из минометов. Мина накрыла саперов: двое были убиты, двое ранены, Тихомирова отбросило в воронку от снаряда. Он приказал бойцам сначала оттащить в безопасное место новых раненых, а потом вернуться за ним.

Саперы ушли и словно сквозь землю провалились. У Тихомирова возникло страшное подозрение: его бросили. И вот тогда-то он решил ползти по следам саперов и, если окажется, что они бросили командира, сурово наказать их. И он пополз, оставляя кровавый след на снегу. Полз долго, сколько — не помнит. И вот он видит: два оставшихся в живых сапера, голые по пояс, возятся над ранеными. Выяснилось, что у них не оказалось индивидуальных пакетов, тогда они разделись и стали нарезать бинты из нательных рубашек. Раны у товарищей оказались тяжелыми, а саперы в этих делах были неопытны, вот они и возятся уже много часов. И, чем больше торопятся, тем медленнее у них получается...

Тихомиров подавил охватившее его волнение. Он сказал себе: «Людям надо доверять больше...»

Не думал Тихомиров стать судьей и позже, когда лежал в госпиталях многих городов. Рана заживала плохо. Неожиданно началось общее заражение крови, положение казалось безнадежным. Спас военный хирург Георгий Александрович Милов.

Не думал Тихомиров стать судьей и весной сорок четвертого года, когда, вернувшись в родной Углич, учился ходить на протезе. Это было мучительное учение. Еле-еле начал передвигаться, пошел в райком партии. Ему предложили руководящую должность на местном заводе. Тихомиров отказался: «Хочу учиться». И послал все документы в Москву, в высшее техническое училище имени Баумана.

И вот Сергей Тихомиров — студент первого курса училища. Не легко ему учиться: кое-что позабыл, да и многовато в училище лестниц. Но уже сданы все зимние экзамены... И вдруг открывается рана. Его отвозят в больницу. Два профессора-хирурга делают ему сложнейшую операцию. На больничной койке Тихомиров продолжает учиться; това-

В народном суде Молотовского района Москвы. Слева направо: секретарь судебного заседания Е. В. Мартынова, народный заседатель экономист Н. В. Дембицкая, народный судья С. В. Тихомиров и народный заседатель служащая М. С. Зимина.

Фото А. Новикова.

рищи приносят ему учебники, конспекты лекций, программы. Трудно. Очень трудно. Однажды один из хирургов присел на край его койки и спросил:

— Ну, что собираетесь делать?

— Продолжать учиться.

— Хотите послушать мой совет? Вы не выдержите. Лучше подыскать работу поспокойней.

— Нет. Я буду учиться.

— Тогда переходите в гуманитарный вуз. Там легче.

— Хочу быть инженером.

— Нельзя! — Профессор начинал сердиться.— Настойчивость — вещь хорошая, но вы обязаны считаться со своими физическими возможностями.

Тихомиров ничего не ответил.

А когда он уехал на поправку в Углич, профессор связался с проживавшим в Москве дядей Тихомирова, и они передали документы из высшего технического училища в Юридический институт.

Но и здесь ему учиться было не легко: он пришел в институт с внутренним протестом против такой неожиданной перемены в его жизни. Правда, постепенно перед Тихомировым юридическая наука предстала как интереснейший, огромный мир.

В феврале сорок девятого года несколько выпускников института были выдвинуты кандидатами в народные судьи. В Молотовском районе Москвы судьей 1-го участка был единогласно избран Сергей Васильевич Тихомиров.

И вот он разбирает первое судебное дело.

Будто на зло, это первое дело оказалось довольно неприятным. На скамье подсудимых — знахарка, устроившая подпольный абортарий, и дама, предоставившая для этого свою комнату. По их вине умерла женщина. Но другая, оставшаяся в живых, тоже сидела на скамье подсудимых. Как бы ни был неблаговиден ее поступок, все же речь шла о сугубо интимной стороне жизни. А судья обязан был разобраться во всех обстоятельствах. Затем суд должен был отослать приговор по месту работы, и там снова ей будут задавать вопросы и будут «принимать меры». Зачем все это? Ведь все равно ничего уже исправить нельзя. Но закон есть закон, он требует привлечения этой женщины к судебной ответственности, и судья обязан соблюсти закон с предельной точностью...

— Очень было неприятно,— рассказывает сейчас Тихомиров.— И не зря было неприятно: этот пункт закона об осуждении пострадавших женщин теперь отменен.

Затем Тихомиров приступает к разбору второго в своей судейской практике дела. И в этом деле опять-таки своя сложность. Подтверждалось то, что Тихомиров узнал в институте: у судьи не бывает несложных дел, ибо каждый раз речь идет о судьбе человека...

На скамье подсудимых двое: дело это давнее, назовем их Кулешов и Ланской. Оба обвиняются в хищении государственного имущества. Кулешов был задержан с поличным. Он сразу во всем сознался и заявил, что товар ему дал начальник по службе Ланской. Но сам Ланской все отрицал и на следствии и на суде. Кулешов находится под стражей, а Ланской — нет.

Но теперь все как будто ясно, вина Ланского доказана. Суд уходит в совещательную комнату — Тихомиров и два народных заседателя: майор, слушатель военной академии, и слесарь одного большого завода. Тихомиров излагает свое мнение: осудить надо обоих, только Ланского на больший срок, а Кулешова на меньший. Вдруг слесарь заявляет: мое мнение — осудить надо одного Ланского, а Кулешов должен быть оправдан, он просто попался в сети Ланского, который притом был его начальником. Майор целиком поддерживает слесаря. Тихомиров начинает разъяснять, что такое соучастие в преступлении, но пока он трактует соответствующие статьи закона, так сказать, теоретически, заседатели с ним согласны, но, как только речь заходит о Кулешове, они категорически заявляют: «Нет! Кулешова оправдать!»

Демократия советского суда — непреложный закон. Тихомиров записывает в приговор свое особое мнение, но существо приговора определяется большинством: Кулешова оправдать, Ланского осудить.

Демократия советского суда действует и дальше. Защита Ланского опротестовывает приговор, и Московский городской суд возвращает дело в народный суд на новое рассмотрение...

Наконец, высшая судебная инстанция осудила обоих соразмерно виновности каждого.

Интересный случай произошел и летом этого года. Тихомиров разбирал дело жуликов, орудовавших в торговой системе: Квитницкого и Сергеевой — директора и заместителя директора большого продовольственного магазина. Жулики были пойманы с поличным и частично вину свою признали. Дело разбиралось с большой тщательностью. Суд смог установить даже такую, например, подробность, что Квитницкий до 1937 года был профессиональным вором под кличкой «Володька-интеллигент», а построенная им теперь дача никак не могла «вырасти» за счет его зарплаты. Суд приговорил Квитницкого к десяти годам тюремного заключения, Сергееву — к восьми. Дело пошло в следующую судебную инстанцию, а Тихомиров собрался уезжать в отпуск. И вдруг он узнает, что у городского суда складывается несколько иное убеждение. Учитывая побочные обстоятельства, вроде того, что на иждивении Квитницкого находятся двое детей, а у Сергеевой — престарелая мать, суд резко смягчил приговор.

Тихомиров с этим категорически не согласен, но вмешаться он не имеет права. Теперь за судейским столом другие люди. Надо ждать окончательного приговора. Ради этого Тихомиров отказывается от отпуска. Он волнуется, ждет решения высшей судебной инстанции... Верховный суд республики отменил смягченный приговор, и при новом разбирательстве подсудимые получили именно то наказание, которое было определено раньше.

Уже пять лет Сергей Васильевич Тихомиров работает судьей. Пришел опыт, выработалась уверенность в ведении судебного заседания. Но волнение, пережитое им при разборе первых дел, вновь и вновь повторяется на каждом судебном заседании. И это волнение хорошее, оно не мешает, а помогает, потому что вызвано огромным и глубоко партийным чувством ответственности за судьбу человека, которая решается в каждом судебном деле.

* * *

Ноябрь 1954 года. Обычный рабочий день судьи Сергея Васильевича Тихомирова...

Слушается дело гражданки Д., сотрудницы бухгалтерии большого научного учреждения. Она подделала денежные документы и пыталась присвоить две тысячи рублей. Подделка была совершена до смешного примитивно и тут же раскрыта. Подсудимая не успела даже воспользоваться деньгами. Созналась во всем сама.

Обвинительное заключение требует очень сурового наказания. Суд внимательно разбирается в составе преступления и во всей двадцатишестилетней жизни подсудимой. Она родилась и воспитывалась в рабочей семье — в зале сидят ее потрясенные горем родственники. Десять лет она добросовестно работала все в том же учреждении. Сама обвиняемая, отвечая на вопросы судьи и заседателей, обливается слезами, ничего от суда не скрывает и безжалостно оценивает свой поступок. Постепенно суду становится все более ясным, что на скамье подсудимых сидит совсем не такой преступник, к которому следует относиться безжалостно. Сам прокурор в своей речи находит возможным смягчить формулу обвинения и уменьшить наказание. Адвокату ничего не остается, как только поддержать прокурора.

...Вечереет. Судья Тихомиров начинает прием посетителей. Этим он занимается два раза в неделю. Беседам с будущими истцами и ответчиками, обвиняемыми и свидетелями он придает огромное значение. Ведь довольно часто можно добиться примирения сторон. Более того, во время этих бесед начинается та воспитательная работа, которую призван вести народный суд.

На прием к Тихомирову пришли старики Харитоновы. Он их уже хорошо знает. Недавно разбиралось их дело. К ним приехал сын с женой и ребенком. Старики обрадовались этому, но радость их вскоре была омрачена. Сын беспробудно пьянствовал, дебоширил, безобразно относился к отцу и матери. В конце концов они вынуждены были подать заявление в суд о выселении сына. Харитонов-младший на суде, видимо, хитрил. Суд вынес решение: предупредить Харитонова-младшего — и одновременно частным определением известил партийную организацию о его недостойном поведении...

И вот старики снова пришли к судье. Сын продолжает безобразничать. Сергей Васильевич звонит в райком партии, узнает, что поведение Харитонова уже обсуждалось в парторганизации и ему объявлен выговор... Ну что ж, если суд и выговор ничему его не научили, придется назначить новое рассмотрение дела.

Рабочий день закончен. Сергей Васильевич торопится домой, чтобы сесть за книги. Недавно он зачислен в аспирантуру.

Сегодня С. В. Тихомиров в третий раз баллотируется в народные судьи по Молотовскому району Москвы.

Художники УКРАИНЫ

Выставка изобразительного искусства Украинской ССР была организована в Киеве в дни всенародного празднования трехсотлетия воссоединения Украины с Россией. Затем выставка была переведена в Москву и развернута в залах Третьяковской галереи.

На вкладках «Огонька» публикуется несколько произведений, показанных на этой выставке. Два из них принадлежат кисти дореволюционных художников: это «Сумерки» К. К. Костанди (1852—1921) и жанровая сцена «С базара» И. И. Соколова (1823—1910).

И. И. Соколов, с равным успехом работавший в станковой живописи и в акварели, учился в Петербургской Академии художеств. Позднее был избран академиком и получил звание профессора. Жил Соколов в Харькове и написал там немало жанровых сцен из быта украинских крестьян.

В картине «С базара» виден опытный мастер, умеющий найти выразительные психологические характеристики для каждого из действующих лиц.

К. К. Костанди — автор многих широко известных картин. Такие произведения, как «У больного товарища», вызвавшее восторженный отзыв Стасова, или «В люди», высоко оцененное Крамским, по праву относятся к лучшим достижениям украинской живописи. Картина «Сумерки», известная и под более подробным названием — «Сумерки. Бабуся гонит корову»,— явилась итогом большой и долгой работы автора. Сохранилось множество набросков к картине, ряд эскизов.

Костанди был выдающимся педагогом. Среди его учеников — такие известные советские живописцы, как И. Бродский, А. Шовкуненко, М. Греков.

Один из старейших мастеров советского искусства, И. С. Ижакевич, много и плодотворно работает как в графике, так и в живописи. В 1939 году он выступил с большой серией иллюстраций к «Кобзарю» Шевченко. Несколько лет назад в соавторстве с Ф. Коновалюком Ижакевич создал иллюстрации к поэмам Шевченко. Картина «Тарас Шевченко — пастух» («Тогда мне лет тринадцать было») написана им в 1935 году. По-настоящему трогателен образ мальчика, тщательно и любовно выводящего буквы.

Многие украинские мастера писали произведения, посвященные трехсотлетию воссоединения Украины и России.

Молодой живописец В. Ф. Задорожный сумел создать величественный образ Хмельницкого, сильного человека, готового пожертвовать любимым сыном во имя интересов Родины.

В пейзаже «На Днепре» С. Б. Отрощенко верно схватывает атмосферу большой жизни на реке: вдали идет пароход, буксир тащит баржу, плывут парусники, тренируется гребец...

Еще раз показал себя талантливым мастером В. Пузырьков. Ученик А. А. Шовкуненко, он в 1946 году с успехом окончил Киевский художественный институт. Вскоре художник написал большое композиционное полотно «Черноморцы», рассказывавшее о героическом подвиге моряков в годы Отечественной войны, и сразу же обратил на себя внимание общественности.

Картина «Море» полна взволнованной романтики.

Е. БРАГИН

В. Ф. Задорожный. БОГДАН ХМЕЛЬНИЦКИЙ ОСТАВЛЯЕТ В ЗАЛОЖНИКИ КРЫМСКОМУ ХАНУ СВОЕГО СЫНА ТИМОША. 1954 год.

«Огонек». 1954.

И. И. **Соколов** (1823—1910). С БАЗАРА. 1859 год.

В. Г. **Пузырьков.** МОРЕ. 1954 год.

ЛАНЬЧЖОУ—АЛМА-АТА

ПИСЬМА С ДОРОГИ

Г. БОРОВИК **Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.**

Специальные корреспонденты «Огонька»

1.

Пассажиры

Репродуктор басовито кашлянул, а затем неожиданно нежным девичьим голосом произнес:

— Внимание! Объявляется посадка на самолет номер ноль один: Пекин — Сиань.

Фраза была произнесена по-китайски, а потом по-русски. Китайские товарищи, летящие вместе с нами, первыми направились к выходу. Несмотря на раннее утро, было уже довольно жарко, и мы чувствовали себя несколько неудобно в своих ватных куртках и меховых шапках. Окружающие добродушно посмеиваются. Наш переводчик, товарищ Чжу Ле, экипированный тоже «по-полярному», успокаивает: впереди снежные перевалы, ночевки в палатках, двадцатидневный путь в разных климатических условиях гигантского северо-запада Китая.

Ожидающий пассажиров зеленый «ЛИ-2» сверкает на солнце, чистенький, светлый, будто умывшийся после сна. Вдали, на линейке, стоят точно такие же самолеты с красными носами, красными молниевидными стрелами по всему фюзеляжу и надписями на плоскостях: «СКОГА»— Советско-Китайское общество гражданской авиации. Оно было создано 1 июля 1950 года для организации в сжатые сроки работы гражданских воздушных линий в Китае, для подготовки кадров китайских летчиков и техников. Самолеты с надписью «СКОГА» обслуживают пятнадцать крупных центров, летают над просторами Северо-Восточного, Северного и Северо-Западного Китая. СКОГА подготовила за это время большое число первоклассных кадров для китайского гражданского воздушного флота. Выполнив свои задачи, общество, согласно советско-китайскому коммюнике, должно прекратить свою деятельность с 1 января 1955 года: советская доля участия полностью передается Китайской Народной Республике.

— Товарищи пассажиры, кто собирается завтракать в Сиане? Прошу делать заказы — передадим по радио.

Одиннадцать пассажиров молчат, не отрываясь от окошечек, в которые видно, как медленно уплывает в сторону Пекин. Вот тень самолета пронеслась по зеленой глади огромного озера в бывшей летней императорской резиденции, блеснул вдалеке золотистый шпиль советской выставки. Луч солнца, с силой ударившись о тугую поверхность желтой, напитанной илом реки, отскочил к стенкам самолета, уже успевшего набрать высоту.

Человек в синей форменной тужурке еще раз повторил свой вопрос. Не дождавшись ответа, он скрылся в кабине,— наверно, пошел радировать, что все одиннадцать сыты.

Самолет не поезд. Знакомятся здесь медленнее и расстаются быстрее, не успев поведать друг другу и сотой доли того, что рассказывается под убаюкивающий стук колес. Точкой соприкосновения оказался шестилетний Вовка. Он летел со своим папой, работником СКОГА, в Тайюань. Как истый сын летчика, он был одет во все кожаное, оснащен бесчисленным количеством застежек-молний, которые беспрестанно раскрывал и закрывал. Вовке первому надоело смотреть в окошко, он начал бегать по ковровой дорожке, растопырив руки и изображая самолет в самолете. Через несколько минут выяснилось, что мальчик знает несколько слов по-китайски. Его тут же в шутку сделали переводчиком. А когда на помощь пришел товарищ Чжу Ле, начался общий разговор.

— Скоро домой, — мечтательно улыбаясь, произносит вовкин папа. — Согласно коммюнике, не позже января.

— А вы давно в Китае? — спрашивает кто-то.

— Ну, вот считайте. В тысяча девятьсот пятидесятом создалось наше СКОГА. Я года через полтора приехал. Значит, больше двух лет.

— Соскучились, наверное, очень? — спрашивает молодая китаянка и опасливо косится на девочку, которую держит на руках: не разбудить бы. — Я вот только месяца три дома не была, и то чувствую, что не вытерплю... — Она доверчиво продолжает:— За-

Наш самолет вели командир корабля Юрий Иванович Евдокимов и второй пилот Тын Гуан-шань. Когда включают автопилот, можно переброситься словами со штурманом Жан Пэем.

вут меня Ма Цзы-фан. Я работник связи. Сижу на телефонной станции у себя в Урумчи; то Пекин позвонит, то Шанхай, то Мукден, а то и Кантон. Люди по телефону разговаривают, а я думаю: что это за города такие, как они выглядят, далеко ли отсюда? Ведь я никогда из Урумчи не выезжала! Вот тебе, думаю, и работник связи!

Пассажиры рассмеялись.

Впрочем, нынешним летом провинция Синьцзян устроила для группы своих работников-связистов экскурсию по всему Китаю. Сперва хотели включить и Ма Цзы-фан, но потом узнали, что она беременна, решили воздержаться.

— А я говорю им, — задорно улыбается Ма Цзы-фан, — если не возьмете, я, чего доброго, своего будущего ребенка буду меньше любить. Ведь он помешал мне ехать.

Обсудили, нашли, что довод серьезный, — и согласились. И вот повезли Ма Цзы-фан по провинциям, по городам ее родины.

— Раньше я города только по слышимости отличала, — говорит связистка из Урумчи. — У этого — хорошая, тот — трещит, с третьим — часто линия портится. А тут каждому городу в душу заглянула. И не думала я, что наш Китай такой красивый, богатый. И огромный какой!.. Ох, проснулась, — испуганно посмотрела молодая женщина на дочку. — В Мукдене она у меня родилась, в пути, потому я и отстала от нашей группы и лечу на самолете.

— Скоро в эти места по железной дороге сможем ездить, — заговорил смуглый высокий человек в черной длинной шубе с белыми отворотами из барашка. — А вот мне от Ланьчжоу до Синина еще на машине добираться, потом по Цинхай-Тибетской дороге снова машиной да еще верхом по горам дней шесть.

Пассажир раскладывает на полу карту и, опустившись на колени, показывает пальцем:

— Вот где я живу — автономный тибетский округ Коло.

Кто-то интересуется, куда едем мы. Отвечаем, что хотим проехать по трассе будущей железной дороги, которая соединит Восточный Китай с Северо-Западным и с Алма-Атой.

— А в Сиане будете? — задает вопрос коренастый китаец, до сего времени молчавший. — Тогда обязательно заезжайте к нам в госхоз! Не пожалеете. Увидите, что такое сельское хозяйство северо-запада!

— Вы к ним действительно загляните, — соглашается его сосед. — Но не особенно задерживайтесь. Главное, время на Юймынь оставьте. Там мы вас в золоте искупать можем... В черном, правда. Гордость Китая — нефтяные месторождения!

— Постойте, товарищи, — вмешивается в разговор третий. — А дыни! Вы когда-нибудь пробовали синьцзянские дыни из Турфана или Хами? Не пробовали? — Пассажир искренне изумлен. — О турфанской дыне поэму написать можно! Она тает у вас во рту, и вкус такой, что...— Он остановился, подыскивая сравнение, пощелкал пальцами от нетерпения и закончил решительно: — Нет, вам надо прежде всего ехать к нам, в Синьцзян! Правда, товарищи!

— Так как же: никто не будет завтракать в Сиане? — раздался знакомый грустный голос.

Видимо, только что выслушанная поэма о дыне сыграла свою положительную роль. Посыпались заказы.

Учебник истории

Сиань — экономический и культурный центр северо-запада. Это город-история, даже «учебник истории». Как и всякий учебник, он имеет разделы: древняя эпоха, средневековье, новая история и новейшая. Войдите в музей, и вы увидите древние письмена на каменных страницах каменных книг; вы увидите великолепные статуи будд; и еще вы увидите свежие рубцы на древней скульптуре. Это следы пребывания здесь американских «ценителей искусства». Убедившись, что вывозить статуи дорого, они нашли прекрасный выход из положения — вывезли головы, предварительно отбив их от туловищ.

Пройдите по улицам города. Великолепные древние пагоды, башни, колокольня, восстановленные недавно во всей их первозданной красоте. Жители расскажут вам, что вот под этой колокольней был один из многочисленных гоминдановских застенков. Вам покажут много зданий, которые при гоминдановцах были превращены в тюрьмы. Сиань был базой наступления чанкайшистов на освобожденный, пограничный район Шэньси — Ганьсу — Нинся. Поэтому и было так много тюрем, тайных камер пыток, шпионов, провокаторов — всего того, что предназначается для борьбы против свободы. Это история недавних лет, о ней сианьцы вспоминают с гневом.

Осмотрите башню, колокольню, пагоды и идите дальше: впереди еще много интересного. Вы увидите новые дома, построенные после освобождения. Они увеличили жилую площадь города в полтора раза. Вы увидите новый театр, огромный, только что сданный в эксплуатацию стадион. Кинотеатры, школы, техникумы, одна из крупнейших в Китае электростанций... Все это построено после освобождения, и все это входит в раздел новейшей истории города, точнее, истории первого великого пятилетия Китайской Народной Республики.

В музее мы встретили четырех стариков-крестьян. Впервые за свою долгую жизнь они очутились в городе. Впервые увидели и узнали, что их народ имеет древнейшую в мире культуру, великое прошлое. Беседуя с этими стариками среди старинных экспонатов музея, мы читали одну из самых современных, животрепещущих страничек раздела «Настоящее».

В городе-учебнике есть и такой раздел — «Будущее». А если говорить о будущем Сианя, то надо говорить о текстильной промышленности.

Экскурсанты

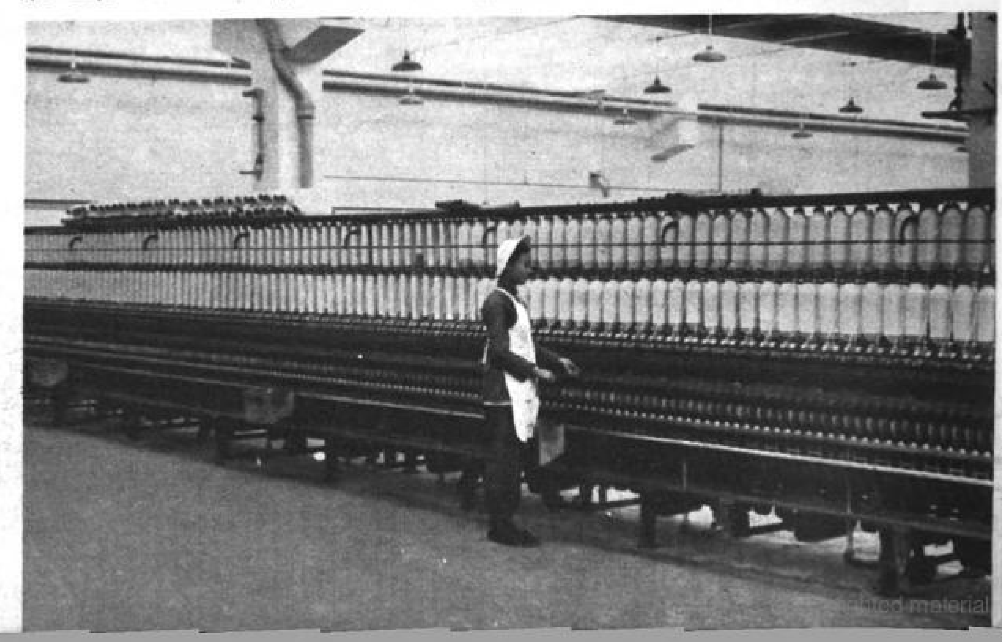
Дорога к третьей, недавно построенной в Сиане текстильной фабрике идет сначала по широким улицам. Регулировщики, одетые во все желтое, кричат в ярко-красные рупоры: «Товарищ в синей тужурке, сверни налево, иначе тебя задавит машина, груженная щебнем!» Затем дорога вырывается в пригород, где движение меньше. Тут регулировщики, стоя на высоких тумбах, проводят разъяснительную работу среди собравшихся кучкой пешеходов, растолковывая правила уличного движения. Но вот путь наш идет уже среди полей. На одном из них остатки взорванного гоминдановского дота; двое рабочих убирают бетонные обломки: они мешают всходам. Отсюда видны длинные корпуса фабрики.

— Я думаю, что вам надо все смотреть по порядку, — говорит нам товарищ Чжен Лун, директор текстильной фабрики.

Мы соглашаемся, и невысокий широкоплечий человек с приветливым, чуть-чуть озорным лицом ведет нас в ясли.

За короткое время пребывания в Китае мы привыкли к тому, что в любом деле, большом или малом, главное внимание уделяется юным гражданам республики. Неожиданным показалось лишь то, что в яслях есть свободные места. Товарищ Чжен Лун пояснил:

— Фабрика пущена совсем недавно. Семейных еще мало: ра-

ботницы и рабочие — сплошь молодежь, так что мест пока хватает. Но это не надолго, да?

Он повернулся к окну, видимо, желая показать, где будут воздвигаться новые ясли, но остановился на полуслове и, улыбаясь, сказал:

— Посмотрите-ка!

По фабричному двору шла девушка-текстильщица в красной кофте, полотняной белой кепочке и таком же переднике с перекрещивающимися на спине лентами. За ней солидно выступали пожилой бритоголовый крестьянин, крестьянка и двое ребятишек.

— Вот так, семьями, они и приходят к нам. С детишками, иногда с едой на целый день. Не фабрика, а какой-то музей изящных искусств, — добавил директор с напускной строгостью.— Ну, хорошо, когда десять человек в день придет на фабрику, это нормально. Двадцать — тоже не страшно. Пусть пятьдесят, выдержим! Но ведь сегодня с утра у нас была экскурсия... — Он сделал паузу, выразительно посмотрев на нас, и заключил шепотом: — Шестьсот человек! А?! Чуть ли не вся деревня пришла, которая здесь поблизости. Единственная надежда, могу по секрету сказать, что фабрика № 4, которая рядом строится, одна из крупнейших в Китае, переманит к себе всех. Да и привыкнут скоро к нашим текстильным гигантам. Три в городе уже построено, четвертый строится.

Вскоре мы увидели эту знакомую нам семейную экскурсию в цехе. Отец, мать, дочь, ребятишки стояли около станка. Дочь что-то объясняла отцу, и тот, удивленно поднимая брови, говорил:

— Действительно, совсем не такой, как у нас дома, совсем не такой.

Девушку зовут Го Хуэй-чин, отца — Го Цзин-тан, мать — Хуан Чин-чжен. Деревня их рядом. Но, оказывается, Го Хуэй-чин стоило большого труда проделать этот короткий путь. Когда отец услышал, что неподалеку будет строиться фабрика и дочь хочет поступить туда на работу, он сказал:

— Пока жив, не допущу. Моя дочь не будет работать без присмотра среди незнакомых женщин и мужчин. У нас дома тоже есть ткацкий станок!

Хуэй-чин повела регулярную осаду. Она приводила домой двоюродную сестру — прядильщицу. Та рассказывала, как много ткани вырабатывает фабрика и какая крестьянам от этого выгода. Отец только сердито сопел и выходил в другую комнату. Но Хуэй-чин знала, что он оттуда очень внимательно прислушивается к разговору. Однажды отец сказал: «Делай, как знаешь!».

Первое время Хуэй-чин учили на текстильной фабрике № 1. Бешено вертящиеся веретена били по рукам, пальцы не слушались. Старая прядильщица стращала: «Машина, как тигр: если не научишься управлять ею, загрызет».

Хуэй-чин приручила «тигра». Летом она уже перешла на новую, только что построенную фабрику № 3.

Эти подробности мы узнали в конце дня в уютной тихой комнатке, недалеко от шумного цеха, где вся семья пила чай из маленьких чашечек. Хуэй-чин то и дело ласково поглядывала на отца, а тот отводил глаза, когда речь заходила о нем.

— Теперь дома отец все расспрашивает меня: трудно ли, как кормят, какие станки стоят в цехах. Я ему рассказывала, какие блюда на завтрак, какие на обед, на ужин. Говорила, что все на фабрике для удобства рабочих: стены покрашены специальной краской, чтобы не резало глаза, пол — из особого материала, чтобы не дрожал, замечательная вентиляция, температура все время ровная. А он не верит. Тогда я ему говорю: приходи, посмотри сам. Вот он, наконец, и пришел...

Дочь налила отцу чай из термоса.

Мы спрашиваем старого Го, понравилась ли ему фабрика. Он ставит на стол чашку, не спеша вытирает рукой губы, еще немного медлит и отвечает: когда у него подрастет вторая дочь, он тоже отдаст ее на фабрику. Говорит он это без улыбки. Но надо было видеть в это время глаза Хуэй-чин!

Сиань — Ланьчжоу

Сианьцы справедливо считают, что строительство железной дороги Ланьчжоу — Алма-Ата началось от их города, вернее, от городка Баоцзи, расположенного километрах в полутораста от Сианя. По очень тяжелому горному рельефу строители провели ее через Тяньшуй до Ланьчжоу. При гоминдановцах, правда, существовала дорога Баоцзи—Тяньшуй длиной в 154 километра, но была она настолько плоха, что всю ее пришлось перестраивать наново.

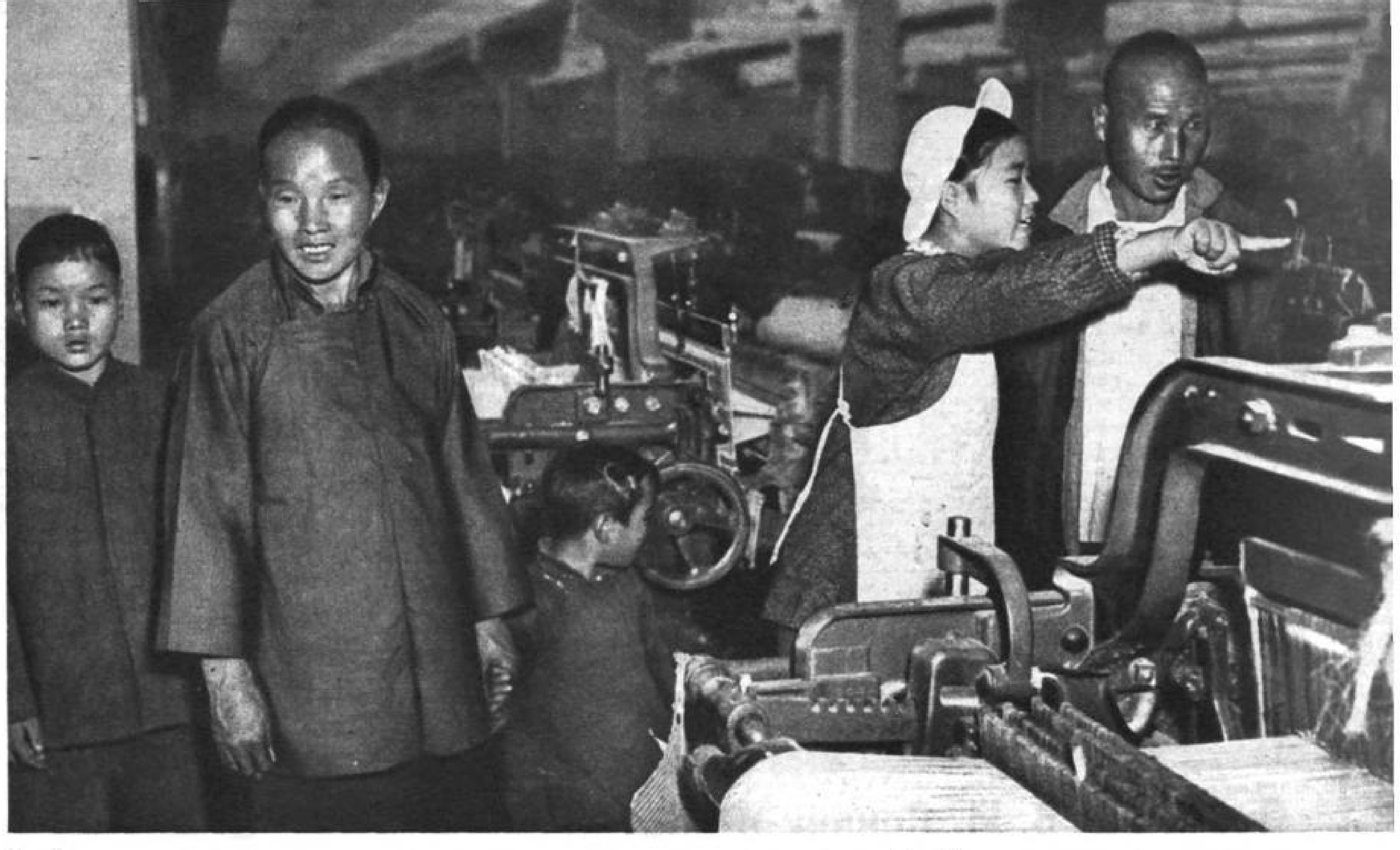
От Сианя до Ланьчжоу самолет идет по прямой, оставляя железную дорогу несколько южнее, где она вьется по долине реки Вэйхэ, а затем среди отрогов хребта Циньлин. Внизу — горы. Очень хорошо видно, что склоны, казавшиеся издали дикими, сплошь распаханы, что поля спускаются террасами. Кажется, что они сделаны из воска, который подтаял, а затем снова застыл в виде широких, неправильной формы наплывов.

У самого Ланьчжоу горы приобретают ядовитую желтую окраску, склоны становятся круче, их прорезают складки, напоминающие кожу гигантского доисторического животного. Ни деревца, ни кустика, ни травинки. В рамке самолетного окошка выжженные солнцем горы напоминают картинку из какого-нибудь научно-фантастического романа или учебника географии.

Но вот горы резко обрываются и уступают место широкой долине Хуанхэ. На обоих берегах реки лежит город Ланьчжоу. Прежде всего хочется увидеть железнодорожную станцию. Вон она, заваленная строительными материалами, шпалами, рельсами. В обе стороны от нее тянутся стальные ниточки. Они идут вдоль берега Хуанхэ и потом теряются где-то далеко...

Нам не видно, как они пересекают реку, как взбираются на перевал почти трехкилометровой высоты, вонзаются в туннели, как вновь спускаются мимо палаток скотоводов, среди полей земледельцев, как бегут рельсы мимо городка Аньюан, центра Тибетского автономного округа Тянжу, где люди, которые изображены на первой странице обложки нашего журнала, впервые в жизни услышали гудок паровоза и впервые сели за парту, как сбегает железнодорожный путь еще ниже, на каменистую почву пустыни Гоби, и обрывается пока около маленького города Увэя...

Все это мы увидели позднее.

Семейную экскурсию мы встретили в ткацком цехе.

Текстильная фабрика № 3 в Сиане оснащена новейшими станками, построенными в Китае.

Памятник В. И. Ленину в Баку

В Баку состоялось торжественное открытие монумента основателю и вождю Коммунистической партии Владимиру Ильичу Ленину.

Статуя высотой около 11 метров на 16-метровом пьедестале установлена на площади, раскинувшейся между Домом правительства Азербайджанской ССР и берегом Каспия.

Более трех лет работал над воплощением образа вождя азербайджанский скульптор Джалал Карягды. В бакинской скульптурной мастерской с участием специально приглашенных московских мастеров модель увеличили. Затем на Мытищинском заводе художественного литья была отлита бронзовая статуя.

Статуя хорошо видна с судов, находящихся за много километров от Баку.

А. КИКНАДЗЕ

Арысь-Туркестанский канал

От подножия Кара-Тау к северо-западу Южно-Казахстанской области тянутся бесплодные, засушливые степи. Сейчас здесь началось строительство Арысь-Туркестанского канала — крупнейшего ирригационного сооружения Казахстана.

Канал пройдет северо-восточнее русла Сыр-Дарьи и оросит почти 200 тысяч гектаров пустующих земель пяти районов Южно-Казахстанской области. Питать канал будут две реки: Бугунь и приток Сыр-Дарьи — Арысь.

Обогнув высокий водораздел этих рек, канал круто повернет на северо-запад и потечет по пологой долине. Длина его достигнет без малого двухсот километров.

В пойме реки Бугуни уже началось сооружение водохранилища емкостью в 370 миллионов кубометров. На 5 километров протянется здесь земляная плотина высотой до 17 метров.

На всей площади орошения создается вспомогательная ирригационная сеть. На реке Арыси будет воздвигнуто две электростанции. Сооружение одной из них уже начато.

Стройка Арысь-Туркестанского канала объявлена в республике всенародной. Со всех концов Казахстана съезжаются сюда рабочие и колхозники. Уже вынуты первые сотни кубометров грунта. Каждый день на строительство канала прибывают десятки экскаваторов, скреперов, бульдозеров.

Арысь-Туркестанский канал должен вступить в эксплуатацию в 1957 году. Почти в 15 раз возрастет валовой сбор хлопка в Южно-Казахстанской области, когда вода пойдет на поля.

В. ЛАВРОВА

Юбилей ученого

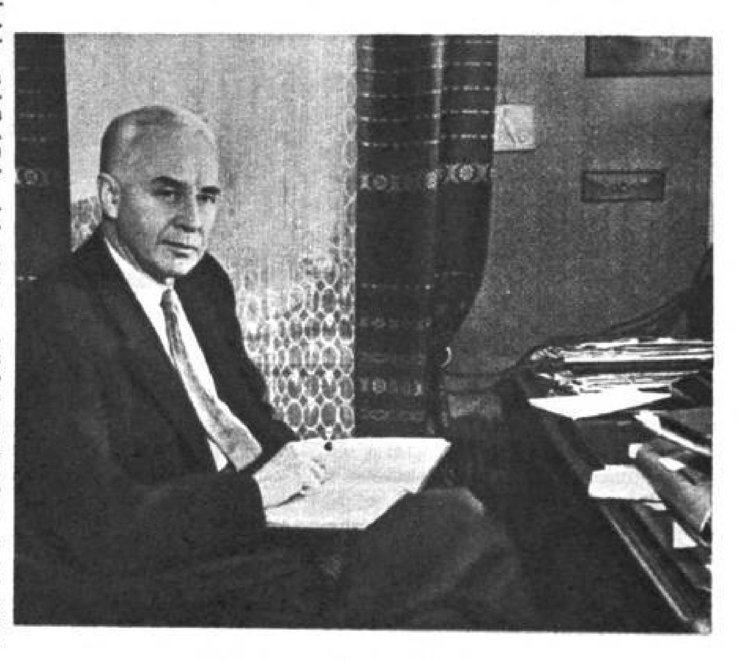
Научная общественность Москвы недавно отметила шестидесятилетие со дня рождения одного из виднейших советских биохимиков, академика Владимира Александровича Энгельгардта.

Научная деятельность Владимира Александровича началась еще до Октябрьской революции, в Московском университете. После демобилизации из Красной Армии в 1921 году он посвятил себя биохимии — молодой тогда еще науке.

Спустя некоторое время его труды привлекли внимание широкой научной общественности в нашей стране и за рубежом и продолжают оставаться в центре внимания биологов. Им открыт биологический смысл акта дыхания клеток, а также процессов сбраживания углеводов.

В. А. Энгельгардт осуществил крупные работы по биохимии тканей и заложил основы совершенно новой области исследования, так называемой механохимии мышц.

Чрезвычайно плодотворна и педагогическая деятельность академика. Будучи профессором Казанского, затем Ленинградского, а теперь Московского университета, он воспитал и продолжает воспитывать отряды молодых специалистов.

Академик В. А. Энгельгардт.
Фото С. Фридлянда.

Выборы в Чехословакии

28 ноября 1954 года в Чехословацкой Республике проходили выборы в Национальное собрание (верховный орган народной власти страны) и в Словацкий Национальный совет.

Выборы продемонстрировали единство и сплоченность всех слоев населения Чехословакии вокруг народного правительства, вокруг Коммунистической партии и других демократических партий и организаций, объединяемых Национальным фронтом чехов и словаков. «Голосуя за кандидатов Национального фронта, мы голосуем за мир!» — так говорили избиратели.

В выборах в Национальное собрание приняло участие 99,18 процента избирателей. За кандидатов Национального фронта голосовало 97,89 процента от общего числа избирателей.

На снимке: голосует Иржина Голечекова. Избирательный участок села Ратишковице.

Десять сильнейших вступили в борьбу

Хоккей с шайбой пользуется не меньшей популярностью, чем футбол. Любители спорта внимательно следят за хоккейными поединками, радуясь победам наших спортсменов. А успехи у нас немалые. Впервые выступив в прошлом сезоне в официальных международных соревнованиях, советские хоккеисты завоевали почетные звания чемпионов мира и Европы.

Чтобы вновь стать первыми, нужно быть еще более сильными. И советские спортсмены упорно готовятся к предстоящим соревнованиям на первенство мира, которые начнутся 26 февраля на ледяных полях Западной Германии.

Сейчас наши лучшие хоккейные команды вступили в борьбу за звание чемпиона страны. В ней участвуют десять сильнейших коллективов: прошлогодний чемпион — московское «Динамо», обладатель «Кубка СССР» — команда Центрального спортивного клуба Министерства обороны СССР, «Крылья Советов» (Москва), ленинградский Дом офицеров, клуб имени Карла Маркса (город Электросталь, Московской области), «Даугава» (Рига), «Авангард» (Челябинск), «Динамо» (Новосибирск), «Торпедо» (город Горький) и «Авангард» (Ленинград).

Удачно начали чемпионат команды армейцев и «Крылья Советов». Первую половину чемпионата они провели без поражений. Хоккеисты «Крыльев Советов» в упорном матче сумели победить чемпионов страны—динамовцев Москвы (4:1). Отличились в этой встрече игроки сборной команды СССР — Алексей Гурышев и Николай Хлыстов.

Первые матчи показали, что команды повысили свое мастерство. Впереди решающие встречи на ледяных полях.

В. ФРОЛОВ

Челябинск. На поле хоккеисты «Торпедо» (город Горький) и клуба имени Карла Маркса (город Электросталь).
Фото В. Георгиева (ТАСС).

На маяке

Рассказ

Виктор СТАРИКОВ

Рисунки В. Высоцкого.

Утром с высокой скалы, где стоял маяк, смотритель Никита Алексеевич увидел на светлозеленой воде пустынного моря моторную лодку. Она беспомощно болталась на волнах, удаляясь от берега.

Небо над Байкалом было ясное, но все чаще налетали порывы холодного воздуха — гонцы осеннего «горного» ветра. За границами залива, защищенного от ветра лесистыми горами, волны уже бежали в открытое море, вода поседела.

С маяка в обе стороны виднелась узкая извилистая береговая линия. Бездымным и легким желтым пламенем светились лиственницы, среди темной зелени кедровника яркими пятнами выделялись рябины. Вдали, на восточном берегу Байкала, розовели снежные вершины Хамар-Дабанского хребта. Никита Алексеевич, обеспокоенный, еще раз взглянул на лодку и стал поспешно спускаться по деревянной крутой лестнице.

На песке у самой воды рядком сидели четыре собаки, настороженно подняв острые уши. Трое ребятишек возились возле них. Шестилетний Сергунька все пытался поднять рослого Мушкета и сесть на него верхом. На крыльце дома стояла жена с меньшим сыном на руках. Заслонив ладонью глаза от солнца, она всматривалась в озеро.

— Что там? — спросила Дуся мужа.

— Лодку ветром несет. Видно, мотор заглох... Надо подплыть.

По узеньким мосткам смотритель прошел к будке гидрометеорологической службы, которая стояла на сваях в левой стороне бухты. Кедровник спускался здесь к самому берегу, густо заросшему кустарником, расцвеченному осенними красками. Кисти рябиновых ягод отражались в тихой воде.

Десятилетний Бориска догнал отца, когда он уже спустился в лодку, и, опустив глаза, попросил:

— Возьми...

— Зачем? Мать пособить просила, дров принести.

Моторка пересекла границу спокойной воды в бухте, холодный ветер ударил Никиту Алексеевича в спину и понес лодку по крутым валам. Брызги полетели в лицо.

Широким полукругом Никита Алексеевич обошел лодку с молчавшим мотором. В ней были двое мужчин, на носу лежал мальчик, укрывшись одеялом.

— Что у вас? — крикнул Никита Алексеевич.

Полноватый человек в кожаном пальто и в серой кепке нетерпеливо отозвался:

— Выручайте!

Молодой, лет восемнадцати, моторист, оттирая раскрасневшееся лицо грязными руками, пожаловался:

— Мотор сдох.

— А весла?

— Не захватили.

— Хороши! — упрекнул смотритель. Волны мешали лодкам сблизиться, и Никита Алексеевич, бросив трос, сказал: — Пойдемте на берег.

Он оглянулся на спутников: они сидели, понурившись...

Бориска ловко поймал брошенный трос, закрепил лодку. Никита Алексеевич подхватил подмышки мальчика лет двенадцати, с побледневшим лицом, с синими подглазницами, поставил его на дощатый настил и, ласково шлепнув, отпустил с напутствием:

— Гуляй, моряк!

Дуся повела мальчика в дом.

Пожилой пассажир, разминая пальцами папиросу, нетерпеливо спросил:

— Что у тебя там? Нашел?

— Видно, разбирать придется, — виновато ответил моторист, еле шевеля замерзшими пальцами.

— Разбирай, если нужно. Не ночевать же здесь.

— Потом, — посоветовал Никита Алексеевич. — Сейчас в дом — отогреться вам надо. Ты кого везешь? — тихо спросил он моториста.

— Директора леспромхоза, Иван Степаныча.

Маяк был хорошо известен морякам, лесосплавщикам, рыбакам и всем, кому приходится плавать по бурному Байкалу. Но мало кто знал самого смотрителя маяка и его семью.

Иван Степанович с любопытством всматривался в бухту. Она выглядела уютной и хорошо обжитой. Новый большой дом с высоким крыльцом, с радиоантенной на крыше стоял на возвышенности; от него разбегалась масса утоптанных тропок по всем направлениям: к берегу, где на кольях сушились сети, а на песке чернели две весельные лодки, к сараям, к огороду — там на грядах зеленела картофельная ботва, укроп топорщился желтыми зонтиками и чернели головки мака. По зеленому склону бродили козы, возле крыльца в песке рылись куры, а из сарайчика слышалось хрюканье поросенка. У крыльца росли две высокие лиственницы; на протянутой между ними веревке сушилось белье.

Удивился Иван Степанович молодости смотрителя маяка. Ему представлялось, что такие места предназначены для стариков — самая спокойная и тихая жизнь, — а перед ним был мужчина не старше сорока лет, в полном расцвете сил, смуглолицый, добродушный, располагающий к себе. В движениях он был чуть медлителен, спокоен, все делал, не торопясь, и как-то очень основательно. Его жена Дуся моложе мужа лет на пять — шесть, черноволосая, миловидная, еще стройная. Она приветливо улыбалась, звонкий, раскатистый голос ее разносился на всю бухту. Чудесная пара!

В просторной комнате на столе уже стоял кипящий самовар.

— Болен ваш мальчик, — обеспокоенно сказала Дуся.

Тот сидел, нахохлившись, на диване, поджав под себя тонкие ноги. Глаза горели сухим жаром.

— Что с тобой, Володя? — спросил Иван Степанович.

— Ничего... — Мальчуган капризно мотнул головой.

Никита Алексеевич провел ладонью по русой головенке и чуть задержал руку на горячем лбу.

— Простыл на море? — сочувственно спросил он. — Ну-ка, выпей с нами чайку, да и в постель.

К столу мальчик не пошел. Дуся, оглядываясь на дверь, в которую протискивались детишки, и грозя им пальцем, укрыла Володю одеялом.

— Да пусть познакомятся, — разрешил Никита Алексеевич.

Трое ребят один за другим вошли в комнату и приблизились к больному. Взрослые молча наблюдали за ними. Володя поднял голову и спросил:

— Эти собаки все ваши?

— Наши, — сказал Бориска.

Знакомство завязалось.

Взрослые отвернулись, чтобы не мешать ребятишкам. Усаживаясь за стол, Никита Алексеевич спросил Ивана Степановича:

— Далеко путь держите?

— В Заброшино, оттуда в город. Начальник главка вызвал. Решил сына покатать, а он, видите, расхворался. Да моторист молодой, к Байкалу только привыкает.

Лицо Дуси еще больше разрумянилось, похорошело, ярче засияли голубые глаза.

Иван Степанович, отогревшийся, признательный хозяевам за помощь и гостеприимство, посочувствовал им:

— Трудную вы себе жизнь выбрали.

— Чего? — не понял Никита Алексеевич, поднимая удивленно брови.

— Далеко от людей живете. Поговорить даже не с кем. Разве только с ветром.

— Бывают у нас люди, — возразил смотритель. — Охотники, рыбаки, экспедиции разные. Недавно двадцать студентов гостили, по скалам лазили. Да и так нас не забывают: раз в неделю служебный катер приходит, показания приборов забирают, нам книги, журналы привозят.

— Вон детей у вас сколько. Наверно, с продуктами бывает туговато?

— Были бы руки! Зверья всякого полно, всегда есть свежее мясо. В Байкале рыба даровая.

— И не скучаете?

— С ребятами не заскучаешь,— сказала весело Дуся и засмеялась, оглядываясь на них. — Эти сорванцы скучать не дадут.

— Десять лет живем, скуки не замечали,— добавил Никита Алексеевич.

— А детей учить надо? Старший-то — школьник?

— В Заброшине Бориска учится,— сказала Дуся.— Скоро опять уедет. Зимой в школе, а летом с папкой по тайге ходит, в Байкале вместе сети ставят.

С минуту Иван Степанович молча смотрел на молодую женщину. Ему трудно было представить себе, что можно жить одним в таком вот далеком местечке. Что-то хорошее было в светлой, спокойной улыбке Дуси. Лицо смотрителя маяка показалось еще добрее и приветливее. «Любят, счастливы,— подумал о хозяевах Иван Степанович,— потому и легко им тут».

Моторист и Никита Алексеевич поднялись из-за стола и ушли на берег. Они осмотрели мотор и решили его разбирать. Бориска сидел возле них и с озабоченным и довольным лицом промывал в керосине металлические детали.

Иван Степанович вышел к ним и обеспокоенно посмотрел на свинцовое небо и серые валы в море.

— Не опасно плыть в такую погоду? — спросил он смотрителя.

— Вдоль берега спокойно пройдете.

— Да? Так вы мне свою моторку одолжите, через пять дней вернем. А нашу наладьте.

— Вот этого не могу. Хоть и своя, но не могу. Уж такое наше правило,— решительно отказал Никита Алексеевич.

Иван Степанович не стал настаивать, ушел в дом. Моторист и Никита Алексеевич пробыли на берегу до позднего вечера, но мотора не исправили.

В темноте на скале через равные промежутки времени вспыхивал свет маяка. На крыльце смотритель задержался. Облокотившись на перила, ждал: в этот час обычно проходил пассажирский пароход.

За дверью послышался голос Ивана Степановича: он спрашивал о чем-то Дусю. И этот голос напомнил Никите Алексеевичу разговор за столом о скучной жизни на маяке, и он с тем же недоумением подумал: «Ну, какая тут скука...»

И невольно вспомнился тот год, когда он перебрался из рыбачьего поселка на этот мыс.

Искали человека на место умершего смотрителя маяка. Требовался молодой, грамотный, надежный работник, привычный к тайге и к морю. Усложнялись обязанности смотрителя: на мысу открывался пост гидрометеорологической службы. Никита Алексеевич согласился на переезд не сразу, он колебался, советовался с Дусей, с родней. Не хотел и с рыбацким колхозом расставаться. Все решил приезд председателя райисполкома: он убедил, что поехать на маяк больше некому, а служба эта важная.

Дусе родные нашептывали: «В берлогу тебя тянет, найдем тебе мужа получше, такой жене каждый рад будет». Дуся старалась не поддаваться родне, готовилась потихоньку к переезду. Но в последнюю минуту испугалась, и Никита Алексеевич — уже нельзя было отступать — уехал один и прожил на маяке без Дуси, тоскуя и мучась, больше года. Как-то утром увидел он с маяка лодку. Приплыла Дуся.

Далеко в море показались огни парохода, быстро приближавшиеся. Самого парохода не было видно — только яркие огни иллюминаторов кают и красные и зеленые звездочки на мачтах.

Вышла на крыльцо и Дуся.

— Как светится!..— сказала она и после молчания сообщила с тревогой: — Мальчик-то сильно прихворнул, как помочь?

Они стояли рядом, и в слабом свете звезд Никита Алексеевич видел беспокойно блестевшие глаза жены.

Дождавшись, когда скрылись огни парохода, они вместе вошли в дом.

Всю ночь слышал Никита Алексеевич, как Дуся возилась с больным, поила водой, меняла компресс, о чем-то с ним тихо переговаривалась.

Утром Никита Алексеевич рано разбудил моториста и ушел с ним на берег.

После беспокойной, бессонной ночи Дуся вышла на крыльцо.

Ребята играли возле дома. С ними был и Володя, которому утром стало легче. Бориска, стоя на холме, размахнулся и далеко бросил палку; стая собак, слившись в клубок, ринулась за ней. Вперед вырвался Мушкет, схватил зубами палку и, присев на задние лапы, резко затормозил, и вся стая полетела через его голову. Мушкет уже мчался назад, пока сконфуженные собаки, отряхиваясь от песка, только повертывали. Сергунька, приседая, хлопал в ладоши и тонким голоском кричал:

— Мускет!.. Первый... первый...

— Ишь, забаву придумали,— ласково сказала Дуся, и усталые глаза ее оживились.

— У каждого своя собака? — спросил Иван Степанович, уже давно следивший за этой игрой.

— Да нет...— Дуся опять засмеялась.— Со всеми дружат. А Мушкета Сергунька прошлым летом из тайги принес, маленького, слепого. Видно, тихонько от матери охотники взяли и бросили. Мы думали, не выживет, хотели утопить, а Сергунька в слезы. Вон какой теперь вырос, от Сергуньки не отстает, только его и признает.

«Какая же славная семья!» — уже в который раз подумал Иван Степанович.

Когда он спустился к берегу, мотор опять был разобран. Директор леспромхоза недовольно нахмурился.

— Режешь ты меня,— упрекнул он моториста.

Никита Алексеевич принял этот упрек и на свой счет: торопится человек по важному делу, да застрял здесь, а он не дал ему моторки.

Мотор удалось запустить во второй половине дня. Попробовали его в работе, пересекли несколько раз залив. Директор леспромхоза повеселел.

Володе опять стало хуже. Его уложили на нос лодки и тепло укрыли одеялом.

— Спасибо вам,— сказал Иван Степанович, протягивая Дусе деньги.

— Зачем? — спросила женщина, отступая, растерянно отводя назад руки.

Директор леспромхоза смутился и поспешил убрать деньги.

Никита Алексеевич и Дуся со всеми ребятами стояли на берегу, пока лодка не скрылась за мысом. Опять стало тихо.

На третий день утром Бориска пожаловался матери, что у него болит голова и саднит в горле. Дуся внимательно посмотрела в загорелое лицо сына, в голубые помутневшие глаза.

— Поди, опять холодной воды напился? — спросила она.— Ой, Бориска, горе мне с тобой! Посиди теперь дома, неугомонный.

Сама она ушла на берег стирать белье, но, встревоженная, скоро вернулась. Бориска спал разметавшись на диване, в уголках запекшихся губ белел налет. «Неужели захворал?» — со страхом подумала Дуся.

Вечером начал капризничать самый маленький, которому не исполнилось и года. Дуся всю ночь ухаживала за ними. Бориске становилось все хуже.

А утром все четверо детишек лежали в изнурительном жару. Дуся растерялась: болезнь впервые вошла в их дом.

Всегда ее сыновья были сильными и крепкими, не боялись ни жары, ни холода. Бегали целыми днями по берегу бухты, уходили в кедровник, забирались на скалы, на маяк. А то брали лодку и плавали вдоль берегов. Настоящие сорванцы!

Сначала Дуся страшилась этой ранней самостоятельности сыновей, спорила с мужем, даже сердилась на него за потворство ребятам, потом привыкла и мысли не допускала, что с ними может что-то случиться.

И вот лежат ее сорванцы, все четверо,— маленькие, беспомощные, ослабевшие.

Вечером, с глазами, полными слез, Дуся сказала:

— В больницу надо.

— Куда же сейчас? Если бы рядом больница... Еще хуже станет, как продует дорогой. Посмотрим, что завтра будет.

Утром задул опять «горный» ветер. Казалось, что башня шатается под его ударами. В ближней пади стоял желтый туман. Горный ветер выдувал песок, все больше обнажая корневища лиственниц. Деревья стояли, словно на растопыренных лапах.

Никита Алексеевич, крепко держась за перила, сбиваемый ветром, с трудом поднялся на маяк, посмотрел с безнадежным видом в море. «В такой ветер мимо падей не пройти. Нельзя плыть...»

Он спустился на берег и все же начал готовить лодку, иногда оглядывая темное небо и разгулявшееся море.

Пришла на берег Дуся, опустилась на камень, поставила локти на колени и устало склонила голову.

Никита Алексеевич положил на ее плечо руку. Пытаясь успокоить жену, хотя и у него на сердце было тяжко, он сказал:

— Выходим ребятишек...

Так они посидели рядом на камне, затем молча направились к дому. Над морем быстро бежали темные облака, бросая мрачные отсветы на берег, грозно свистел ветер.

Собаки не отходили от крыльца, скулили, визжали, царапались в дверь, не понимали, почему не видно на улице их маленьких друзей, почему их не пускают в дом.

Вовка, самый толстый, краснощекий четырехлетний бутуз, сидел на кровати и перебирал игрушки. Увидев мать, потянулся к ней ручонками, заулыбался.

Сережа попросил, растягивая слова:

— Мам, пусти Мускета.

— Убежал он в лес, ягодка.

— Не, лает...

— Ну, потерпи немного.

Бориска лежал, открыв большие глаза с темными густыми ресницами, о чем-то сосредоточенно думал.

Дуся подсела к нему на кровать, положила руку на влажный, горячий лоб. «Расхворался, помощник!» Сын слабо улыбнулся.

— Лучше?

Бориска кивнул головой.

На какую-то минуту Дусе показалось, что ребятишкам стало лучше, преждевременны ее опасения, о которых она и мужу не хотела говорить. Она повеселела.

— А ну, кто кушать будет?

Но ребята не притронулись к еде, и снова сердце матери заболело.

— Дифтерит, наверное, у них,— прошептала еле слышно Дуся, страшась этого слова, и добавила: — Так вот и мой брат болел.

— Откуда тут дифтерит, — не поверил Никита Алексеевич.

— А тот мальчик, Володя... Он и на горло жаловался.

Отец прислушался к тяжелому дыханию детей, посмотрел на их красные, воспаленные лица и почувствовал, как спазма перехватила ему горло.

— Собирай ребят, повезу в больницу, — решительно произнес он.

Дуся подняла залитое слезами лицо.

— Не доплыть,— испуганно возразила она.

— Не пропадать же им!

На руках они снесли затихших детей в лодку, уложили на матрацы, закутали одеялами, накрыли одеждой.

Собаки беспокойно вертелись на мостках, ожидая приглашения в лодку. Мушкет вошел по грудь в воду, собираясь прыгнуть к хозяину.

— Домой! — резко крикнул Никита Алексеевич и, не оглядываясь больше на плачущую жену, с окаменевшим лицом прыгнул в лодку, оттолкнул ее от свай.

Вожак не послушался и поплыл, не сводя преданных глаз с хозяина. Только когда мотор, чихнув два раза, ударил в нос вонючим дымом, Мушкет повернул к берегу.

Дуся вскрикнула, как только лодка скрылась за мысом, и побежала к лестнице на маяк. Ветер сорвал с головы платок и понес в море, она не заметила этого. Все выше и выше поднималась женщина по скале, и все шире открывалось перед ней грозное сегодня море.

У стеклянной будки маяка, тяжело дыша, Дуся привалилась грудью к перилам. Теперь на много километров была видна в обе стороны знакомая береговая линия. Лодка, прыгая на волнах, плыла вдоль самого берега, горбатившегося острыми серовато-бурыми скалами.

Слезы туманили Дусе глаза, и лодка пропадала. Испуганно протерев глаза, женщина опять находила черную точку и шептала: «Довези, Никитушка, довези...»

Все меньше становилась черная точка моторки, все дальше уплывали ее дети. Наконец лодка скрылась в синих тучах.

Едва моторка вышла из бухты, как ударил холодный ветер, и первая волна с необыкновенной силой швырнула ее, едва не вырвав из рук смотрителя руль. За шумом быстро катившихся волн и свистом ветра почти не слышно было мотора. Тучи переваливали через гребни гор и, срываемые резкими порывами ветра, падали в море.

Никита Алексеевич пробился к берегу и вдоль него повел моторку, стараясь, чтобы ветром ее не унесло в море, прикидывая с беспокойством, когда же они попадут в рыбачье село Заброшино. До него от маяка считали около шестидесяти километров. По всем расчетам выходило, что туда они доплывут только в темноте.

Больше всего смотрителя страшила падь Ревучая — самое глубокое ущелье. Миновать бы ее благополучно, а дальше будет легче. Он видел, как впереди, из каменных ворот этой пади, выползают тяжелым дымом синие тучи и растекаются над морем.

Только сейчас Никита Алексеевич оглянулся. Тонкой иголочкой над лесистыми скалами виднелся маяк.

Ребятишки лежали тихие, неслышные, и он, испугавшись, приоткрыл край одеяла. Нет, они дышали, но каким трудным было это дыхание!

Напротив пади Ревучей лодку подбросило снизу, и она, сотрясаясь, замоталась с волны на волну. Леденящий ветер дул справа, от него коченело тело. Самой пади за клубами туч не было видно. Моторка плыла в густом тумане. Никита Алексеевич продолжал жаться ближе к берегу, рискуя налететь на камни, выступавшие из кипящей воды.

Миновав опасную падь и увидев скалистый берег, он облегченно вытер мокрый лоб. Маяк скрылся в тучах.

Одеяло шевелилось, кто-то из ребят настойчиво сбрасывал его. Никита Алексеевич выпустил руль и склонился над детьми.

У Бориски посинело лицо, он задыхался, в открытых округлившихся глазах блестели слезы. Отцу показалось, что на губах старшего выступила розовая пена. Маленький беззвучно плакал, беспомощно шевеля тонкими пальчиками. Сергунька и Вовка лежали в беспамятстве, неровно и тяжело дыша.

Волна круто повернула неуправляемую лодку, вторая с силой качнула ее, третья, словно ждала, налетела, качнула с еще большей силой, и через накренившийся борт хлынула вода.

Никита Алексеевич кинулся к рулю, пытаясь выправить лодку одной рукой, второй торопливо черпая ведром воду. Новая волна опять плеснула воду в лодку. Не слушаясь, лодка вывертывалась поперек волн.

«Все!» — мелькнуло у Никиты Алексеевича. Руки ослабели, тело налилось усталостью. Не хватало сил держать руль и одновременно вычерпывать воду. Моторка, заметно оседая, плясала на волнах, не подчиняясь рулю.

Бориска, встав на четвереньки, выбирался из-под намокшего одеяла.

— Куда? — испуганно крикнул отец.

— Дай! — по движению губ сына угадал отец. Глазами мальчик показал на ведро.

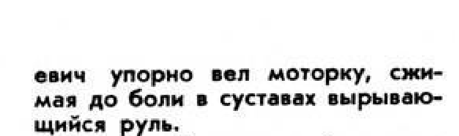
Желание Бориски помочь отцу в эту минуту наполнило Никиту Алексеевича еще не испытанной силой, помогло собрать себя, и он, стиснув зубы, вывернул круто руль, поставил лодку наперерез волнам и стал быстро одной рукой вычерпывать воду.

— Ложись! — крикнул отец. — Бориска, ляг, не бойся, — просительно добавил он.

Лодка шла теперь под острым углом к берегу, и вода перестала захлестывать ее.

Бориска медленно, очень медленно лег, натянул на себя одеяло и закрылся с головой.

Надвинув низко шапку, облизывая мокрые губы, Никита Алексеевич упорно вел моторку, сжимая до боли в суставах вырывающийся руль.

Тревожный, хватающий за душу голос сирены пронесся над водой и вернулся, отраженный отвесным скалистым берегом. Никита Алексеевич увидел впереди слева белую санитарную моторку. Она быстро приближалась, вспарывая носом волны.

В женщине, сидевшей на корме, в резиновом плаще с капюшоном, опущенным на голову, смотритель узнал Веру Васильевну — врача больницы в Заброшине. Когда между лодками оставалось не больше пяти — семи метров, она резким голосом крикнула:

— Куда вы?

— К вам...

— Идите к берегу...

Ближе у берега волны были спокойнее, и лодки смогли сблизиться бортами. Вера Васильевна поспешно перескочила к Никите Алексеевичу и, отбросив на спину капюшон, встала на колени, наклонилась к детям.

— Как? Все? — она оглянулась на отца. — Почему Дуся не поехала?

— Маяк нельзя оставить.

— Давайте их ко мне.

Моторист помог переложить детей в санитарную лодку, перешел в нее и Никита Алексеевич, закрепив свою тросом.

— Теперь быстрее, как можете! — приказала Вера Васильевна мотористу.

Низовой холодный ветер бил в лицо и катил навстречу высокие валы. Кругом быстро синело, с середины озера надвигалась вечерняя тьма. Натужно стучал мотор, и Никита Алексеевич, наклоняясь, с тревогой прислушивался к работе чужого двигателя: не сдаст, дотянет?

Вера Васильевна так и забыла надвинуть опять капюшон; Никита Алексеевич видел ее круглое лицо, с очками на маленьком пухлом носу, с плотно сжатыми губами. Она часто наклонялась к детишкам, что-то доставала, не оглядываясь, из раскрытой санитарной сумки. Движения ее были спокойные, уверенные, как будто она находилась не в утлой посудине, прыгавшей по волнам среди свиста ветра, в сгущающейся темноте, а у себя в палате. Никиту Алексеевича била лихорадка, он не мог унять дрожь, но теперь, когда он видел с ребятами врача, в нем рождалась надежда: может, все обойдется благополучно.

Вера Васильевна, занятая больными, ни разу не вспомнила о нем. Только когда блеснули огни Заброшина, она спросила:

— Такой ветер!.. Разошелся горный... Как вы решились?

— А что же делать?

— Меня ждать.

— Об этом и не подумали. А как вы о ребятах узнали?

— Директор леспромхоза у вас ночевал? Он и позвонил сегодня. У него сын в городской больнице лежит. Вот я и выехала ваших проверить.

Перед пристанью моторист включил сирену, и ее тревожный вопль понесся к берегу.

Моторка ткнулась в черные сваи пристани. Метались резкие тени от фонаря. Невдалеке темнели низкие строения рыбных лабазов. Никита Алексеевич помог подняться врачу и сам перешагнул онемевшими ногами с лодки на пристань, покачиваясь, растирая окоченевшие руки и лицо.

В больничном здании светились все окна. Вера Васильевна первая вошла в приемную, сбрасывая на ходу плащ и показывая рыбакам, куда положить детишек. Сергунька в бреду быстро, возбужденно что-то шептал, потом громко позвал: «Мускет, Мускет!..» — и тонко заплакал.

Рыбаки, стараясь не стучать подкованными сапогами, вышли из приемной.

Никита Алексеевич, прислушиваясь к трудному дыханию детей, стонам и плачу, прислонился к косяку, еле держась от усталости на ногах. На запавшем, посеревшем лице лихорадочно блестели глаза.

Вера Васильевна и сестра быстро раздевали детей.

Оглянувшись, врач, казалось, удивилась, что отец еще тут.

— Идите отдыхайте, — приказала она.— Здесь вы теперь ничем не поможете.

— Что у них?

— Разве я не сказала? Конечно, дифтерит. Ночевать где будете?

Он назвал дом знакомого рыбака.

— Ну, идите, идите. Найду, если нужны будете.

Только на улице Никита Алексеевич вдруг понял страшный смысл вопроса врача о месте его ночлега, и ему захотелось вернуться.

Ночью он несколько раз приходил к больнице и подолгу стоял на крыльце, всматриваясь в освещенные окна. Ни одного звука не доносилось оттуда, только изредка на оконные занавески ложились тени.

Поселок спал. Свистел уныло между домами ветер, раскачивая деревья, слышался отдаленный шум моря.

Утром, увидев Никиту Алексеевича в больнице, Вера Васильевна устало сказала:

— Утешать не буду, плохи ваши дети.

Никита Алексеевич вышел, сел на крыльце.

Вспомнилось, как после Бориски они с Дусей ждали девочку, придумывали ей имя, а родился мальчик. Шли сыновья — четыре сына. Никита Алексеевич даже как-то пошутил, что могла бы Дуся в больнице сменить мальчика на девочку. «Ладно,— сказала тогда Дуся,— четыре сына, четыре охотника вырастут. Дичью нас завалят».

На какое-то мгновение ему представилась бухта, вся в разбегавшихся от дома тропинках, маяк на скале, и таким безрадостным показалось это место без детей, такое щемящее горе подступило к сердцу, что Никита Алексеевич низко склонил голову и закрыл глаза.

Кто-то коснулся плеча Никиты Алексеевича. Он поднял голову. Над ним стояла Вера Васильевна.

— Вытрите глаза,—сердито сказала она.— Еще и сами заболеете. Нечего вам тут без дела сидеть, себя понапрасну изводить. Берите лошадь и поезжайте в лес. У нас дрова кончаются, а вашим ребятам тепло нужно.

В лес он выехал с больничным сторожем стариком Фокичем, сильно припадавшим на правую ногу. Сочувственно поглядывая на молчаливого, замкнувшегося в себе смотрителя, он все пытался успокоить его, вызвать на разговор.

— Вера Васильевна выходит, — говорил он.— Ты в ней не сомневайся.

За работой Никите Алексеевичу стало легче, и день прошел незаметно. Только время от времени он вспоминал о больнице, зачем он здесь, и тогда острая боль опять подступала к сердцу. «Что там сейчас?» — думал он, невольно опуская руки.

В Заброшино из лесу они вернулись в сумерки. Во дворе больницы Никита Алексеевич увидел большую поленницу нарубленных и аккуратно уложенных дров.

— Неужели за зиму спалите?— спросил он сторожа, недоумевая, зачем же Вера Васильевна отправила его в лес, когда дров полон двор.

— Вера Васильевна — хозяйка заботливая,— довольно отозвался сторож.— Любит с запасом жить. Правильно!

«Это она мне работу придумала,— подумал Никита Алексеевич.— Нарочно, сердце мое успокоить...»

Вера Васильевна в белом халате стояла на крыльце.

— Привезли? — спросила она.— Вот и спасибо.

На лице Веры Васильевны блуждала тихая улыбка.

— Что, Никита Алексеевич,— спросила она,— признайтесь, наверное, вы с Дусей голову потеряли? А? Испугались, как все четверо свалились? Правда? Успокойтесь, поставим на ноги ваших детишек. Теперь дела наши хорошие! — И она счастливо засмеялась.

— Лучше?

— Не лучше, но страшное миновало. Успела сыворотку ввести. Сейчас признаться могу: очень за них боялась.

У Никиты Алексеевича дрогнули губы.

— Вера Васильевна... — начал он, но не смог продолжать, только потер рукой горло.

— Что Вера Васильевна? — добродушно спросила женщина и улыбнулась.— Ничего, ничего... Вы Дусю побыстрее известите. Измаялась она там одна, бедная.

— Извещу.

Никита Алексеевич, повеселевший, пошел к пристани искать человека, который мог бы передать письмо Дусе.

Ветер все шумел над Байкалом, небо попрежнему было затянуто тучами, крутые волны, шипя, набегали на низкий берег. Но сейчас озеро уже не казалось таким грозным и страшным, как вчера. Никита Алексеевич шел, и воображение рисовало, как просветлеет лицо Дуси, когда получит она его письмо.

— Никита Алексеевич! — громко окликнули его.

Директор леспромхоза торопливо нагонял его, остановился и неуверенно протянул руку.

— Не сердитесь? — недоверчиво спросил Иван Степанович.— Нет? А как я волновался!.. Ведь наша вина.

— Нет вашей вины,— просто сказал Никита Алексеевич, не испытывая к нему никакого чувства неприязни.— Разве вы знали!

— Как детишки?

— Вроде теперь уж и не страшно.

— А что им сейчас нужно? Фрукты, может, какие лекарства? Попрошу из города побыстрее подослать. Ну-ка, пойдемте к врачу, посоветуемся. Давайте детишек вместе выручать.

Они повернули к больнице.

...Целую неделю изо дня в день, как только начинало светать, Дуся поднималась на маяк. Над морем в эти часы плавал синеватый туман. По воде скользили рыбачьи катера, буксиры тащили плоты, виднелись низко сидящие нефтяные баржи. Редел туман, все просторнее открывалось море, а моторки не было...

В течение дня Дуся еще несколько раз поднималась на маяк и смотрела, смотрела в бесконечную голубую даль...

Только дважды за это время получила она весточки из Заброшина. Зашел незнакомый охотник и передал записку от мужа; в положенный день в бухту вошел катер гидрометеорологической службы, и ей вручили письмо.

Однажды в середине дня Дуся заметила с маяка черную точку. Море в этот день лежало особенно спокойное, голубое до самого горизонта, а воздух был хрустально-прозрачен, и на восточном берегу были видны снежные вершины Хамар-Дабанского хребта.

Сердце тревожно забилось. В бинокль Дуся не могла узнать лодку: так она еще была далеко,— но сердце подсказывало, что плывет Никита.

Тихо, боясь оступиться и упасть, Дуся спустилась по крутым лестничкам на берег и села на камень.

Лодка вышла из-за мыса. Стук ее мотора, всегда радовавший женщину, сейчас действовал болезненно, как будто в голову вколачивали мелкие гвозди, быстро, один за другим.

Подняться навстречу мужу не хватило сил.

Никита Алексеевич вышел из лодки и молча остановился перед женой, с осунувшимся за эти дни лицом, с глазами, обведенными черными кругами. Дуся медленно поднялась.

— Ну? — с коротким придыханием спросила она.

— Поезжай... Поправляются детишки, только Сергунька еще плох.

Дуся закрыла лицо и неслышно заплакала, припав головой к плечу мужа.

Никита Алексеевич тихо уговаривал:

— Ну, полно... миновала беда.— Он взял ее лицо в ладони и поцеловал в соленые глаза.

— А Володя? — спросила Дуся.

— Тоже поправляется. Нас Иван Степанович навестить собирается. А теперь поезжай в Заброшино.

— Поеду!

— Доплывешь одна? Не боишься?

— А хоть бы шторм...

Никита Алексеевич помог Дусе спуститься в лодку. Мотор ровно зарокотал, и лодка тронулась в обратный путь. У поворота за мыс Дуся оглянулась и помахала платком. Моторка скрылась, и смотритель пошел на маяк.

Общий вид Кремля.

Новгородский Кремль

Т. КОНСТАНТИНОВА

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Среди многочисленных памятников зодчества Новгорода особое место занимает Кремль — замечательная реликвия истории и культуры русского народа. Начало создания Кремля, как новгородской крепости, теряется в веках. За время своего более чем 900-летнего существования Кремль не раз перестраивался.

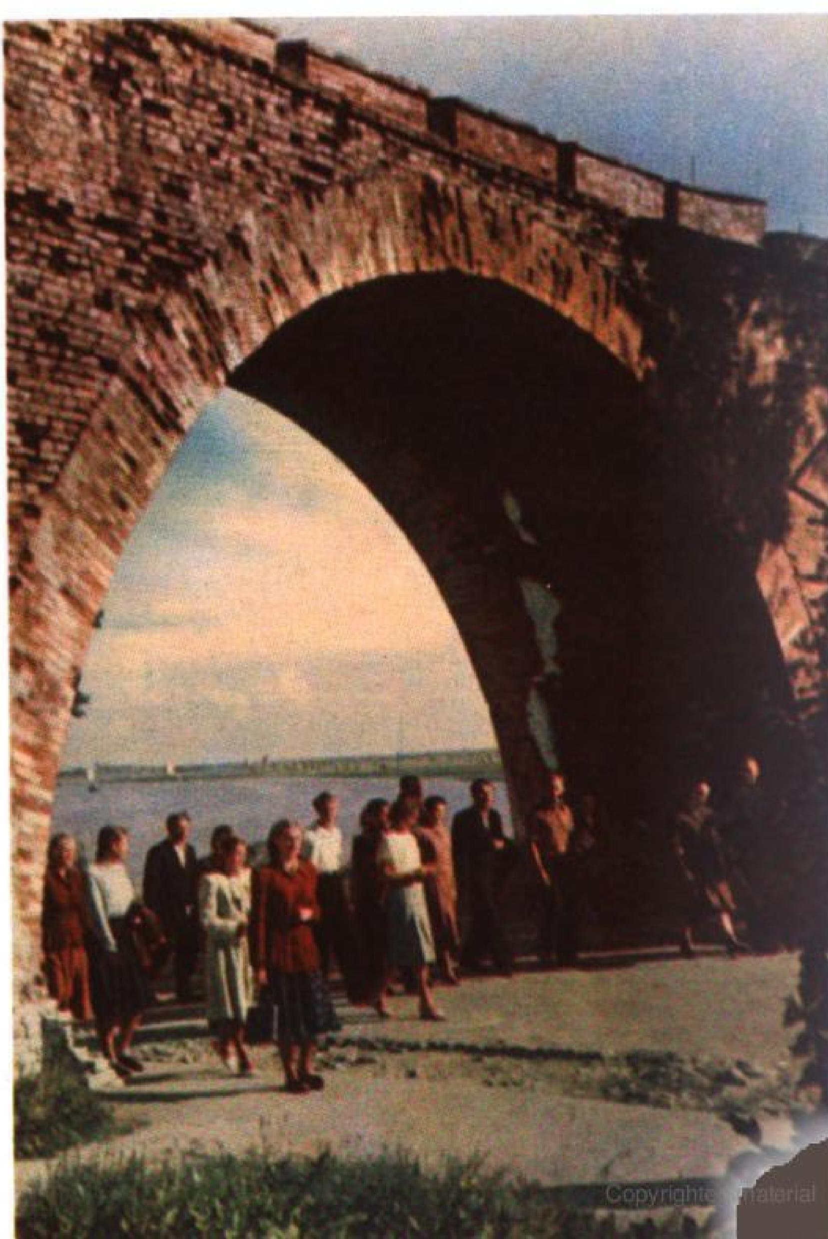
Облик древнейшего Кремля до нашего времени не дошел. Существующие сооружения относятся в основном к XIV—XV векам.

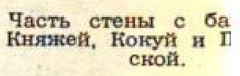
Расположенный на холме, мимо которого несет свои волны Волхов, Кремль с высоко поднимающимися куполами Софийского собора всегда господствовал над городом и был лучшим его украшением. В то же время это было мощное фортификационное сооружение, созданное русскими мастерами и ничем не уступавшее лучшим крепостям средневековой Европы.

Стены и башни Новгородского Кремля сложены из плитняка и булыжного камня, наружная их поверхность облицована кирпичом. Протяженность стен — 1 300 метров, высота — 8—10 метров, толщина до 4 метров. Над стенами возвышаются башни, достигающие 20 метров высоты. По верху стены за зубцами были устроены боевые площадки, на которых во время сражений находились защитники Кремля, поражавшие врага из луков, пищалей, пушек. В нижней части стен имеются амбразуры.

Недавние исследования Кремля открыли в его стенах ниши, целую систему керамических труб, служивших, очевидно, для переговоров защитников между собою, камеры для хранения боеприпасов.

Экскурсанты осматривают Кремль.

Часть стены с ба
Княжей, Кокуй и П
ской.

Вокруг Крем
переброшены
садом.

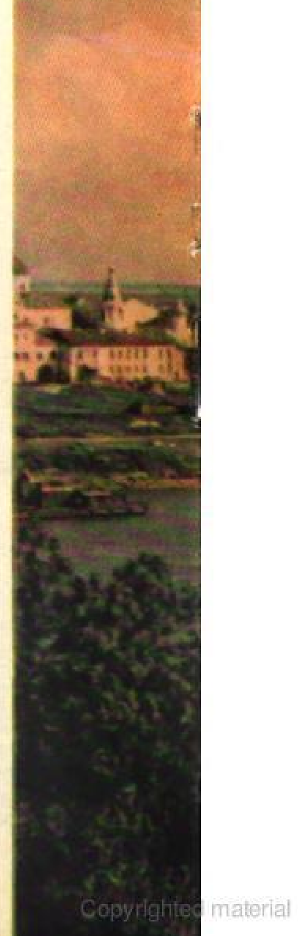
Древнейшим
в 1045—1050 г
фия, строивша
архитектурные
украшений сос

Интересна и
на пятьдесят л
родского суда
гостей. В наст
его сокровищ
исполненные в
ном и Флором

Центральную
сооруженный в
тысячелетия Р
ны крупнейшие
турные деятел
Донского, Иван
ефе — Ярослав
Хмельницкий,
тов, Гоголь...

В годы войн
здесь уже мно

Попрежнему
комятся с дос

Кубок для вина. XII век.

шнями
окров-

ія проходил ров, заполненный водой, через который были
хорошо укрепленные мосты, соединявшие крепость с по-

сооружением является Софийский собор, построенный
одах князем Владимиром Ярославичем. Новгородская Со-
ся по типу киевской, только в общих чертах повторяет ее
формы. Простота и лаконичность, отсутствие излишних
тавляют особенность новгородского зодчества.
тория Грановитой палаты, построенной в 1433 году. Она
ет старее московской; в ней проходили заседания новго-
, устраивались приемы иностранных послов, именитых
ящее время здесь размещен Новгородский музей. Среди
ривлекают внимание софийские кратиры (кубки для вина),
XII веке новгородскими мастерами-ювелирами Константи-

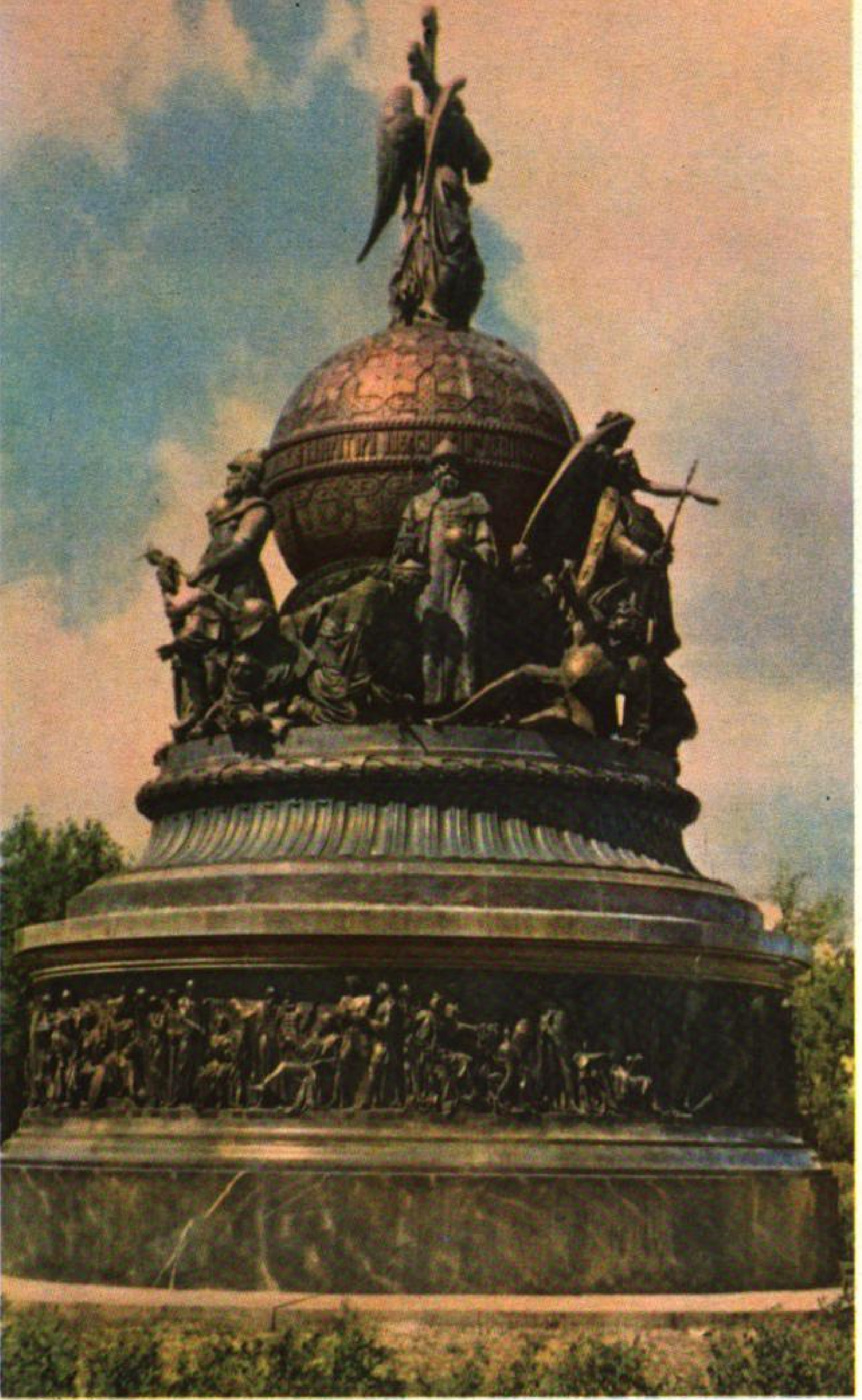
площадь Кремля украшает величественный памятник,
1862 году по проекту художника М. О. Микешина в честь
ссии. В скульптурных изображениях на памятнике показа-
события, выдающиеся государственные, военные и куль-
страны. Здесь можно видеть изображения Дмитрия
а III, Минина и Пожарского, Петра I. На нижнем горель-
Мудрый, Владимир Мономах, Александр Невский, Богдан
Суворов, Кутузов, Ломоносов, Грибоедов, Пушкин, Лермон-

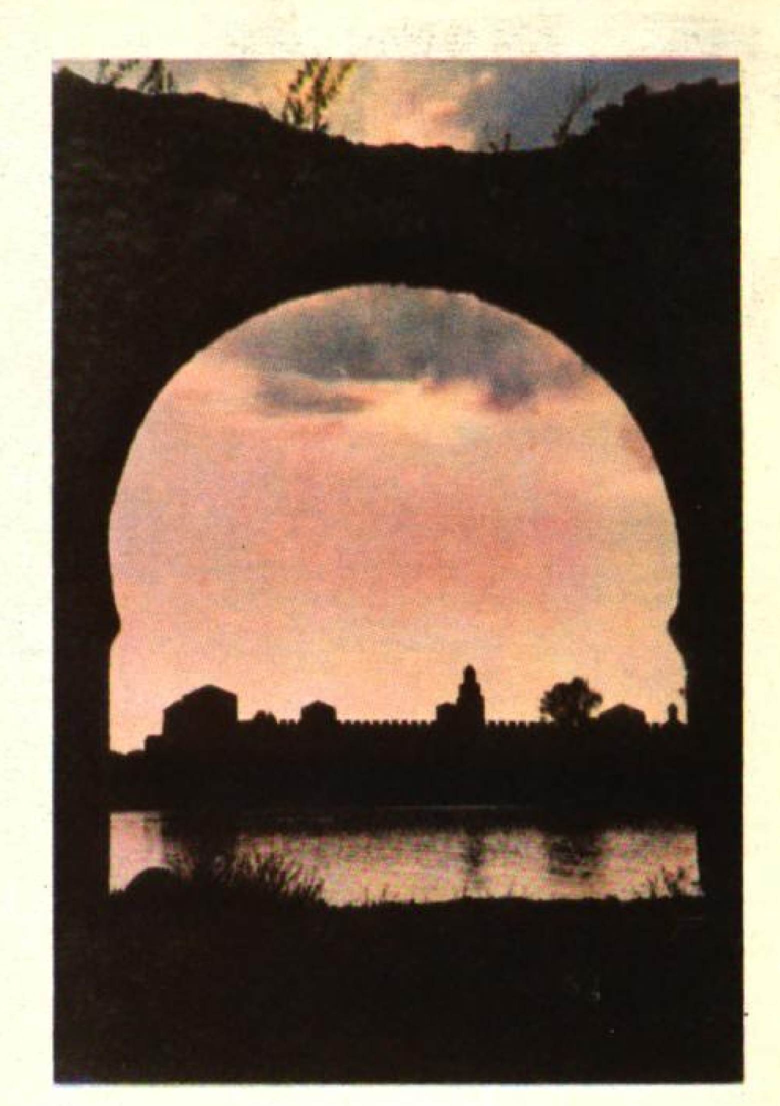
ы памятники Кремля были сильно повреждены. Теперь
гое восстановлено.
изо дня в день многочисленные группы экскурсантов зна-
топримечательностями Новгородского Кремля.

Софийский собор. 1045—1050 годы.

Софийская звонница. XV—XVI века.

Вид с Торговой стороны на юго-восточную часть Кремля.

Памятник тысячелетию России. 1862 год.

Горельеф памятника. Фрагмент.

БАНКА ВАРЕНЬЯ

Из нового романа

Валентин КАТАЕВ

Рисунки В. Горяева.

Петя возвращался домой из гимназии. Он шел медленно, погруженный в свои невеселые мысли. Он представлял, как его скоро исключат из гимназии за невзнос платы за право учения, и как он принужден будет снять с фуражки герб, и как тетя спорет с его курточки блестящие пуговицы и заменит их черными крючками, как у экстерна.

Вдруг кто-то налетел на него сзади и стукнул кулаком по ранцу, так что в ранце подпрыгнул и загремел пенал. Петя споткнулся, чуть не упал, обернулся, готовый вступить в бой с неизвестным врагом, и очутился нос к носу с Гавриком, который стоял возле него, расставив ноги, и добродушно улыбался.

— Здорово, Петя, давно не видались.

— Что ж ты, босяк, на своих кидаешься?

— Чудак человек! Я же не по тебе стукнул, а по ранцу.

— А если бы я зарылся носом?

— Так я б тебя подхватил, о чем речь?

— Ну, как живешь?

— Ничего себе. Зарабатываю на жизнь.

Гаврик жил на Ближних мельницах, и Петя встречался с ним редко, большей частью случайно, на улице. Но давняя детская дружба не проходила. Когда они при встречах задавали друг другу обычный вопрос: как живешь? — то Петя всегда отвечал, пожимая плечами: учусь. А Гаврик, озабоченно морща небольшой круглый лоб, говорил: зарабатываю на жизнь. И каждый раз, когда они встречались, Пете приходилось выслушивать новую историю, которая непременно кончалась тем, что очередной хозяин либо прогорел, либо зажилил заработанные Гавриком деньги. Так было с владельцем купален между Средним фонтаном и Аркадией, куда Гаврик нанялся на весь летний сезон так называемым ключником: отпирать кабины, давать напрокат полосатые купальные костюмы и стеречь вещи. Осенью владелец купален скрылся, не заплатив ни копейки, так что Гаврику остались одни лишь чаевые. Так было с греком — хозяином артели грузчиков в Практической гавани, который нагло обманул артель, не доплатив больше половины. То же произошло и в артели по расклейке афиш и во многих других предприятиях, куда нанимался Гаврик в надежде хоть немного поддержать семью брата Терентия и заработать на жизнь.

Веселее, хотя в конечном счете так же невыгодно, было работать и в синематографе «Биоскоп Реалитэ» на Ришельевской, недалеко от Александровского участка. В то время знаменитое изобретение братьев Люмьер — кинематограф — уже не было новинкой, но все еще продолжало удивлять человечество волшебным явлением «движущейся фотографии». В городе расплодилось множество синематографов, получивших общее название «иллюзион».

С понятием «иллюзион» были связаны: вывеска, составленная из разноцветных, крашеных электрических лампочек, иногда с бегущими буквами, и бравурный гром пианолы — механического фортепиано, клавиши которого сами собой нажимались и бегали взад-вперед, вызывая у посетителей дополнительное преклонение перед техникой двадцатого века. Кроме пианолы, в фойе обычно стояли автоматы, откуда, если опустить в щелку медный пятак, таинственно выползала шоколадка с передвижной картинкой или из-под чугунной курицы выкатывалось несколько разноцветных сахарных яичек. Иногда в стеклянном ящике выставлялась восковая фигура из паноптикума. Специальных помещений для иллюзионов еще не строили, а просто нанималась квартира, и в самой большой комнате, превращенной в зрительный зал, давали сеансы.

Иллюзион «Биоскоп Реалитэ» содержала вдова греческого подданного мадам Валиадис, женщина предприимчивая и с большим воображением. Она решила сразу убить всех своих конкурентов. Для этого она, во-первых, наняла известного куплетиста Зингерталя с тем, чтобы он выступал перед каждым сеансом, а во-вторых, решила произвести смелый переворот в технике, превратив немой синематограф в звуковой. Публика повалила в «Биоскоп Реалитэ».

В бывшей столовой, оклеенной старыми обоями с букетами, узкой и длинной, как пенал, перед каждым сеансом возле маленького экрана стал появляться любимец публики Зингерталь. Это был высокий тощий еврей в сюртуке до пят, в пожелтевшем пикейном жилете, штучных полосатых брюках, белых гетрах и траурном цилиндре, надвинутом на большие уши. С мефистофельской улыбкой на длинном бритом лице с двумя глубокими морщинами во впалых щеках, он исполнял, аккомпанируя себе на крошечной скрипке, злободневные куплеты «Одесситка — вот она какая», «Солдаты, солдаты по улицам идут» и, наконец, свой коронный номер «Зингерталь, мой цыпочка, сыграй ты мне на скрипочка». Затем мадам Валиадис в шляпке со страусовыми перьями, в длинных перчатках с отрезанными пальцами, чтобы люди могли видеть ее кольца, садилась за ободранное пианино, и под звуки «матчиша» и «ой-ра, ой-ра!» начинался сеанс.

Шипела спиртово-калильная лампа проекционного аппарата, стрекотала лента, на экране появлялись красные или синие надписи, маленькие и убористые, как будто напечатанные на пишущей машинке. Потом одна за другой без перерыва шли коротенькие картины: видовая, где как бы с усилием, скачками двигалась панорама какого-то пасмурного швейцарского озера; за видовой — Патэ-журнал, с поездом, подходящим к станции, и военным парадом, где, суетливо выбрасывая ноги, очень быстро, почти бегом мелькали роты каких-то иностранных солдат в касках — и все это как бы сквозь мелькающую сетку крупного дождя или снега. Наконец начиналась комическая. Это был подлинный триумф мадам Валиадис. Все в той же мелькающей сетке крупного дождя неумело ехал на велосипеде маленький, обезьяноподобный человечек Глупышкин, сбивая на своем пути разные предметы, причем публика не только все это видела, но и слышала. Со звоном сыпались стекла уличных фонарей. Громыхая ведрами, падали на тротуар вместе со своей лестницей какие-то маляры в блузах. Из витрины посудной лавки с неописуемыми звуками вывалились десятки обеденных сервизов. Отчаянным голосом мяукала кошка, попавшая под велосипед. Разгневанная толпа, потрясая кулаками, с топотом бежала за улепетывающим Глупышкиным. Раздавались свистки ажанов. Лаяли собаки. Со звоном скакала пожарная команда. Взрывы хохота потрясали темную комнату иллюзиона. А в это время за экраном, не видимый никем, в поте лица трудился Гаврик, зарабатывая себе на жизнь пятьдесят копеек в день. Это он в нужный момент бил тарелки, дул в свисток, лаял, мяукал, звонил в колокол, кричал балаганным голосом: «Держи, лови, хватай!» — топал ногами, изображая толпу, и со всего размаху бросал на пол ящик с битым стеклом, заглушая лающие звуки «ой-ра, ой-ра!», которую, не жалея клавишей, наяривала мадам Валиадис по сю сторону экрана.

Несколько раз помогать Гаврику приходил Петя. Тогда они вдвоем поднимали за экраном такой кавардак, что на улице собиралась толпа, еще больше увеличивая популярность электрического театра.

Но жадной вдове этого показалось мало. Зная, что публика любит политику, она приказала Зингерталю подновить свой репертуар чем-нибудь политическим и подняла цены на билеты. Зингерталь сделал мефистофельскую улыбку, пожал одним плечом, сказал «хорошо» и на следующий день вместо устаревших куплетов «Солдаты, солдаты по улицам идут» исполнил совершенно новые, под названием «Галстуки, галстучки».

Прижав к плечу своим синим лошадиным подбородком крошечную игрушечную скрипочку, он взмахнул смычком, подмигнул почечным глазом публике и, намекая на Столыпина, вкрадчиво запел:

> У нашего премьера
> Ужасная манера
> На шею людям галстуки цеплять, —

после чего сам Зингерталь в двадцать четыре часа вылетел из города, мадам Валиадис совершенно разорилась на взятки полиции и была принуждена ликвидировать свой иллюзион, а Гаврик получил лишь четвертую часть того, что он заработал.

Теперь Гаврик предстал перед Петей в синем засаленном сатиновом халате поверх старенького пальто с полысевшим каракулевым воротником и такой же шапкой из числа тех, что носили пожилые рабочие интеллигентных профессий: переплетчики, наборщики, официанты.

Петя сразу понял, что его друг опять переменил работу и теперь зарабатывает на жизнь в каком-то новом месте.

Гаврику шел уже пятнадцатый год. У него появился юношеский басок. Он не слишком заметно прибавил в росте, но плечи его расширились, окрепли. Веснушек на носу стало меньше. Черты лица определились, и глаза твердо обрезались. Но все же в нем еще сохранилось много детского: валкая черноморская походочка, манера озабоченно морщить круглый лоб и ловко стрелять слюной сквозь тесно сжатые зубы.

— Ну, и где же ты теперь зарабатываешь на жизнь? — спросил Петя, с любопытством осматривая странную одежду Гаврика.

— В типографии «Одесского листка».

— Брешешь!

— Побей меня бог.

— Что же ты там делаешь?

— Пока разношу по заказчикам оттиски объявлений.

— Оттиски? — неуверенно переспросил Петя.

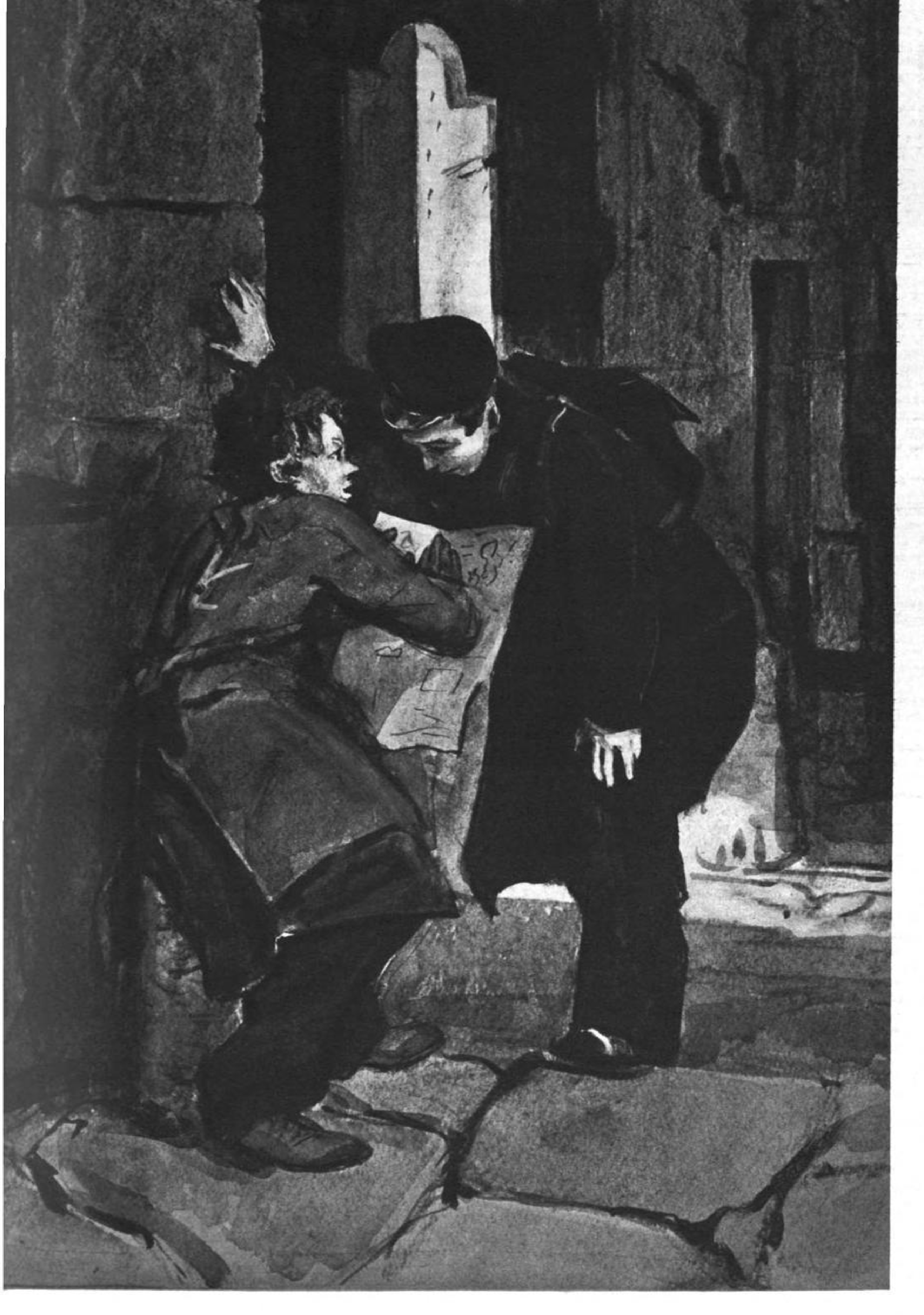
— Оттиски. А что?

— Ничего.

— Может быть, ты не знаешь, что такое оттиски? Так я тебе могу показать. Видал?

С этими словами Гаврик вынул из нагрудного кармана своего халата свертки сырой бумаги, остро пахнущей керосином.

См. «Огонек» № 49.

— А ну, покажи, покажи! — воскликнул Петя, хватая сверток.

— Не лапай, не купишь,— сказал Гаврик, но не зло, а добродушно, скорее по привычке, чем желая обидеть Петю.— Иди сюда, я тебе сейчас сам покажу.

Мальчики отошли в сторону, к чугунной тумбе возле ворот, и Гаврик развернул сырую бумагу, сплошь покрытую жирными, как вакса, глубокими оттисками газетных объявлений, по преимуществу с рисунками, хорошо знакомыми Пете по «Одесскому листку», который выписывала семья Бачей. Здесь были изображения ботинок «Скороход» и калош «Проводник», непромокаемые макинтоши с треугольными капюшонами фирмы «Братья Лурье», бриллианты торгового дома Фаберже в открытых футлярах, окруженные сиянием, в виде черных палочек, бутылки рябиновки Шустова, лиры театров, тигры меховщиков, рысаки шорников, черные кошки гадалок и хиромантов, коньки, экипажи, игрушки, костюмы, шубы, рояли и балалайки, кренделя булочников, пышные, как клумбы, торты кондитеров, пароходы трансатлантических ллойдов, паровозы железнодорожных компаний... Наконец, здесь были — солидные, без рисунков — балансы акционерных обществ и банков, уставленные колонками цифр основных капиталов и баснословных дивидендов.

Маленькие, крепкие, запачканные типографской краской руки Гаврика держали сырой лист газетной бумаги, на котором как бы магически отпечатались в миниатюре все богатства большого торгово-промышленного города, недоступные для Гаврика и для многих тысяч подобных ему простых рабочих людей.

— Вот, брат,— сказал Гаврик и, заметив в глазах Пети отражение той же мысли о природе человеческого богатства, которая не раз приходила и ему самому при виде газетных объявлений, вывесок и афиш, со вздохом прибавил: — Оттиски! — и посмотрел на свои парусиновые, не по сезону и не по ноге, залатанные туфли.— Ну, а ты как живешь?

— Хорошо,— сказал Петя, сурово сдвинув брови.

— Брешешь,— сказал Гаврик.

— Честное благородное!

— А зачем же вы тогда стали давать домашние обеды?

Петя густо покраснел.

— Что? Скажешь, неправда? — настойчиво спросил Гаврик.

— Ну и что ж из этого? — пробормотал Петя.

— Значит, нуждаетесь.

— Мы не нуждаемся.

— Нет, нуждаетесь. У вас не хватает на жизнь.

— Еще чего!

— Брось, Петя. Не пой мне ласточку. Я же знаю, что твоего фатера поперли со службы и вы теперь не имеете на жизнь.

Первый раз Петя услышал правду о положении своей семьи, выраженную так просто и грубо.

— Откуда ты знаешь? — упавшим голосом спросил он.

— А кто этого не знает? Вся Одесса знает. Но ты, Петька, не пугайся. Его не заберут.

— Кого... не заберут?

— Батьку твоего.

— Как... не заберут?.. Что это такое... заберут?

Гаврик с изумлением посмотрел на Петю. Он знал, что Петя наивен. Но не до такой же степени! Он засмеялся.

— Чудак человек, он не знает, что такое заберут! Заберут — значит посадят.

— Куда посадят?

— В тюрьму посадят,— рассердился Гаврик.— Знаешь, как людей сажают в тюрьму?

Петя посмотрел в серьезные глаза Гаврика, и ему в первый раз стало по-настоящему страшно.

— Но ты не дрейфь,— сказал Гаврик поспешно,— твоего батьку не посадят. Сейчас за Льва Толстого редко кого сажают. Можешь мне поверить,— и, приблизивши к Пете лицо, прибавил шепотом: — Сейчас почем зря хватают за нелегальщину. За «Рабочую газету» и за «Социал-демократа» хватают. А Лев Толстой — это их уже не интересует.

Петя смотрел на Гаврика, с трудом понимая, что он говорит.

— Э, брат, с тобой разговаривать...— с досадой сказал Гаврик. Он только было собрался поделиться со своим другом разными интересными новостями, о том, например, что недавно, после многих лет, наконец вернулся из ссылки брат Терентий и опять поступил на работу в железнодорожные мастерские, что вместе с ним возвратились кое-кто из комитетчиков, что «дела идут, контора пишет» и что в типографию Гаврик нанялся не сам по себе, а его туда «впихнули» по знакомству все те же комитетчики для специальных целей. Гаврик

даже чуть было не начал объяснять, в чем заключаются эти цели, но вдруг по лицу Пети увидел, что его друг решительно ничего не понимает и лучше всего пока помолчать.

— Ну, так как же ваши домашние обеды?— спросил он, чтобы переменить разговор.— И есть чудаки, которые ходят к вам обедать?

Петя грустно махнул рукой.

— Понятно,— заметил Гаврик.— Значит, горите?

— Горим,— сказал Петя.

— Что же вы думаете делать?

— Вот, может быть, кто-нибудь комнаты наймет.

— Как? Вы уже и комнаты отдаете?! Так это последнее дело! — и Гаврик сочувственно свистнул.

— Ничего, как-нибудь выкрутимся. Я буду уроки давать,— сказал Петя, делая мужественное лицо.

Он давно уже решил сделаться репетитором и давать уроки отстающим ученикам, но только не знал, как взяться за дело. Правда, репетиторами бывают главным образом студенты или, в крайнем случае, гимназисты старших классов. Но, в конце концов, возможны исключения. Важно только, чтобы повезло найти ученика.

— Как же ты будешь давать уроки, когда ты, наверное, сам ни черта не знаешь? — со свойственной ему грубой прямотой сказал Гаврик и добродушно ухмыльнулся.

Петя обиделся. Было время, когда он действительно лентяйничал. Но теперь он изо всех сил старался учиться как можно лучше.

— Я шутю,— сказал Гаврик и вдруг, осененный счастливой мыслью, быстро спросил: — Слышь, а по латинскому языку можешь учить?

— Спрашиваешь!

— Вот это здорово! — воскликнул Гаврик.— За сколько возьмешься подготовить человека по латинскому за третий класс?

— Как это за сколько?

— Ну, за сколько грошей?

— Я не знаю,— смущенно пробормотал Петя,— другие репетиторы берут по рублю за урок.

— Ну, это ты сильно перебрал. Хватит с тебя и полтинника.

— А что? — спросил Петя.

— Ничего.

Некоторое время Гаврик стоял с опущенной головой и наморщенным лбом, шевеля пальцами, как бы что-то подсчитывал.

— А что? Что?— нетерпеливо повторял Петя.

— Ничего особенного,— наконец сказал Гаврик.— Слушай сюда,— он взял Петю под руку и, заглядывая сбоку в его лицо, повел по улице.

Гаврик не любил говорить о себе и распространяться относительно своих планов. Жизнь научила его быть скрытным. Поэтому сейчас, решив открыть Пете свою самую заветную тайну, он все-таки еще колебался и некоторое время шел молча.

— Понимаешь, какое дело,— наконец произнес он,— только дай честное благородное, что никому не скажешь.

— Святой истинный! — воскликнул Петя и по детской привычке быстро, с готовностью перекрестился на купола Пантелеймоновского подворья, синевшие за Куликовым полем.

Гаврик округлил глаза и сказал шепотом:

— Имею мечту-думку: сдать экстерном за три класса казенной гимназии. По другим предметам мне разные чудаки помогают, а по латинскому не знаю, что делать.

Это было так неожиданно, что Петя даже остановился.

— Что ты говоришь?!

— То, что ты слышишь.

— Зачем это тебе надо? — невольно вырвалось у Пети.

— А зачем тебе? — сказал Гаврик, с силой нажимая на слово «тебе», и глаза его зло и упрямо заблестели.— Тебе надо, а мне не надо? А может быть, мне это надо еще больше, чем тебе, откуда ты знаешь?

И он уже приготовился рассказать Пете, как вернувшийся из ссылки Терентий сокрушался о том, что мало среди рабочих образованных людей, говорил, что наступает время новых революционных боев, и, наконец,— видимо, посоветовавшись кое с кем из комитетчиков,— прямо заявил Гаврику, что хочешь не хочешь, а надо экстерном кончать гимназию: сначала сдать за три класса, потом за шесть, а там, смотришь, и на аттестат зрелости. Но ничего этого Гаврик Пете не рассказал.

— Ну как, берешься? — лишь коротко спросил он.— Даю полтинник за урок.

Хотя Петя в первую минуту и растерялся, но все же почувствовал себя весьма польщенным и нежно покраснел от удовольствия.

— Ну что ж, пожалуй, я возьмусь,— сказал он, солидно покашляв,— только, конечно, не за деньги, а даром.

— Почему это даром? Что я, нищий? Слава богу, зарабатываю. Полтинник за урок, четыре раза в месяц. Итого два дублона. Это для меня не составляет.

— Нет, только даром.

— С какой радости? Бери, чудак! Денежки на земле не валяются. Тем более, что вы теперь нуждаетесь. По крайней мере сможешь кое-что давать тете на базар.

Это подействовало на Петю. Он ясно представил себе, как в один прекрасный день он протягивает тете деньги и равнодушно говорит: «Да, я совсем забыл, тетечка, тут я заработал уроками немного денег, так, пожалуйста, возьмите их. Может быть, они вам пригодятся на базар».

— Ладно,— сказал Петя.— Буду с тобой заниматься. Только имей в виду, станешь лодырничать — тогда до свидания. Я даром денег брать не привык.

— А я их тоже не в дровах нашел,— сумрачно сказал Гаврик, и друзья расстались до воскресенья, когда был назначен первый урок.

Никогда еще Петя не готовился к своим собственным урокам в гимназии так тщательно, как к этому уроку с Гавриком, где ему впервые предстояло выступить в роли педагога. Полный гордости и сознания своей ответственности перед наукой, Петя сделал все возможное, чтобы не ударить лицом в грязь. Он замучил отца бесконечными вопросами из области сравнительной лингвистики живых и мертвых языков. Он сделал кое-какие весьма важные выписки из энциклопедического словаря Брокгауз и Ефрон. В гимназии он неоднократно обращался к латинисту за разъяснениями по поводу некоторых параграфов латинского синтаксиса, что весьма удивило латиниста, который был не слишком высокого мнения о петином прилежании. Петя очинил несколько карандашей, приготовил перья и чернила, вытер тряпкой папин письменный стол и поставил на него павликин глобус, а также свой двадцатипятикратный микроскоп и небрежно разложил несколько толстых книг, что должно было придать обстановке строго академический характер и внушить Гаврику уважение к науке.

Василий Петрович после обеда поехал на кладбище. Тетя с Павликом пошли на выставку. Дуняша отпросилась к родственникам. Все благоприятствовало Пете. Оставшись один, он стал расхаживать по комнатам, как заправский педагог, заложив руки за спину и повторяя про себя вступительную часть своего первого урока. Нельзя сказать, чтобы он волновался. Но он испытывал острое чувство уверенного в себе конькобежца перед выходом на лед.

Гаврик не заставил себя ожидать. Он появился точно в назначенное время. Было знаменательно, что он пришел не с черного хода, через кухню, как обычно хаживал в детстве, предварительно посвистев со двора в четыре пальца. Он позвонил с парадного хода, сдержанно поздоровался и, сняв свое старенькое пальто в передней, пригладил перед зеркалом волосы маленькой костяной расческой. У него были чистые руки, и, прежде чем войти в комнаты, он аккуратно заправил под узкий ремешок сатиновую косоворотку с перламутровыми пуговичками. В обеих руках он держал, как бы торжественно нес перед собой, новую пятикопеечную тетрадь с выглядывающей розовой промокашкой и заложенным наконечником. Петя молча провел приятеля в комнату и усадил за письменный стол как раз между микроскопом и глобусом, на которые Гаврик тревожно покосился.

— Значит, так,— сказал Петя очень строго, но вдруг сконфузился.

Он мужественно переждал припадок застенчивости и бодро начал снова:

— Значит, так. Латинский язык есть один из богатейших и могущественнейших в семье индо-европейских языков. Первоначально, подобно умбрскому и окскому, он раньше принадлежал к группе главных наречий неэтрусского населения средней Италии, как диалект жителей равнины Лациума, из среды которых выделились римляне. Понятно?

— Не,— сказал Гаврик и отрицательно потряс головой.

— Что же тебе непонятно?

— Которые главные наречия неэтрусского населения,— тщательно выговорил Гаврик, жалобно глядя на Петю.

— Ага. Хорошо. Потом поймешь. Это потому, что ты еще не привык. А пока пойдем дальше. Значит, так. В то время, как языки остальных народов Италии — ну, там этрусков, япигов, лигуров,— понятное дело, кроме родственных с латинянами умбров и сабеллов,— так сказать, остались замкнутыми в пределах более или менее тесных областей народными диалектами,— Петя сделал руками по воздуху очень красивый профессорский жест, обозначавший, что языки остальных народов Италии остались замкнутыми,— латинский язык благодаря римлянам не только превратился из диалекта в господствующий язык Италии, но и развился до степени языка литературного.— Петя многозначительно поднял вверх указательный палец.— Понятно тебе?

— Не! — сказал удрученно Гаврик и снова отрицательно потряс головой.— Ты мне, Петька, лучше сразу покажи ихний алфавит.

— Я сам знаю, что лучше, а что хуже,— сухо заметил Петя.

— А может быть,— сказал Гаврик,— которые эти самые этруски и япиги, то мы их потом будем проходить, а пока что ударим по самым латинским буквам, как их писать, нет?

— Кто репетитор: я или ты?

— Допустим, ты.

— Так и слушайся меня.

— Я же слушаюсь,— покорно сказал Гаврик.

— В таком случае пойдем дальше,— сказал Петя, расхаживая по комнате, заложив за спину руки и наслаждаясь своим превосходством перед Гавриком и своей властью учителя.— Значит, так. Ну там, в общем, потом этот самый классический литературный латинский язык приблизительно через триста лет утратил свое господство и уступил, понимаешь ты, место народному латинскому языку, и так далее, и так далее, и тому подобное, одним словом, это все не так важно.— Гаврик одобрительно кивнул головой.— А важно, братец мой, то, что в конечном счете в этом самом латинском языке оказалось сначала двадцать букв, а потом прибавилось еще три буквы.

— Всего, стало быть, двадцать три! — быстро и радостно подсказал Гаврик.

— Совершенно верно. Всего двадцать три буквы.

— А какие?

— Не лезь поперед батьки в пекло! — сказал Петя традиционную поговорку гимназического учителя латинского языка, которому он все время незаметно для себя подражал.— Буквы латинского алфавита суть следующие. Записывай: *A. B. C. D*...

Гаврик встрепенулся и, послюнив карандаш, стал красиво выводить в тетрадке латинские буквы.

— Постой, чудак человек, что же ты пишешь? Надо писать не русское «Б», а латинское.

— А какое латинское?

— Такое самое, как русское «В». Понял?

— Чего ж тут не понять.

— Сотри и напиши, как надо.

Гаврик вынул из карманов своих широких бобриковых штанов кусочек аккуратно завернутой в бумажку полустертой резинки «слон» с оставшейся задней половинкой слона, стер русское Б и на его месте написал латинское *B*.

— Впрочем,— сказал Петя, которому уже изрядно надоело преподавать,— ты пока тут переписывай латинский алфавит с книжки, а я немножко разомнусь.— Гаврик стал покорно переписывать, а Петя стал разминаться, то есть гулять, заложив руки за спину, по квартире, и гулял до тех пор, пока не остановился в столовой перед буфетом. Как известно, все буфеты имеют для мальчиков особую притягательную силу. Редкий мальчик в состоянии пройти мимо буфета, не посмотрев, что там находится. Петя не составлял исключения, тем более, что, уходя, тетя имела неосторожность сказать:

— ...И, пожалуйста, не лазь в буфет.

Петя отлично понимал, что тетя имеет в виду ту большую банку клубничного варенья, которую прислала бабушка из Екатеринослава к рождеству. Варенье еще не начинали, хотя оно специально предназначалось к праздникам, а праздники уже прошли, и это слегка раздражало Петю. Вообще трудно было понять тетю. Обычно очень добрая и щедрая, она становилась безумно, а главное, совершенно непонятно скупой, как только дело касалось варенья. При ней страшно было даже заикнуться о варенье. У нее сейчас же делались испуганные глаза, и она быстро говорила, дрожа от беспокойства:

— Нет, нет! Ни в коем случае! Даже не подходи близко. Когда будет надо, я сама дам.

Но когда будет надо, этого решительно никто не знал, а она не говорила и только с ужасом махала руками. В конце концов это было просто глупо, так как ведь варенье варилось и посылалось специально для того, чтобы его ели.

Петя, разминаясь, открыл буфет, подставил стул и заглянул на самую верхнюю полку, где стояла тяжелая, как снаряд, полная, всклянь, банка екатеринославского варенья. Полюбовавшись банкой, Петя закрыл буфет и пошел посмотреть, как идут дела у его ученика. Гаврик прилежно выводил латинские буквы и уже дошел до *N*, не зная, как ее надо писать. Петя показал, как пишется латинское *N*, похвалил Гаврика за аккуратность и вскользь заметил:

— Между прочим, нам бабушка прислала на рождество банку клубничного варенья. Шесть фунтов банка.

— Сочиняешь!

— Святой истинный.

— Таких даже и банок не бывает.

— Не бывает? — едко улыбнулся Петя.

— Не бывает.

— Много ты понимаешь в банках,— пробормотал Петя, сходил в столовую и, вернувшись назад, бережно поставил на стол между глобусом и микроскопом тяжелую банку.— Ну, скажешь, не шесть фунтов?

— Ладно. Твоя взяла.

Гаврик придвинул к себе тетрадь и написал еще три латинские буквы: *O*, которая писалась так же точно, как и русское О; *P*, которая писалась, как русское Р, и довольно-таки странную букву *Q*, над хвостиком которой пришлось-таки потрудиться.

— Молодец! — сказал Петя и, немного поколебавшись, прибавил: — Между прочим, давай попробуем варенья, хочешь?

— Можно,— согласился Гаврик.— А тебе от тети не нагорит?

— А мы попробуем только по одной чайной ложечке, она даже не заметит.

Петя сходил за чайной ложечкой, а затем терпеливо развязал бантик туго затянутого шпагата. Он осторожно снял верхнюю бумажку, которая уже приобрела форму шляпки, а потом еще более осторожно снял пергаментный кружок. Под этим кружком, пропитанным ромом для того, чтобы варенье могло сохраняться возможно дольше, уже была непосредственно поверхность самого варенья, глянцевито и тяжело блестевшая в уровень с краями банки. С величайшей осторожностью Петя и Гаврик съели по полной ложке.

Екатеринославская бабушка вообще славилась как великая мастерица варить варенье, причем клубничное удавалось ей особенно хорошо. Но это варенье было поистине неслыханное. Никогда еще Петя, а тем более Гаврик не пробовали ничего подобного. Оно было душистое, тяжелое и вместе с тем какое-то воздушное, с цельными прозрачными ягодами, нежными, отборными, аппетитно усеянными желтенькими семечками, и елось на редкость легко.

Друзья по очереди начисто вылизали ложку и с радостью заметили, что варенья в банке, в сущности, совсем не убавилось: его поверхность была попрежнему вровень с краями. Несомненно, здесь действовал какой-то закон больших и малых чисел — большого объема банки и малого объема чайной ложечки,— но так как Петя и Гаврик еще не имели понятия об этом законе, то им это показалось почти чудом.

— Как было,— сказал Гаврик.

— Я ж тебе говорил, что она не заметит.

С этими словами Петя положил на поверхность варенья пергаментный кружок, прикрыл банку шляпкой бумажки, крепко завязал шпагатом, сделал точно такой же бантик, как раньше, отнес банку в буфет и поставил на прежнее место.

За это время Гаврик успел написать еще две латинские буквы: *R*, вызвавшую у Гаврика насмешливую улыбку, так как она представляла собой не что иное, как по-детски перевернутое русское Я, и уже ни на что не похожее латинское *S*.

— Хорошо,— похвалил Петя Гаврика.— Между прочим, я считаю, что мы можем совершенно свободно попробовать его еще по одной ложечке.

— А тетя?

— Чудак, ты же видел сам, что его осталось ровно столько, сколько было. Значит, если мы попробуем еще по одной ложечке, то его опять-таки останется столько, сколько было. Верно?

Гаврик подумал, пожал плечами и согласился: нельзя же было идти против очевидности.

Петя принес банку, так же терпеливо развязал бантик тугого шпагата, осторожно снял верхнюю бумажку, затем еще более осторожно — пергаментный кружок, полюбовался литой поверхностью варенья, попрежнему тяжело блестевшего вровень с краями, после чего друзья съели еще по ложечке, начисто ее вылизали, и Петя завязал банку шпагатом и сделал точно такой же бантик, как был раньше.

На этот раз варенье показалось еще вкуснее, а испытанное блаженство еще короче.

— Вот видишь, и опять все, как было,— самодовольно сказал Петя, поднимая попрежнему тяжелую банку.

— Ну, нет,— сказал Гаврик,— теперь, положим, самую чуточку, но не хватает. Я нарочно посмотрел.

Петя поднял банку и стал ее рассматривать.

— Где ты видишь? Ничего подобного. Варенье как было. Абсолютно как было.

— А вот и не абсолютно,— сказал Гаврик.— Это потому, что недостачу закрывают края бумажки. Ты отогни края, тогда сам увидишь.

Петя приподнял сборчатые края верхней бумажки и посмотрел банку на свет. Банка была почти так же полна, как и раньше. Но именно почти, а не совсем. Образовался просвет не толще волоса, но все же просвет. И это было крайне неприятно, хотя трудно было представить, чтобы тетя могла что-нибудь заметить. Петя понес банку в столовую и поставил в буфет на прежнее место.

— Ну, покажи, что ты там нацарапал? — сказал он с наигранной бодростью.

Вместо ответа Гаврик молчаливо почесал затылок и вздохнул.

— Что? Устал?

— Не. Не в этом. Я думаю, что хотя его и не хватает самую чуточку, а она все-таки заметит.

— Не заметит.

— Бьюсь на пари, что заметит. И тогда ты будешь иметь вид.

Петя вспыхнул.

— А хоть и заметит! Подумаешь! Ну и что из этого? В конце концов бабушка прислала варенье для всех, и я имею полное право. Ко мне пришел человек заниматься, так что, я не могу угостить человека клубничным вареньем? Вот еще новости! Давай я сейчас принесу, и мы его съедим по блюдечку. Я уверен, что тетя ничего не скажет. Даже будет довольна, что мы поступили честно и открыто, а не исподтишка.

— Может быть, не стоит? — робко сказал Гаврик.

— Нет, именно стоит! — с жаром воскликнул Петя. Он принес банку и, чувствуя, что совершает честный, благородный поступок, наложил два полных блюдечка варенья.

— И хватит! — решительно сказал он, завязав банку и отнеся ее в буфет. Но как раз-то и не хватило. Только теперь, съев по полному блюдечку, друзья по-настоящему распробовали дивное варенье и почувствовали такое страстное, такое неудержимое желание съесть хотя бы еще по одной ложке, что Петя с су-

ровым лицом принес банку и, не глядя на Гаврика, наложил еще по одному полному блюдцу. Петя никак не предполагал, что блюдце — такая вместительная вещь. Посмотрев банку на свет, он увидел, что варенье уменьшилось по крайней мере на треть.

Мальчики съели каждый свою порцию и облизали ложки.

— Знаменитое варенье! — сказал Гаврик и принялся за латинские буквы *T, U, V, X*, продолжая испытывать острейшее желание съесть хотя бы еще самую малость волшебного варенья.

— Ладно, — решительно сказал Петя, — съедим уж ровно до половины, и баста!

Когда в банке осталась ровно половина, Петя в последний раз завязал банку и отнес в буфет с твердым намерением больше к ней не прикасаться. О тете он старался не думать.

— Ну, ты сыт? — спросил он Гаврика с жалкой, блудливой улыбкой.

— Даже чересчур, — ответил Гаврик, чувствуя во рту густую сладость, которая уже стала переходить в кислоту. Петю тоже стало слегка поташнивать. Блаженство стало незаметно превращаться в свою противоположность. О варенье уже не хотелось думать, но, как это ни странно, о нем невозможно было не думать. Оно как бы мстило за себя, вызывая вместе с легкой тошнотой безумное, противоестественное желание снова положить его в рот по полной ложке. С этим желанием невозможно было бороться. Петя, как лунатик, пошел в столовую, и друзья стали есть тошнотворное лакомство полными ложками, прямо из банки, потеряв уже всякое представление о том, что они делают. Это была ненависть, дошедшая до обожания, и обожание, дошедшее до ненависти. Челюсти сводило от сладостной кислоты. На лбу выступил холодный пот. Варенье с трудом проходило в судорожно сжимавшееся горло. А они его все ели и ели, словно кашу. Они его даже не ели, а яростно боролись с вареньем, уничтожая, как врага. Они очнулись, когда глубоко на дне банки остался тонкий слой, который уже невозможно было достать ложками.

Только тогда Петя понял весь ужас того, что совершилось. Как преступники, желающие поскорее скрыть следы своего преступления, мальчики побежали на кухню и стали лихорадочно полоскать липкую банку под краном, не забывая, впрочем, по очереди из последних сил пить из банки мутную, сладкую воду.

Когда банка была начисто вымыта и вытерта, Петя для чего-то аккуратно поставил ее в буфет на прежнее место, как будто это могло поправить дело. Петя утешал себя глупой надеждой, что, может быть, тетя уже забыла о бабушкином варенье или, увидя чистую пустую банку, подумает, что варенье уже давно съели. Петя сам понимал, что это, по меньшей мере, глупо.

Стараясь не смотреть друг на друга, Петя и Гаврик вернулись к письменному столу и стали продолжать урок.

— Значит, так, — сказал Петя, с усилием двигая губами, которые сводило от тошноты. — Из двадцати трех мы записали двадцать три буквы латинского алфавита. Впоследствии — исторически — были введены еще две буквы: *Y, Z*.

— Итого двадцать пять, — сказал Гаврик, с отвращением глотая слюну.

— Совершенно верно. Пиши!

Но в это время вернулся Василий Петрович. В грустном, но умиротворенном настроении он заглянул в комнату, где прилежно занимались мальчики, и, заметив на их лицах странное выражение плохо скрытой гадливости, сказал:

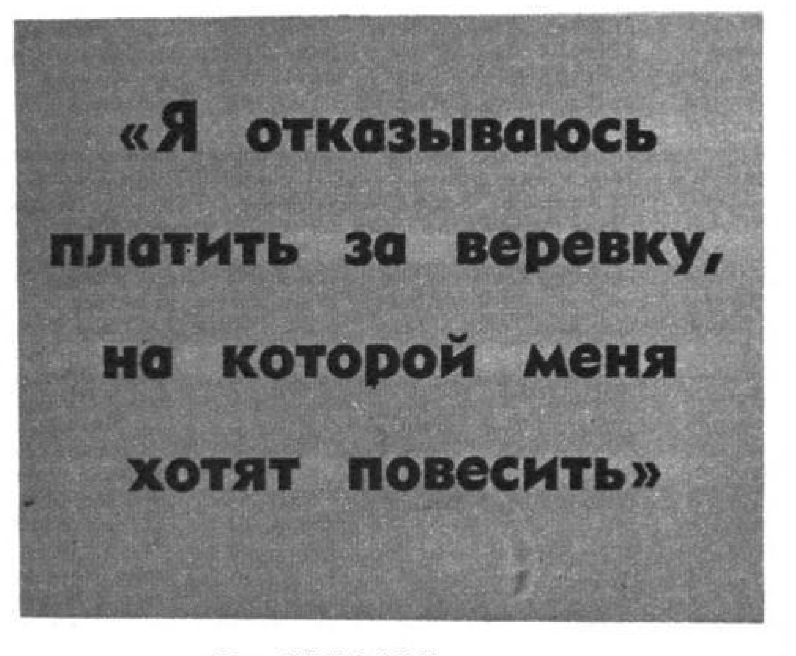
— Что, господа, трудитесь, несмотря на воскресный день? Нелегко достается? Ничего! Корень учения горек, зато плоды его сладки.

Вскоре пришла тетя, за нею Дуня. В кухне загремела самоварная труба. Из столовой донесся нежный звон чайной посуды.

— Ну, я уже пошел, — сказал Гаврик, быстро складывая свои письменные принадлежности. — Остальные буквы я как-нибудь дома напишу. Будь здоров. За мной полтинник. До следующего воскресенья! — И он своей озабоченной, валкой походочкой прошел через столовую, мимо буфета, в переднюю.

— Куда же ты? — спросила тетя. — Оставайся с нами чай пить. С клубничным вареньем. А?

Но Гаврик был уже далеко.

Стив **НЕЛЬСОН**

Публикуемый ниже отрывок из записок видного писателя и прогрессивного деятеля США Стива Нельсона был напечатан в сентябрьской книжке американского журнала «Мэссиз энд мэйнстрим». В отрывке описывается начало одного из судебных процессов над автором. В 1952 году Нельсон был приговорен к двадцати годам тюрьмы по сфабрикованному охранкой обвинению в «подстрекательстве к мятежу». Позднее под давлением прогрессивной общественности верховный суд штата Пенсильвания вынужден был отменить этот приговор. Сейчас Стив Нельсон продолжает бороться за отмену другого приговора, вынесенного ему в 1953 году на основании пресловутого «закона Смита».

Заметки Нельсона ярко характеризуют американское «правосудие» как прямое орудие подавления свободы и гражданских прав трудящихся.

Стив Нельсон.

Приближалось третье декабря. Было объявлено, что суд начнется в этот день. А у меня все еще не было защитника. Кроме того, я далеко не оправился от ранений во время автомобильной катастрофы под Филадельфией — у меня было переломано бедро и повреждено колено. Я ходил на костылях, и череп мой разрывался от непрекращающейся боли.

Я подробно рассказал об этом судье Монтгомери, хотя и без того все было ему видно. Я просил его отложить слушание дела.

Гладкая, как яйцо, физиономия судьи сморщилась, широкий рот скривился.

— Достаточно уже было отсрочек, — проворчал он. — Суд должен состояться!

Я старался переубедить его: ведь любой гангстер или вымогатель подчас легко добивается отсрочки суда, и притом под самыми пустячными предлогами... Но судья повторил, что не собирается больше «терять понапрасну время».

Тогда я потребовал медицинского освидетельствования. Против этого Монтгомери ничего не смог возразить. Но он хорошо знал, что выбор врачей зависит от него, а не от кого-либо другого.

Судья Монтгомери торопился. И, надо сказать, у него были веские причины не тянуть с моим процессом. Ему хотелось вынести мне приговор до того, как будет баллотироваться его кандидатура в верховный суд штата. Судья Монтгомери следовал в этом примеру других судебных сановников, которые заработали себе повышение в должности на моем предыдущем процессе: судья Гантер стал членом верховного суда; окружной прокурор Рахаузер был назначен судьей графства; такой же пост получил и Лорин Льюис, выступавший обвинителем, когда меня раньше привлекли по делу о «подстрекательстве к мятежу». Но, пожалуй, особенно показателен пример Майкла Мусмано, который лично командовал полицейскими набегами на помещения коммунистической партии; в награду за это ему «помогли» быть «избранным» в члены верховного суда штата Пенсильвания сроком на 20 лет, с ежегодным окладом в 22 тысячи долларов. Вот и судья Монтгомери чуял, что мой процесс для него — редкий случай сразу двинуться вверх по ступеням судебной карьеры.

Монтгомери самолично инспирировал статейку в питтсбургских газетах: обвиняемый Стив Нельсон прибегает-де к «тактике торможения и отсрочек». Что же касается моей просьбы о медицинской экспертизе, то он назначил для обследования состояния моего здоровья доктора Губерта Вагнера, главного врача... «Юнайтед Стейтс стил корпорэйшн». Мне предстояло лечь в больницу в Уэст-Пенн, куда обычно отправляют рабочих, раненных или изувеченных на заводах «Юнайтед стил».

Среди всего прочего решили исследовать мне позвоночник.

Это достаточно сложно и болезненно — после такой процедуры полагается лежать неподвижно на спине, по крайней мере, сутки.

И вот через пять часов после того, как врачи кончили возню с моим позвоночником, в больницу является никому не известный человек. Он беспрепятственно проходит через весь длинный коридор, через приемную — никто его даже не окликает. Он идет все дальше и спрашивает Стива Нельсона. Мои дети сидели в это время в приемной, они слышали, как этот человек ругал меня последними словами. Никто и не думал задержать его. Он проследовал через комнату медицинских сестер, вошел в палату, направился в тот угол, где стояла моя койка, и спросил лежащего рядом со мной больного:

— Вы Стив Нельсон?

— Нет,— ответил больной.— Стив Нельсон вот.

Сначала я не мог разглядеть неизвестного. Когда он приблизился вплотную, я убедился, что никогда в жизни его не встречал. Человек наклонился надо мной, держа руку в кармане.

— Значит, Стив Нельсон — это вы?

— Да. А вы кто?

— О,— усмехнулся неизвестный,— я пришел сказать вам, что получил телеграмму... Два наших парня убиты в Корее...

Он глубже засунул руку в карман пиджака и вдруг вынул пистолет и направил его на меня.

Я одним прыжком сел на кровати — боль в спине и голове словно обожгла меня всего—и оттолкнул руку с пистолетом. Мой сосед, старый горняк, выпрыгнул из кровати и обхватил неизвестного сзади за плечи, крича:

— Это свинство — нападать на больного человека!

Тут уж врачи, сестры, фельдшера, сидевшие в своей комнате, сбежались в палату.

— Вам ведь было сказано — не подниматься! — с негодованием обратился ко мне один из врачей.

Я потребовал, чтобы хулиган был задержан. Моя жена, присутствовавшая при нападении, требовала того же. Никто из администрации не шевельнул пальцем. Между тем убийца в упор глядел на мою жену.

— Пустите меня к ней! — крикнул он.— У меня чешутся руки пощупать ее глотку...

Он направился к выходу из палаты, никто ему не препятствовал. Как он пробрался сюда? У каждого посетителя обычно спрашивают, родственник ли он или знакомый того или другого больного. Может быть, Майкл Мусмано или судья Монтгомери сумеют объяснить это странное стечение фактов? Кто подослал убийцу? Может быть, это он пустил пулю в окно моей квартиры через несколько дней после того, как я вышел из больницы? Желающего ответить на все эти вопросы так и не нашлось.

Что мог сделать против всего этого искалеченный человек, в упадке сил, без защитника, в городе, где прочно вошли в быт судебный террор и убийства рабочих? На что мог я надеяться?

Монтгомери решил угостить меня судебным процессом по всем правилам искусства: будет целование библии агентами тайной полиции и платными доносчиками; будет мрачный зал заседаний, и, в конечном итоге, один-единственный путь из этого зала — в тюрьму, на долгие годы, быть может, на всю жизнь. И никто, о, никто не посмеет сказать, что Стиву Нельсону отказали в возможности провести полагающийся ему день в суде! И никто не упрекнет американское правосудие в том, что оно не было беспристрастным и справедливым, «даже,— как писала «Нью-Йорк таймс»,— по отношению к коммунистам!».

* * *

День выдался холодный и мрачный. Когда мы вошли в зал суда, он был почти пуст. У меня был озноб, кружилась голова. Маргарет глядела на меня со страхом. Я обращался к адвокатам в Питтсбурге и Филадельфии — всего таких попыток пригласить защитника мною было сделано свыше восьмидесяти. Подавляющее большинство даже не ответило. Те, кто ответил, решительно отказались вести мое дело, некоторые — с добавлением яростной ругани в адрес «красных». Были и такие, что запрашивали за выступление в суде целое состояние.

Я объяснил все это судье Монтгомери. Ответ его был короток:

— Больше никаких отсрочек!

— Ваша честь! — сказал я.— Вы, повидимому, не склонны поверить тому, что я не смог найти в этом городе защитника. Я прошу вас составить список адвокатов, из которых я мог бы выбрать одного для защиты моих интересов в суде.

Судья колебался. Он поглядел на прокурора, потом сказал нехотя:

— Хорошо. Я дам вам фамилии четырех адвокатов. Вы сможете переговорить с ними сегодня вечером. Будьте готовы: суд начнется завтра утром.

Я заявил протест: адвокат не сможет ознакомиться с делом за такой короткий срок.

Судья нетерпеливо пошевелился в кресле.

— Это все, что я могу для вас сделать,— сказал он.— Мой помощник назовет вам фамилии.

«Ну, что ж,— подумал я,— лучше иметь хоть какого-нибудь защитника, чем никакого». И я вступил в переговоры с адвокатами, обозначенными в списке.

Наутро, когда я явился в суд, я был в полном отчаянии. С последним из предложенной четверки мне удалось побеседовать только за пятнадцать минут до открытия судебного заседания. Разговор происходил в коридоре суда. Это был человек лет тридцати или даже моложе, высокий, мясистый, от него крепко пахло помадой. Не успели мы поздороваться, как он сказал:

— Можете вы платить по пятьдесят долларов в день?

Я поглядел ему прямо в глаза и тут узнал его. Это был довольно широко известный «тюремный юрист», выжимавший деньги из отчаявшихся людей, паразит самого худшего сорта. Действовал он очень просто: брал у заключенного вперед десять долларов, обещая добиться досрочного освобождения, потом исчезал без следа вместе с деньгами.

Я спросил его: выступал ли он когда-либо в серьезных процессах? Слыхал ли что-нибудь о делах по обвинению в «подстрекательстве к мятежу»? Или о «законе Смита», по которому я привлекался? Он ни словом не откликнулся на все эти вопросы. Он только сказал, что пятнадцать минут — срок, достаточный, чтобы ознакомиться с обвинительным заключением, а уж от этой печки можно плясать дальше.

— Знаете ли вы,— продолжал я,— что в этом документе имеются тридцать четыре длинных выдержки из книг? Может быть, вам следовало бы сначала ознакомиться с этими книгами?

— Все это очень хорошо,— ответил «тюремный юрист».— Но судья хочет начать слушать дело сейчас.

— Он сам сказал это вам?!

Адвокат смутился на мгновение: он понял, что дал маху.

— Можете платить по пятьдесят долларов? — повторил он.

— У меня нет ни цента,— ответил я.— Мои друзья собирают деньги, чтобы помочь мне. Но, черт меня побери, я не собираюсь платить за веревку, на которой меня хотят повесить!

— Суд идет! — прервал наш разговор судебный пристав.

Судья Монтгомери уселся на место и спросил:

— Готовы вы отвечать суду по предъявленному вам обвинению, мистер Нельсон? Удалось вам достать защитника?

Я объяснил, что защитника у меня пока нет, но что трое из перечисленных в списке адвокатов согласились представлять мои интересы в суде, если только им дадут от тридцати до шестидесяти дней срока для изучения дела.

— А как с мистером Н.?..

Судья назвал имя пятидесятидолларового «тюремного юриста».

— По всей видимости, суду больше всего подходит именно этот адвокат,— сказал я.— Он готов вести мою защиту, но... меня он не устраивает. Я полагаю, что конституция гарантирует мне право иметь защитника по собственному моему выбору.

Судья сказал, что свой долг он выполнил — предложил список защитников, а теперь обвиняемый отказывается принять хоть одну из рекомендованных кандидатур.

Я попытался объяснить, что не я, а адвокаты просят дать им время.

— Да, я знаю,— сказал судья Монтгомери,— на предыдущем суде читали много всякой всячины... Но я не намерен больше допускать эти бесцельные проволочки... Я поведу дело, как обычный судебный процесс...

— Но ведь это не обычный судебный процесс,— заметил я.

— Почему же? У нас тут разбираются серьезные дела, об убийстве, например...

— Но это дело не об убийстве,— протестовал я.— Это вообще не уголовное дело.

— Так думаете вы,— скрипучим голосом сказал судья,— а государство полагает иначе...— Он решил взять более резкий тон.— Я не собираюсь позволять адвокату, кто бы он ни был, копаться тут в книгах, читать целые томы.

Я повторил, стараясь говорить как можно сдержаннее, что раз в деле нет уголовного преступления, то, следовательно, подвергаются суду мои взгляды и мнения, а они не могут вообще быть предметом судебного разбирательства.

Монтгомери монотонно, как машина, повторял:

— Мы приступаем к судебному разбирательству.

— Это значит, что меня принуждают судиться без защиты,— возразил я.— Приказывает ли мне суд выступать на суде без защитника?

— Я приказываю вам приступить к даче показаний суду с защитником или без защитника!

Этот человек начинал показывать когти.

— Я возражаю против такого порядка ведения дела,— сказал я тем не менее.— Это позорная комедия, и я протестую против такого произвола! Я не могу даже посоветоваться с адвокатом... Никакой уважающий себя защитник не пожелает быть участником подобного балагана... Как я уже сказал, я не желаю платить за веревку, на которой меня хотят вздернуть!..

Ярость судьи Монтгомери отчетливо проступила наконец сквозь маску юридического безразличия.

— Ваше последнее замечание выглядит, пожалуй, как оскорбление суда... Но я пренебрегу этим на данной стадии судебного разбирательства, мистер Нельсон.

Он перевел дыхание.

— Судебное заседание начинается немедленно.

Так начался этот «суд». Мне пришлось выступать собственным защитником. Всю прошлую ночь я просидел за столом, перелистывая отчеты о старых процессах, стараясь до восхода солнца хоть что-нибудь усвоить из искусства адвоката. Едва ли какой-нибудь студент юридического факультета занимался такой отчаянной зубрежкой, как я в эту ночь!

Я знал, что надо начинать с ходатайств, и попросил у судьи некоторое время, чтобы их сформулировать. Монтгомери дал мне пятнадцать минут. Эти четверть часа я и Маргарет употребили на то, чтобы исписать карандашом несколько листов бумаги. Я протянул эти листки судье. Он лишь мельком взглянул на них.

Потом я сделал несколько устных заявлений. От последнего из них у судьи Монтгомери, должно быть, снова перехватило дыхание. Я потребовал, чтобы Монтгомери признал, что он не вправе выступать в качестве судьи по моему делу.

Я в упор спросил судью: правда ли, что он один из основателей общества «Американцев, воюющих с коммунизмом» — организации, которая требовала моего ареста и травила меня? Монтгомери не отрицал, что был одним из руководителей этого общества, но добавил, что в настоящее время не ведет в нем активной работы...

— Считаете ли вы уместным,— спросил я,— в свете этого факта выступать в качестве судьи на моем процессе?

Не моргнув глазом, судья ответил:

— Да.

Потом, приняв благочестивый вид, он добавил, что чувствует себя способным судить меня по справедливости. Это было все, чего я добился от судьи Монтгомери.

— Приступаем к судебному разбирательству, — провозгласил он, взглянув на часы.

Судебный пристав отправился приглашать в зал присяжных заседателей.

Перевод с английского.

СЛОВО РЕЖИССЕРА

М. ЯНШИН,

народный артист РСФСР

Открывается Второй всесоюзный съезд советских писателей. С чем же к этому знаменательному событию пришли наши драматурги? Сознают ли они свою ответственность за то, что зритель подчас в течение целого сезона не видит на сценах театров спектаклей на современную тему, таких, которые бы заставляли задуматься над чем-то очень важным и существенным в жизни? Размышляя над этим, естественно оглянуться назад, на сценический путь советской драматургии. Как и другие работники театра, я с удовольствием вспоминаю, иной раз просто как зритель, встречи с К. Треневым, Л. Леоновым, Вс. Ивановым, В. Катаевым, А. Корнейчуком, Вс. Вишневским, В. Шкваркиным и некоторыми другими. Драматургия их сыграла очень значительную роль в становлении советского театра. Кто в зрительном зале не был захвачен, взволнован страстными драматическими эпопеями о гражданской войне, такими, как «Любовь Яровая» Тренева, «Бронепоезд 14-69» Иванова, «Оптимистическая трагедия» и «Последний решительный» Вишневского? Кто не отдавал должного талантливым творениям Леонова (особенно «Нашествию») и Корнейчука — «Платону Кречету», «Гибели эскадры» и его комедиям, пронизанным чудесным народным юмором?

Мы, молодые тогда актеры и режиссеры, росли и воспитывались на этих пьесах даровитых художников слова, живо и глубоко отвечавших думам и чаяниям советских людей. Причиной их успеха было и еще одно чрезвычайно существенное обстоятельство: в каждом из названных произведений чувствовался оригинальный, только этому автору присущий, для него характерный творческий почерк. В этих произведениях на сцену пришли живые люди, новые в каждой пьесе, они принесли с собой многообразие чувств, высокие идеи; со сцены зазвучала яркая индивидуальная, образная речь. Не случайно роли, созданные актерами в этих спектаклях, были и остались самым значительным явлением в жизни советского театра.

Основатели Художественного театра всегда требовали от актеров и режиссеров вдумчиво и уважительно относиться к автору, его замыслу, индивидуальной творческой манере.

«Угадывание авторского стиля составляет одну из важнейших задач театра»,— говорил Вл. И. Немирович-Данченко. «Руководителем внутренней линии, внутренних образов, внутренних задач, зерна, сквозного действия является автор, — повторял он в своих беседах с актерской молодежью. — Его надо изучать, к нему подходить и ему подчиняться».

Вспоминаешь сегодня эти заветы великого мастера и с грустью думаешь, что применить их можешь не так часто. Где уж тут угадывать авторский стиль, когда порой не угадаешь даже замысла автора, идеи, во имя которых он писал данное произведение! Драматурги зачастую никак не проявляют в произведениях творческой оригинальности и даже не претендуют на нее.

Как тут не вспомнить слов бессмертного Козьмы Пруткова: «Что скажут о тебе другие, коли ты сам о себе ничего сказать не можешь?» Надо признаться, немало современных авторов, предлагающих свои произведения театрам, «о себе ничего сказать не могут»: настолько их пьесы тусклы, однообразны. И театры и зрители о творчестве этих авторов не могут сказать ничего хорошего, поскольку написаны их пьесы по определенному шаблону, изобилуют штампами, переходящими от одного автора к другому.

Почему же плодятся и множатся в нашей драматургии такие штампы? Мне кажется, что нередко их порождает существующая практика рассмотрения пьесы. Автор приносит ее в театр, и она попадает к заведующему литературной частью, которому кажется, что он в курсе «последней театральной моды». И расторопный завлит авторитетно советует драматургу «подогнать» свое произведение под требования неписаных законов этой моды.

То же иногда происходит и в Союзе писателей, где не менее опытный и всеведущий консультант, со своей стороны, воздействуя на автора, склоняет его привести пьесу в более привычный, более «обтекаемый» вид. А если еще и в редакции толстого журнала драматургу обещают напечатать его пьесу, то уж непременно там найдутся любители сгладить острые углы.

В пьесе драматурга Д. Девятова «В Лебяжьем» есть сцена объяснения в любви между молодыми людьми, трактористом и девушкой-бригадиром.

— Да ты меня и не любишь,— говорит она.

— Это почему же? — спрашивает он...

— Сам догадайся...

— Ну, вот женюсь, тогда и поцелую...

Этот наивный диалог оправдан, если он происходит между молодыми людьми. Но представьте себе, что по воле редактора юная девушка превратилась, например, в немолодую вдову или решительного и опытного председателя колхоза... Механически изменив возраст и положение действующего лица, редактор оставляет в пьесе ту же сцену и тот же диалог. Такая нелепица способна вызвать лишь недоумение зрителя.

А ведь бывает — и совсем не редко, — что автор, обещающий сказать свое слово в драматургии, попадает под такой бездушный редакторский пресс и портит свою пьесу.

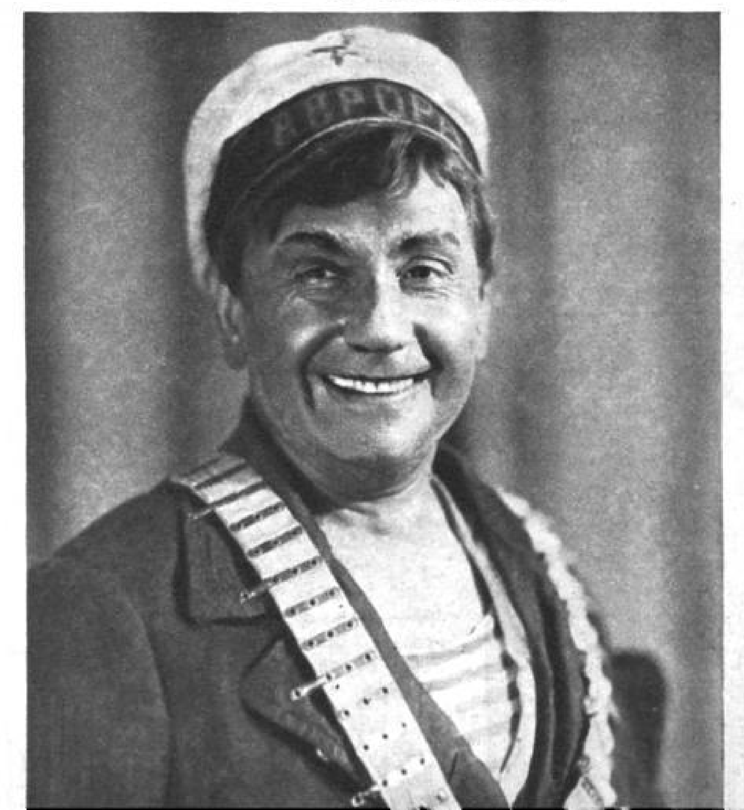
К. С. Станиславский говорил,

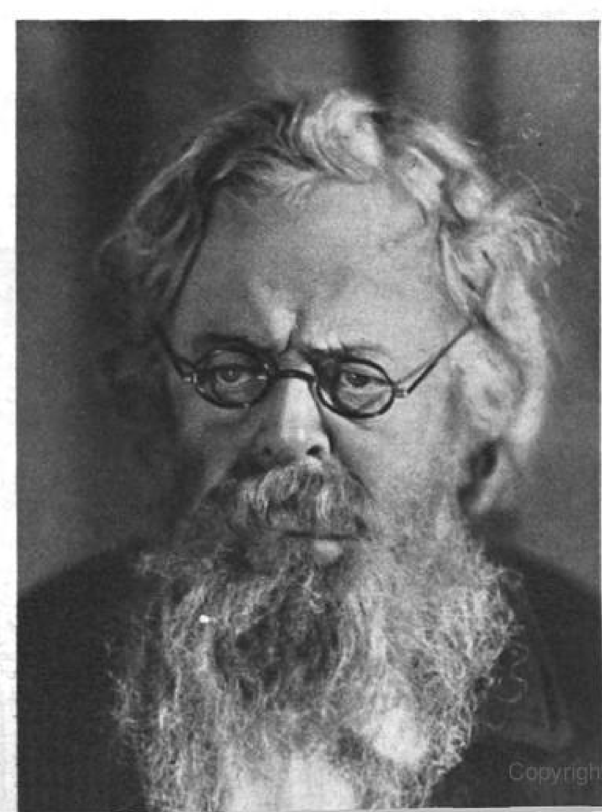
«Нашествие» Л. Леонова в Малом Театре. Вверху: Таланов — П. М. Садовский. Внизу: Демидьевна — В. О. Массалитинова.

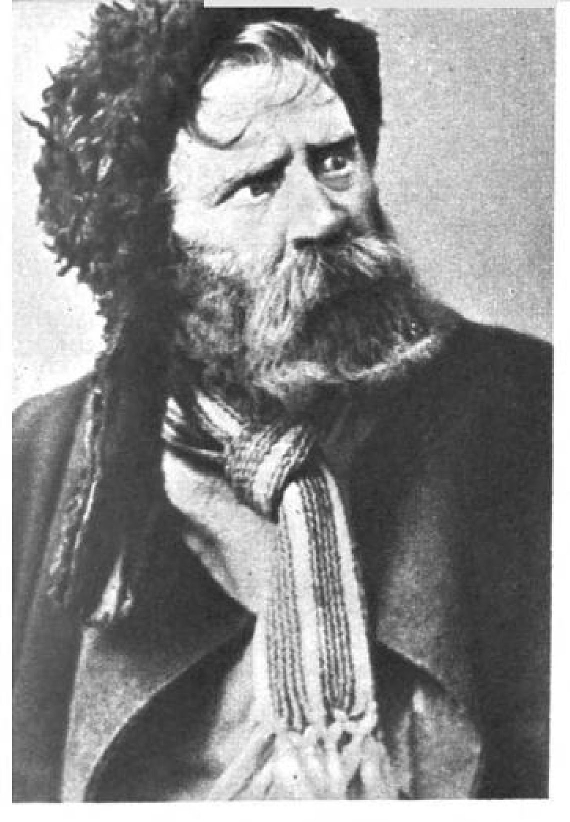

«Любовь Яровая» К. Тренева в постановке Малого Театра. Слева: Швандя — Н. А. Светловидов. Справа: профессор Горностаев — Н. Ф. Костромской.

«Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова в постановке МХАТ. Вершинин — В. И. Качалов.

«Победители» Б. Чирскова в постановке МХАТ. Лиза Муравьева — А. К. Тарасова.

что талант актера, драматурга — это бутон, который надо во-время подрезать и поливать, чтобы он успешно рос и развивался. Ну, а если садовники то и дело режут юные побеги, что называется, «под корень» и отнюдь не радуют авторов подлинным вниманием, но вконец сушат пьесы «поправками»?

Результат бывает плачевный: загублена данная пьеса, зачастую испорчен вкус автора, его стремление по-своему откликнуться на волнующие жизненные явления. Своеобразие автор начинает подменять штампом. Понятно, когда это происходит с молодым, неопытным писателем, но совсем уже странно, когда подобную метаморфозу мы наблюдаем с маститым.

В свое время вместе с Ю. А. Завадским я ставил пьесу И. Прута «Мстислав Удалой» в Центральном театре Советской Армии. Это было, пожалуй, два десятилетия тому назад, но я до сих пор помню, с каким горячим интересом отнеслись мы к этой пьесе, с каким волнением работали над ней актеры. И вот недавно в качестве главного режиссера драматического театра имени К. С. Станиславского я получил новую пьесу И. Прута. Признаюсь, я не запомнил даже ее названия, не говоря о содержании, которое никак не могло меня заинтересовать, поскольку не раз я уже читал похожее. В этой пьесе повторялись ситуации других современных пьес, которые имели успех, — «Русский вопрос» К. Симонова, «Глубокие корни» Д. Гоу и А. д'Юссо. Почему же опытный драматург Прут пошел проторенной другими дорожкой, почему сошел со своей?

А что случилось с талантливыми нашими драматургами В. Катаевым, Л. Леоновым, Вс. Ивановым? Почему они ушли из драматургии?

С какой нежностью я вспоминаю хотя бы комедию-водевиль В. Катаева «Квадратура круга». Это были дни нашей мхатовской юности, когда мы с радостью играли в этой замечательной комедии. Вспоминаю Катаева, тогда еще молодого драматурга, но требовательного к себе и к театру. Почему же Катаев, став уже известным писателем, так нетребователен к себе и к театру сегодня, когда он выступает на сцене МХАТ с инсценировкой романа «За власть Советов»?

С Л. Леоновым я встречаюсь теперь, только когда раскрываю страницы его романов, да на просмотрах новых кинофильмов или заседаниях разного рода художественных советов, но, увы, Леонов не пишет больше пьес!

А как мы радовались, когда в Художественном театре ставился его «Унтиловск»! Хотя «Унтиловск» и не стал этапным спектаклем МХАТ, но о работе над этой пьесой Леонова мы, актеры, вспоминаем до сих пор с большой любовью. А его же «Барсуки» в театре имени Евг. Вахтангова? А «Нашествие» в Малом Театре? Все эти талантливые произведения писателя-драматурга вошли в историю советского театра.

Что же случилось? Разве в наше время нет интересных тем для драматургов? Разве изменились условия для их творчества? Нет! И тем необозримое множество, и драматургам обеспечены самые благоприятные условия для творчества. Каждый, даже очень не искушенный в делах искусства человек видит, с какой заботой в театрах относятся к новой советской пьесе, если в ней есть правдивые интонации. Мы настолько не избалованы драматургами, что зачастую, видя в далеко не совершенной пьесе верный отзвук нашей жизни, мы загораемся желанием работать с автором.

Недостаток современных пьес о нашей советской действительности заставляет театры прибегать к дублированию репертуара других коллективов. И театр имени Станиславского вынужден был взяться за дублирование комедии «Девицы-красавицы» А. Симукова вслед за московским Театром сатиры. Правда, наш театр сделал свой сценический вариант пьесы, отличный от постановки в Театре сатиры.

Мы дублировали также пьесу Ю. Чепурина «Вешние воды» («Весенний поток»), которую ставил Центральный театр Советской Армии. Здесь нас постигла неудача. Но не от хорошей жизни творческий коллектив вынужден иногда повторять репертуар другого театра...

За последние два — три года театр имени Станиславского поставил несколько пьес молодых драматургов, чьи имена в большинстве случаев не были до тех пор известны. Например, молодые авторы М. Калиновский и Л. Березин дали нам пьесу «Правда о его отце» — о молодежи демократической Германии. Для постановки был приглашен народный артист СССР А. Дикий, под руководством которого работали над спектаклем два молодых режиссера. Исполнителями тоже были молодые артисты.

Театр наш поставил и первую пьесу тамбовского автора Д. Девятова о колхозной жизни — «В Лебяжьем». Это тоже был один из наших удачных спектаклей.

В числе новых молодых авторов, пришедших к нам, был и Ю. Принцев, автор пьесы «На улице Счастливой». Основная ее тема — рождение комсомола — не могла не заинтересовать нас.

Несмотря на то, что все пьесы молодых драматургов нуждались в доработке, нас в них привлекали правдивость и острое видение жизни, свежесть восприятия. И театр охотно, с удовольствием работал над этими произведениями.

Товарищи драматурги, молодые и старые! Пишите больше и лучше: театры жадно ждут от вас новых пьес, способных увлечь актеров, зрителей, поднять на новую ступень искусство советского театра.

«На улице Счастливой» Ю. Принцева в постановке Московского драматического театра имени К. С. Станиславского. Сцена из спектакля.

Якоб Йыги в своей мастерской.

Фото С. Розенфельда.

ГОРЕЛЬЕФЫ ЯКОБА ЙЫГИ

На пеньке у лесной опушки сидит пастушок и режет из сухих чурок фигурки лошадей, собак, коров, овец, пытается воспроизвести облик братьев, сестер, матери. Только отца Якоб не помнит: он был малышом, когда мать с пятью сиротами осталась вдовой, как она говорит, «плакать в углу»...

Резьба по дереву — любимое занятие мальчика и никогда не надоедает ему. А тут еще учитель Пееглаской школы Ян Китцберг иногда приходит, садится рядом с Якобом и, перебирая фигурки, повторяет, что мальчик обязательно будет скульптором. Однажды Якоб написал письмо в Петербург, в Академию художеств, скульптору-эстонцу Адамсону. Вместе с письмом отправил ему и несколько фигурок. Долго жил мальчик мечтой о большом городе, о скульптурах из бронзы и белого мрамора. Наконец пришел ответ от Адамсона. Тот писал, что у мальчика большие способности и что если у него есть средства, пусть едет в Петербург. Но средств не было, и все осталось попрежнему. До двадцати лет Якоб ходил по чужим людям, батрачил, находя утешение в занятиях резьбой.

Потом он попал в Тарту, на мебельную фабрику, где научился вырезать орнамент на мебели, позже работал на таких же фабриках в Одессе, Риге, Либаве.

В 1902 году Якоб Йыги вернулся в Эстонию и поселился в Пярну. Так и не пришлось ему учиться мастерству скульптора. А когда Эстония в 1940 году вошла в семью советских республик и Якобу Йыги представилась наконец возможность учиться, резчику было уже шестьдесят пять лет.

Но талант его не пропал даром. За долгую свою жизнь он выполнил много интересных работ по дереву: горельефы на темы народного эпоса «Калевипоэг», картины из прошлого Эстонии, жанровые сценки из жизни эстонских крестьян.

Многие его работы хранятся в краеведческих музеях Эстонии, а три лучших побывали в этом году в Москве на Всесоюзной выставке художественного творчества рабочих и служащих. Немало за послевоенные годы скопилось у Якоба Йыги почетных грамот.

Якобу Йыги сейчас семьдесят девять лет, но он продолжает свое любимое дело и за последнее время создал новые горельефы на темы колхозной жизни.

Н. ХРАБРОВА

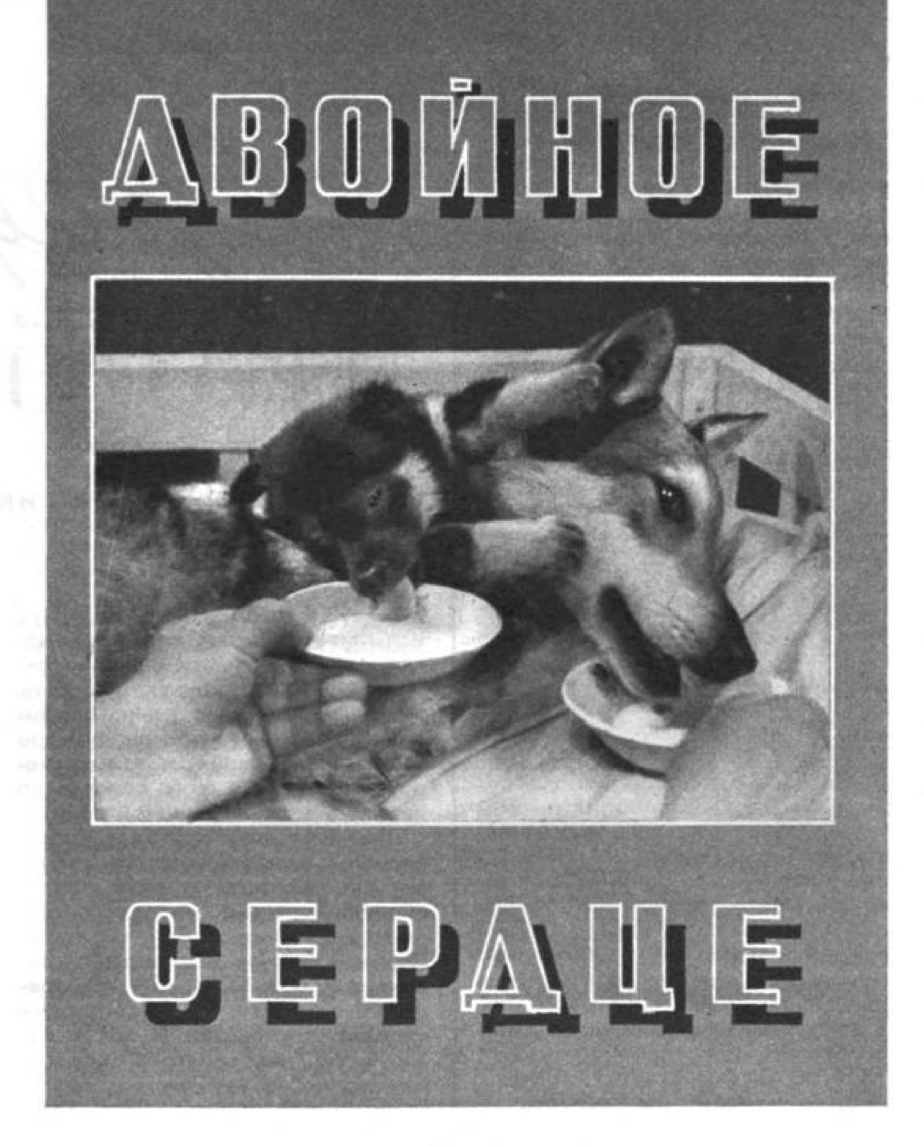
С. Б. Отрощенко. НА ДНЕПРЕ. 1951 год.

И. С. Ижакевич. ТАРАС ШЕВЧЕНКО — ПАСТУХ. («ТОГДА МНЕ ЛЕТ ТРИНАДЦАТЬ БЫЛО»). 1935 год.

К. К. Костанди (1852—1921). СУМЕРКИ. 1897 год.

ДВОЙНОЕ

СЕРДЦЕ

Георгий БЛОК

Словно рокочущая волна прокатилась по переполненному залу. И все стихло. Глазам сотен врачей, собравшихся 26 февраля 1954 года на очередное заседание Московского хирургического общества, предстало неожиданное зрелище.

На возвышении, где за столом президиума находились известные всей стране ученые, появилось необыкновенное существо. Медленно, точно сознавая свои удивительные достоинства, с ноги на ногу переступала собака о двух головах.

Что это? Шутка природы? Но почему по возрасту и по породе одна голова отличается от другой? Рядом с крупной, старой, видимо, «основной» головой на правой стороне сидела вторая, маленькая, щенячья, из-под которой выглядывали две короткие передние лапки.

Быть может, это далекий потомок трехголового Цербера, свирепого стража царства теней?! Но Цербер — поэтический миф, а тут стоял, помахивая хвостом, вполне реальный пес.

Нет, не может быть, чтобы подобное животное самостоятельно, без вмешательства человека, ухитрилась создать природа!

Внезапно по залу пронесся сдержанный смех. Щенячья голова, вероятно, чем-то недовольная, схватила зубами ухо старшей и укусила. Та заворчала.

Да, это не игра природы, не вымысел поэта, а замечательное мастерство советского хирурга-ученого Владимира Петровича Демихова. Он руководит единственной в своем роде лабораторией по пересадке органов в Институте хирургии имени А. В. Вишневского Академии медицинских наук СССР.

Собака о двух головах жила уже четвертые сутки. Она пришла в себя на другой день после операции; очнулась — и вдруг пересаженная голова зевнула. Пес своей основной головой с недоумением рассматривал ее и пробовал стряхнуть с себя юного компаньона, за что был наказан: щенячья голова пребольно вцепилась в него.

Сложная операция в общем не очень отразилась на настроении пересаженной головы. Она сохранила присущий ее молочному возрасту задор, игривость; когда ее дразнили, злилась и ворчала, скалила зубы, а когда ее гладили, пыталась лизнуть. Пес-хозяин внешне как бы смирился со своим положением, прощал резвые выходки юного «жильца».

Если кормили основную голову, дополнительная требовала свою долю, жадно облизывалась, увидев блюдце с молоком, и хорошо лакала его. Когда ощущала жажду первая, то же испытывала и вторая, порой проявляя признаки нетерпения.

Собаки лишены потовых желез, их роль выполняют язык и легкие. Кому не приходилось наблюдать, как во время быстрого бега собака свешивает наружу язык, выводя избыток тепла. Точно так же поступали обе головы, когда в лаборатории становилось чересчур жарко: высовывали языки и глубоко вдыхали воздух.

Это свидетельствовало, что сигналы о повышении температуры общего тела достигали не только мозга хозяина, но и его иждивенца.

Смелому эксперименту предшествовали годы напряженных творческих исканий, кропотливых опытов, неприметных успехов и неудач, подчас приводящих в отчаяние. Еще студентом физиологического отделения биологического факультета Московского университета Демихов заинтересовался работой сердца, совершенного живого насоса, который на протяжении многих десятилетий неутомимо гонит кровь по гладко отполированным внутри сосудам. Он задумал заменить животному его собственное сердце искусственным.

Задумано — сделано: собака короткий срок жила с резиновым подобием сердца. И это юношеское увлечение превратилось в главное содержание всей научной деятельности исследователя. Образно говоря, сердце оказалось тем звеном, ухватившись за которое Демихов пытается вытянуть всю цепь, называемую пересадкой органов.

Эта проблема с давних пор волновала умы, представлялась недосягаемой мечтой. Человек нередко умирает потому, что у него выходит из строя только один какой-либо жизненно важный орган. Нельзя ли заменить его так же, как, грубо выражаясь, заменяют испорченную деталь в машине? Вероятно, тогда смерти пришлось бы отступить ни с чем.

Заманчивая идея, не правда ли? Конечно, живой организм несравненно, неизмеримо сложнее любой машины, однако опыты по оживлению изолированных — вне организма — частей тела показывают, что эту идею можно осуществить, путь не заказан.

Свыше полувека назад профессору А. А. Кулябко удалось оживить мертвое сердце вне организма: оно ритмично сокращалось, когда через него пропускали питательный раствор, по составу сходный с кровью. Профессор С. В. Кравков снабжал таким же раствором отрезанные пальцы, и они жили по нескольку недель. Еще большего достиг профессор Ф. А. Андреев. В 1913 году он впервые в мире оживил собаку, пропустив через ее остановившееся было сердце подогретый питательный раствор, обогащенный адреналином.

Эксперименты над изолированными органами позволили подняться на следующую ступень, перейти и приступить к пересадкам. Наступление в этой области идет развернутым фронтом.

Первые опыты проводились над разрубленными червями: они отлично сращивались. Затем взялись за холоднокровных, низших животных. Приживляли ногу одного аксолотля — тропического земноводного — другому, приращивали ему, кроме его четырех, еще две дополнительные конечности или второй хвост.

Профессор Н. П. Синицын пересадил лягушке взамен изъятого чужое сердце, заимствованное у другой обитательницы пруда. И она нормально существовала, точно ничего особенного не произошло, жила полный лягушачий век.

А. Г. Лапчинский прочно прирастил крысе новую лапу, взятую у другого грызуна. Успешно прошли опыты П. Н. Мазаева и П. М. Чепова. Они отсекали ногу собаке, а затем пришивали ее обратно. Конечность прирастала и служила, как и до операции.

Широкую славу завоевали чудесные глазные операции профессора В. П. Филатова и его последователей. Пересаживая здоровую, консервированную холодом роговицу на место удаленной помутневшей, он возвратил зрение тысячам слепых.

Наконец, в последние годы профессор В. А. Неговский и его сотрудники, исходя из опытов профессоров Ф. А. Андреева и С. С. Брюхоненко, создали комплексный метод оживления человека, находящегося в состоянии агонии и клинической смерти. Этот метод поступил на вооружение советской медицины, благодаря ему многие сотни людей возвращены к труду.

Правда, пока можно оживлять в пределах пяти — шести минут после того, как сердце перестало биться. Считалось, что мозг не способен выдержать бо́льшую паузу, в нем происходит необратимый процесс разрушения клеток. В настоящее время и этот, казалось, непреодолимый рубеж остался позади.

Научные исследования показали, что сердце — это ключ, которым можно отворить не одну дверь за семью замками. В. П. Демихов решил пересадить собаке второе, дополнительное сердце в грудную клетку по соседству с основным.

Нельзя сказать, что другие исследователи не пытались прижившить животному второе сердце. Но они почему-то выбирали для него на редкость неудачное место: то на шее, то в паху,— где оно отродясь не бывало, где, не сообщаясь с легкими, оно в лучшем случае не в силах активно участвовать в кровообращении.

Не сразу и не вдруг молодой ученый присмотрел второму сердцу подходящий уголок под ребрами. Там и без него было перенаселено. Пришлось потеснить легкие: одну долю из семи удаляют и на расчищенное место вкладывают второе сердце.

Не сразу была найдена надежная методика пересадки. Перебрав свыше двадцати вариантов, Демихов создал оригинальный и по сравнению с другими простой метод пересадки.

Вначале, пока отрабатывалась хирургическая техника, собаки с двумя сердцами жили по нескольку часов. По мере совершенствования приемов операции этот срок удлинился до двух — трех дней. Все глубже проникая в тончайшие процессы деятельности живого насоса, Демихов добился того, что ни одно животное не погибало на операционном столе. Вот уже собаки живут одну — две недели, а одна побила своеобразный рекорд долголетия с двумя сердцами: она прожила два с половиной месяца.

Как вело себя пересаженное сердце, может быть, оно бездельничало? Ничего подобного,— исправно работало, принимая на себя половину нагрузки. Любопытно, что сокращалось оно не синхронно, не с одинаковой частотой с основным, а обладало независимым ритмом.

Ну, а если основное сердце испортится, что произойдет с пересаженным, как оно проявит себя? Оказалось, вполне благородно: когда из-за внешнего вмешательства ухудшилась деятельность хозяйского сердца, то дополнительное незамедлительно пришло ему на помощь, заменило соседа в беде. Так продолжалось, пока собственное не вошло в норму.

Возникает недоуменный вопрос: почему собаки гибнут так быстро,

неужели два с половиной месяца — «потолок» второго сердца? Отнюдь нет, анализ показывает, что причины, вызывающие эту быструю гибель, могут быть устранены.

На сердце ученый провел и другую, очень перспективную, с точки зрения практической хирургии, операцию, предупреждающую инфаркт.

Склероз сосудов сердца — тяжелое заболевание, мало поддающееся воздействию лекарственных препаратов. Заболевание чаще всего поражает не всю коронарную артерию, пролегающую сверху вниз через все сердце, а ее начальную часть, где мощнее всего напор крови.

Именно здесь, на участке длиной в два — три сантиметра, артерия суживается и кровь с трудом прокладывает себе дорогу. В этом месте иногда образуется сгусток, который ток крови может оторвать и унести в одно из боковых ответвлений многочисленных сосудов сердца. Тут он закупоривает сосуд и вызывает омертвление участка, или, как говорят врачи, инфаркт.

Как предотвратить это явление? Демихов предложил вшивать в коронарную артерию ниже места сужения дополнительный сосуд, так называемую внутреннюю грудную артерию, проходящую рядом с сердцем, включить, если можно так выразиться, его нетронутый резерв. Тогда кровь потечет, обогнув пораженное место, как бы в обход, нормально будет снабжать сердечную мышцу, не вызывая нарушений в организме.

Собаки легко переносят такую операцию. У них перевязывают коронарную артерию, и кровь поступает только через присоединенный сосуд. Три собаки живут уже второй год после операции, не испытывая неудобств.

Сердце оказалось верной тропой, через которую наука все глубже и глубже проникает в заповедные тайны живого организма. В лаборатории научились не только пересаживать второе сердце, но и заменять собственное вместе с легкими новыми, пересаживать их комплектно.

Эта операция, не считая затрат времени на подсобные работы, занимает всего 25—30 минут и построена таким образом, чтобы кровообращение, особенно снабжение мозга, не прерывалось ни на секунду. Разрабатывается также метод трансплантации только одного сердца или одних легких взамен изъятых.

Высокое хирургическое мастерство позволило впервые в мире пересадить вторую голову собаке, и она прожила с двумя головами шесть суток. Соавтор этой операции — научный сотрудник лаборатории В. М. Горяйнов. Эксперимент показал, что приживляемые ткани сохраняют нервные связи.

Исследователи поставили вопрос, как будет вести себя молодая отсеченная голова, пересаженная на старый организм и питаемая его кровью. Опыт дал ответ: голова нормально живет и проявляет себя «разумно».

Совсем недавно, в сентябре, была произведена еще одна искусная операция: сшили двух животных, затем соединили их кровеносные сосуды и у одного удалили сердце и легкие. Такое «двойное» животное прожило два дня. Здесь цель иная — изучить, как влияет молодой организм на старый, как приживляются различные органы.

Есть еще одна сторона проблемы пересадок — проблема омоложения. Люди старшего поколения помнят шум, учиненный зарубежной печатью лет тридцать назад, по поводу операций профессора Воронова в Париже. Пересаживая половые железы, он омолаживал людей преклонных лет.

Вороновским операциям сулили ослепительное будущее, предрекали неслыханный успех. Однако эффект, вызванный пересадкой желез, оказался кратковременным. Спустя год, самое большее два отброшенная было старость торжествовала свою победу. Надо ли говорить, что пересадки прекратились, их предали забвению, объявив заблуждением, хотя самый факт омоложения был совершенно бесспорен.

Почему пересадка не принесла удачи? Железы не присоединялись к сосудам, питающим кровью, игнорировались группы крови и тканей. Обмен веществ нарушался, железы рассасывались, отмирали. Значит, если бы туда проникала кровь и обеспечивала обмен веществ, то воздействие сохранилось бы на долгие годы, быть может, на десятилетия?

Почему, однако, выбор выпал на половые железы, задал себе вопрос Демихов, ведь они не единственные в организме, не самые важные и не самые мощные? Есть и другие железы внутренней секреции, несомненно, более важные, например, надпочечники. Животное, лишенное этих желез, обречено на смерть в течение суток.

А если пересадить престарелой, совсем дряхлой собаке надпочечники? Пересадили. Эффект получился внушительный: животное буквально омолодилось. Прошло три года, а оно не утратило обретенную им вторую молодость.

Пересадка органов, задуманная как поиск новых методов хирургического лечения болезней, не поддающихся воздействию лекарств, привела Владимира Петровича Демихова к проблеме омоложения, продления жизни.

В. П. Демихов (справа) пересаживает собаке второе сердце.

График победы

В. ВИКТОРОВ

Такое волнение Владимир Куц испытывал обычно на старте, когда рядом были соперники и переполненные трибуны стадиона. Но сейчас он был один, совсем один в тихом и уютном номере гостиницы «Савой», и только через распахнутые окна долетал до него гул разноплеменной толпы.

Шагая из угла в угол в нетерпеливом ожидании своего тренера, Куц подошел к окну. Флаги с изображением медведя, стоящего на задних лапах,—эмблемой Берна — свисали над людским потоком; город был забит до предела туристами и любителями спортивных зрелищ. И вот в канун последнего, пятого дня соревнований на первенство Европы график завтрашнего бега Куца обсуждается тренерским советом.

В 1942 году шведскому стайеру Гундеру Хеггу первому удалось в беге на 5 тысяч метров вырваться из плена 14 минут. В течение 12 лет его мировой рекорд, равный 13 минутам 58,2 секунды, оставался недосягаемым для сильнейших бегунов мира. Но 30 мая 1954 года чехословацкий спортсмен Эмиль Затопек пробежал в Париже 5 тысяч метров быстрее Хегга на целую секунду.

...В тот год, когда Хегг установил в Швеции свой рекорд, в Злине, чехословацком городке, жил семнадцатилетний паренек Эмиль Затопек. Гитлеровцы, захватившие его родину, загнали юношу на силикатный завод, где туберкулез был профессиональной болезнью рабочих. Что оставалось делать Эмилю? Смириться? Ждать того часа, когда смертельный недуг схватит и его за горло? Нет, смиряться он не хотел. Каждый свободный час Затопек проводил в лесу, пробегая там километр за километром, жадно вдыхая полной грудью смолистый вольный воздух. Он хотел сохранить силы для борьбы за свою родину. И в те же годы далеко на востоке, за Карпатскими горами, за полями и перелесками Западной Украины, в Сумской области, жил другой паренек — Владимир Куц. Его родные места также захватили враги и так же, как и Эмиль Затопек, ненавидел он гитлеровцев и не хотел склоняться перед ними.

Когда наступил долгожданный час освобождения, Володе Куцу было всего шестнадцать лет. Он восстанавливал колхоз, работая в нем бригадиром, окончил курсы трактористов и поднимал к жизни родную землю, а 8 ноября 1944 года, в те дни, когда части 4-го Украинского фронта уже перевалили за Карпатский хребет, осуществилась наконец давняя его мечта — он стал солдатом.

После войны Куц продолжал службу на Балтийском флоте командиром орудия главного калибра и там, на Балтике, в 1951 году впервые на соревнованиях пробежал 5 тысяч метров.

Когда в 1952 году имя офицера народной чехословацкой армии Эмиля Затопека, трехкратного победителя XV олимпийских игр, гремело по всему миру, главстаршина Владимир Куц только осваивал спортивные азы. С помощью своего тренера Григория Исаевича Никифорова учился он бегать с носка, укладываться на каждом отрезке дистанции в намеченное время, безошибочно множить свою быстроту на выносливость. И всегда перед его глазами была фигура Эмиля Затопека, хорошо изученная им по различным фотографиям,— выдвинутое вперед плечо, закинутая назад голова, лицо, искаженное, словно в предельных усилиях. Как обманчива была эта внешность! Все в ней говорило о полнейшем изнеможении бегуна, а Затопек все наращивал скорость, добивался все новых побед.

...Теперь на тренерском совете обсуждалась заявка Владимира Куца на победу. Не покажется ли самонадеянной его попытка побить рекорд самого Эмиля Затопека? Разрешат ли ему использовать этот график? Но когда на пороге показался тренер, Куц, только взглянув на его возбужденное, счастливое лицо, и без расспросов понял: разрешили.

— Да, график утвержден, все тебе желают успеха,— подтвердил его догадку Никифоров.— Но я все же хочу, чтобы ты знал о высказанных сомнениях.— И, не называя фамилий двух известных тренеров, Григорий Исаевич вкратце перечислил Куцу их доводы. В основном они сводились к следующему: стоит ли рисковать золотой медалью чемпиона Европы?

Тактика Куца всегда была неизменна: со старта — первым вперед. И это не раз приносило ему поражение. Что, если он не выдержит невероятного темпа бега в борьбе с сильнейшими противниками? Что, если на финише его обгонят?

Эти мысли тревожили и неотступно преследовали Владимира Куца до того самого часа, когда он вышел на старт финального забега.

Прозвучал выстрел стартера, и в одно мгновение сплоченная группа бегунов распалась, сместилась и разноцветным клубком покатилась по дорожке. Надо выходить! И Куц сразу же устремился по третьей дорожке, обгоняя стороной Затопека, Чатауэя,

Шаде, боровшихся за обладание бровкой. Через 200 метров он уже первым огибал вираж.

Куц бежал в полнейшем одиночестве, одиночестве, еще более ощутимом на забитом до предела стадионе, который встречал его усилия удивленным молчанием. Но тут же простая и ясная мысль успокоила Куца. Разве же он одинок? Разве не следят за его борьбой друзья по команде? Разве не находится рядом с ним Никифоров, человек, который помог ему создать этот график победы? И разве график Куца не является только частицей одного большого победного плана, который претворяют в жизнь и легкоатлеты, и гребцы, и гимнасты, и штангисты, выдвигая советский спорт на первое место в мире? Сейчас от него требуется только одно: спокойствие и расчет. Да, сегодня его главный противник — время. Но разве те, кто бежит вслед за ним, менее опасны? Вот и сейчас на повороте Куц бросает быстрый взгляд в сторону. Затопек начинает свой знаменитый рывок. Он, видимо, хочет ликвидировать образовавшийся просвет. Нет, этого нельзя допустить! Куц хорошо помнит, как прошла его первая встреча со знаменитым чехословацким бегуном летом 1953 года, на всемирных студенческих играх в Бухаресте. Тогда, впервые попав на международную спортивную арену, еще не известный никому Куц вел бег до последних метров, а у самого финиша Затопек вырвался из-за его спины и первым коснулся ленточки...

...Пройдено уже семь кругов, осталось пять с половиной. Надо входить в график. Он бежит все еще слишком медленно, хотя теперь его отделяют от остальных бегунов уже 70 метров.

Третий километр на исходе. Сейчас можно будет свериться с хронометром. За сколько минут он должен пробежать 3 километра? За 8 минут 21 секунду. Вот его истинное время: 8 минут 23,9 секунды. Чему же радуются зрители? Почему теперь вместо молчания они встречают его приближение все более оглушительными криками: «Куц, Куц, Куц!»?

Если бы они все знали, как тяжела стоящая перед ним задача! Он ведет бег, и нет спины, за которой можно было бы укрыться, хоть немного передохнуть. Перед ним вся толща воздуха, весь груз быстро несущихся секунд. И Куц не видел, как к ведущей группе бегунов присоединился его молодой товарищ по команде — Владимир Окороков; он не видел, как Чатауэй внезапно стал обходить Затопека, как, не выдерживая все нарастающего темпа, один за другим прекратили борьбу и сошли с дорожки Ковач, Грин, Шаде и Лауфер. Все ближе финиш, и в последнем усилии Куц устремился к видневшейся вдалеке белой ленточке, к судейским секундомерам и наконец, подняв вверх, по давней своей привычке, правую руку, словно приветствуя зрителей, пересек финишную черту.

Продолжая по инерции двигаться вперед почти на той же скорости, Куц оглянулся и увидел, как Чатауэй вторым заканчивал бег, как за ним финишировали Затопек и Окороков. А потом к нему подбежал Затопек, обнял и, толчками выдыхая слова, спросил:

— Ну, счастлив?

И Куц ответил:

— Да, счастлив!

Конечно, он был счастлив. Его план стал уже не замыслом, а реальностью, и в ту минуту, когда он отвечал Затопеку, по радиоволнам, по телефонным и телеграфным проводам уже летела весть во все концы: советский бегун Владимир Куц только что побил мировой рекорд Эмиля Затопека. Его время — 13 минут 56,6 секунды. Попутно им установлен новый мировой рекорд и в беге на 3 мили.

...Вскоре после возвращения из Швейцарии Владимир Куц прочел в газете беседу Эмиля Затопека с корреспондентом Чехословацкого радиокомитета. Касаясь победы Куца на дистанции 5 тысяч метров в Берне, Затопек сказал: «Должен признаться, что больше всего меня радует то обстоятельство, что победителем стал именно Куц, спортсмен, который по своей самоотверженности наиболее заслужил эту победу. По своим спортивным качествам Куц возвышается над другими спортсменами прежде всего потому, что свою борьбу за первенство он не сопровождает всяческими тактическими маневрами и уловками, не прячется за других бегунов, а смело, решительно и мужественно идет вперед...»

...Эти слова Куц вспомнил в Лондоне в сырой и темный октябрьский вечер, возвращаясь со стадиона «Уайт-сити». Предельно уставший и потрясенный случившимся, сидел он в машине, откинувшись на кожаную спинку.

«Больше всего меня радует, что победителем стал Куц». Да, Эмиль Затопек высоко оценил его победу в Берне. Сегодня Кристофор Чатауэй был не менее откровенен. «Спасибо Куцу. В первую очередь ему я обязан установлением рекорда»,— сказал он, обращаясь к обступившим его корреспондентам. То, чего так опасался тренерский совет, обсуждая рекордный график Куца на первенстве Европы, случилось сейчас в Лондоне. Всю дистанцию Чатауэй, зная уже возможности Куца, «сидел у него на пятках», и все попытки оторваться от англичанина кончались неудачей. Чатауэй понимал, что речь идет о новом мировом рекорде и что ему, скрываясь за спиной Куца, тратя значительно меньше сил, представляется исключительная возможность быть первым на финише.

Чатауэй не ошибался. На этот раз Куц намерен был пробежать 5 тысяч метров за 13 минут 51,6 секунды. Не ошибался и стадион, когда он требовал, просил, молил Чатауэя держаться. И английский бегун, прилагая последние усилия, вплотную держался за спиною лидера. Он держался, несмотря на все стремительные, беспощадные рывки Куца, следовавшие один за другим.

Три мили остались позади, и радиодиктор на английском и русском языках сообщил, что Владимир Куц установил новый мировой рекорд на эту дистанцию. Стадион взревел с новой силой. А Куц все бежал в свете двух прожекторов по темному овалу беговой дорожки, уже понимая, что ждет его на финишной прямой. Он бежал первым, не видя Чатауэя, не имея возможности следить за ним. Он вел англичанина за собой, хотя знал уже по Берну, на что способен этот невозмутимый крепыш. И когда две ослепительно светлые фигуры бегунов на фоне черных гудящих трибун вынеслись на финишную прямую, когда они в последнем усилии устремились к белой ленточке, Куц еще раз попытался оторваться и тут же, почти коснувшись грудью ленточки, увидел рядом Чатауэя. Англичанин в последнем броске, который Куц не мог предусмотреть, обошел его на грудь. Секундомеры показали одинаковое время — 13 минут 51,6 секунды. Но выставленная вперед грудь дала победу Чатауэю.

Вот что случилось на стадионе «Уайт-сити» в октябрьский вечер, вот что вспоминал Куц, возвращаясь в гостиницу. Он сам помог Чатауэю побить свой же рекорд, завоеванный им всего полтора месяца назад ценой таких усилий, и теперь его утешало только одно: через неделю он встретится с Эмилем Затопеком на беговой дорожке в Праге. Уже в тот момент, когда Чатауэй обнимал его при свете прожекторов, под вспышки репортерских ламп, Куц решил, что в Праге он будет бить только что установленный мировой рекорд.

Владимир Куц тут же, в Лондоне, разработал новый график своего бега в Праге и не скрыл этого от журналистов. Газеты, восхищенно описывая бег на 5 тысяч метров, ставший центральным событием матча легкоатлетов Лондона и Москвы, много места уделяли этому заявлению Куца. Спортивные обозреватели считали, что превысить столь высокий результат будет трудно, ведь он на целых 5 секунд выше мирового рекорда, установленного Куцем

Берн. 29 августа 1954 года. В. Куц (в центре) после своей победы. Слева — Э. Затопек, справа — К. Чатауэй.

в Берне. Но они тут же прибавляли, что от «феноменального белокурого моряка из России» можно ждать всего...

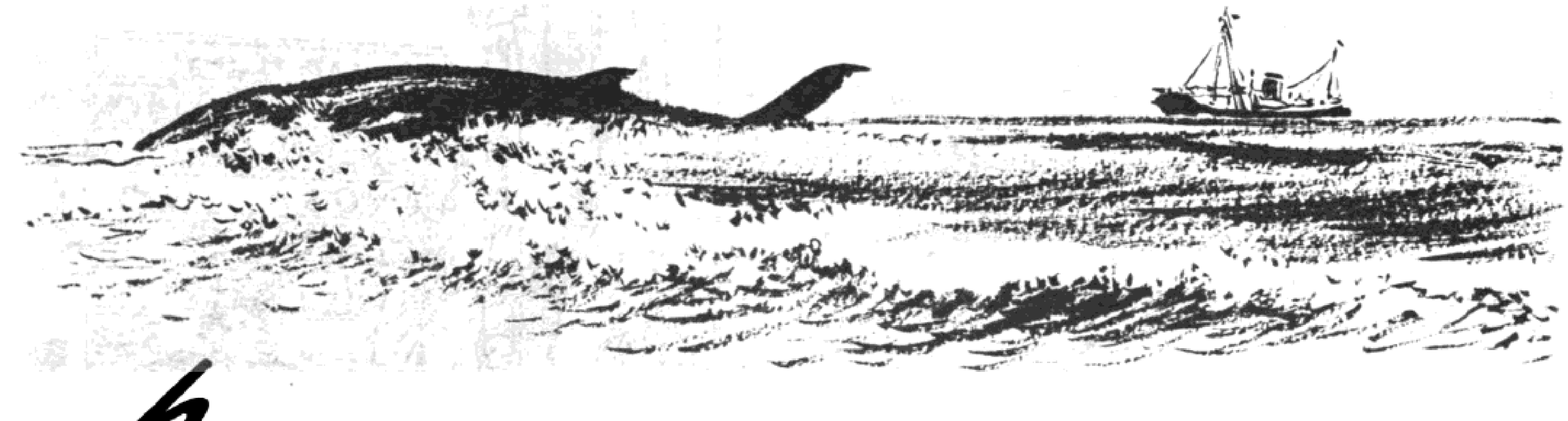
Эмиль Затопек встречал Владимира Куца на аэродроме и, обняв его, спросил:

— Будешь бить?

— Буду,— ответил Куц и предложил: — Давай попробуем вместе.

Они стояли и беседовали, окруженные вниманием всех,— два сильнейших бегуна мира. И то, что Затопек не вспомнил происшедшего на стадионе «Уайт-сити» и думал так же, как и Куц, о новом беге, еще больше укрепляло их дружбу. Она возникла еще при первом знакомстве в Бухаресте, когда после своей трудной победы, вырванной у Куца только на последних метрах, Затопек, обняв молодого бегуна, протянул ему свою золотую медаль со словами: «Это ты победитель». Вот с чего началась их дружба и их борьба. Чем-то закончится ее новый тур?..

На следующий день, 23 октября, всю мировую прессу облетело сообщение: рекорд Чатауэя побит. Куц пробежал 5 тысяч метров за 13 минут 51,2 секунды, обогнав Затопека почти на 200 метров. Попутно он улучшил и мировой рекорд на 3 мили. А в гостинице Куца ждала телеграмма из Лондона. Вскрыв бланк, он прочел: «Поздравляю величайшего в мире бегуна Владимира Куца с осуществлением великого замысла — побитием мирового рекорда». Под этим текстом стояла подпись: «Чатауэй».

Владычица морская

Поэма

Сергей **СМИРНОВ**

Капитану «Шторма» В. Я. Орликовой.

Однажды летом в тихий вечер будня
Приезжий сочинитель из Москвы
Читал стихи на китобойном судне
Среди неунывающей братвы.

Ему казалось,
что навряд ли раньше
Он волновался так, как в этот раз:
Его словам
внимала капитанша,
Не отводя пытливо умных глаз.

В глазах усмешка
теплилась, не грея,
И в той усмешке приговор готов,—
Мол, что там
ваши ямбы да хореи
Сравнительно
с охотой на китов!

Но автор, тоже стреляный вояка,
Подумал: пусть рисуется она.
(Когда к тебе относятся двояко,
Не отступай,
тут выдержка нужна!)

Не бойся, муза, шепота и дыма,
Смотри в сердца
и сердцем говори!
Вон человек, сидевший нелюдимо,
Заметно засветился изнутри.

О муза, не тушуйся безрассудно,
Веди себя, как принципы велят!
Того гляди,
сама хозяйка судна
Тебе подарит благосклонный взгляд.

Не требуй, муза, почестей особых,
Но втайне верь,
что будет сломан лед!
И вот уже
братва в матросских робах
Со всех сторон тебе улыбки шлет.

Живые души.
Искренние лица.
Наполненные громом голоса...
И сочинитель —
скромный сын столицы —
Читал, старался чуть не два часа.

Явился кок,
в посудине фасонной
Для гостя что-то вкусное таща.
И капитанша
собственной персоной
Сказала:
— Съешьте флотского борща!

И, уловив мгновение немое,
Метнула взгляд за линии бортов.
— Эх,— говорит,—
Пойдемте с нами в море!
Азартный рейс —
охота на китов.

...По сказочной арене океана
Мы шли при необщительной луне.
Какой-то джаз
мяукал окаянно
На зарубежной радиоволне.

Да недруг,
по недоброй дешевизне,
Бросал в эфир крикливые слова.
И в грустной песне
сумерками жизни
Японские дышали острова.

А на рассвете звезды догорели,
Проснулись волны,
сдвинулись в ряды,
И лентой самой нежной акварели
Отмежевалось
небо от воды...

И вдруг — сигнал!
В каюту капитана
Ворвался рослый вахтенный матрос:
— По борту слева —
несколько фонтанов!
...К гарпунной пушке
гарпунер прирос.

Туда, туда, не убавляя хода!
А там,
средь синеволной маяты,
Подобием живых подводных лодок,
Тараня воду,
двигались киты.

Команда:
— Тихий!
И на самом тихом —
Прицельный выстрел метров с двадцати.
Легко удрать китенкам да китихам,
Зато киту-красавцу не уйти:

Гарпунный свист,
Глухой разрыв гранаты,
Глубинный вздох,
не то предсмертный стон...
И на струне капронного каната
Чудовище
бабахает хвостом.

И гарпунер
без театральной позы
Ласкает пушку опытной рукой.
И капитанша дарит виртуозу
Волшебный взор
владычицы морской.

Поэзия, не мешкай
и не бойся
Соленых волн, которые в крови.
Крепи добычу к борту китобойца
Да прочный линь, смотри, не оборви!..

Крутнулся винт без видимых усилий.
Буруны побежали от винта.
И судно
потащило на буксире
Оплаканного чайками
кита.

...Простите мне, владычица морская,
За то, что я, припав к карандашу,
Пишу о вас,
и что-то пропускаю,
И тут же долю вымысла вношу.

Обрисовать хочу, хотя бы вкратце,
Характер ваш, симпатии свои.
Ведь лирик должен «самовыражаться»,
Как говорят
проблемные статьи.

Но тут волна ударила такая,
Что покачнулся даже рулевой,
А боцман, медью пуговиц сверкая,
Ударился о стенку головой.

И, ощущая головокруженье,
Он, вероятно,
не заметил сам,
Что свел проблему «самовыраженья»
К весьма неблагозвучным словесам...

Мы трех китов сумели заарканить,
А остальных
глухая глубь спасла.
И я изрек,
Что развожу руками
Пред красотой такого ремесла!

Ведь это ж бесподобное явленье,
Поэзия, смекалка и размах!
Такую жизнь,
такие впечатленья
Не уместишь и в нескольких томах!

А женщина задумалась красиво,
Скрывая непонятную печаль,
И командирским жестом пригласила:
— Пойдемте вместе пить вечерний чай.

Да здравствует
улыбчивость и шутка!
Мы даже присоседились к вину.
(Хочу, чтоб голос трезвого рассудка
Нам не поставил этого в вину.

Не чокаться же людям чашкой чая,
Когда они знакомство завели
И бодрствуют, часов не замечая,
За сотни километров от земли!)

Вода меняла несколько оттенков,
Как будто здесь,
у света на краю,
Непостоянный критик Тарасенков
Читал нам
биографию свою.

Под клокот волн и тяжкий гул металла
Морячка начала издалека:
— Вы знаете,
я с детских лет мечтала
О море, о дорогах моряка.

…И жутко слушать,
как потом за нею
Охотились фашистские суда.
И «юнкерсы», от злобы сатанея,
Бомбили так, что корчилась вода!..

(Костер заката гаснет постепенно.
В сыром просторе мрачно, как в лесу.
А судно,
прежде бывшее военным,
Идет
с гарпунной пушкой на носу.)

Морячка,
без прописки постоянной,
Живет, верна призванью своему,
Кочует по морям и океанам
В высоком капитанском терему.

Здесь хорошо и горестно отчасти:
Бинокль не Птица Синяя в руке.
И хочется
вздохнуть о личном счастье,
Забытом где-то на материке.

— Вот,— говорит,—
явились вы оттуда.
У всех своя любимая стезя...
Я тоже знаю,
Тоже верить буду,
Что в жизни
без Поэзии
нельзя...

Когда входили в гавань Шикотана,
Зеркальную в спокойствии своем,
Я прошептал:
— Спасибо капитану
За чудный рейс и ласковый прием.

И с хитрой, заговорщической миной
Она тогда сказала на ходу:
— В честь вас
я дам гудок
прощально-длинный
И в новый рейс из гавани уйду!

…Рождались звезды трепетно и кротко.
Брели киты на прочности линя́.
Китовым жиром пахнущая лодка
Доставила до пристани меня.

И, как с порога собственного дома,
Смотрю:
на судне вспыхнули огни.
Замедленно,
бесшумно,
невесомо
В туманный сумрак двинулись они.

Плывут и уменьшаются в размере,
Вот-вот исчезнут в мутном далеке.
А я стою —
ушам своим не верю,—
Ну как же вы забыли о гудке?!

И тут — гудок,
протяжный,
гулкий,
низкий.
Никто, никто не знал, зачем он дан...
Прощайте,
«не имеющий прописки»,
Счастливый путь,
Товарищ капитан!

Варвара КАРБОВСКАЯ

Рисунки Г. Валька.

Теперь его уже почти никто не зовет Леней, его называют почтительно, с уважением... А впрочем, нужно начинать рассказ, как полагается, не с конца, а с начала.

Итак, его звали Леней. Он был студентом четвертого курса, в данном случае не так уж важно, какого именно института. Леня учился хорошо, получал стипендию, даже, кажется, повышенную. Но денег ему, как водится, все-таки не хватало. Его родители жили за две тысячи километров и помогали ему главным образом письменными советами, приветами, поцелуями и пожеланиями здоровья и успехов.

Леня был здоров и весел, но у него была всего одна пара башмаков. И, как на зло, эти башмаки прохудились, и он пошел в мастерскую, чтоб ему починили их «с ноги». Это значило, что пока за фанерной перегородкой ему подбивали подошвы, он сидел в носках, поджав ноги под кресло, потому что носки были не такие, чтоб выставлять их напоказ.

Вот тут-то и произошло знакомство, сыгравшее в жизни студента немаловажную роль.

Рядом с ним в кресле развалился гражданин средних лет. Он также отдал чинить свои щегольские полуботинки — пустяковый ремонт, набойки. Он сидел, вытянув коротенькие ноги в шикарных носках — серо-буро-малиновых в крапинку — для всеобщего обозрения. У него была небольшая, но изысканная бородка, пиджак шпинатного цвета и такое выражение лица, что сам черт ему не брат.

Этот гражданин слышал, как приемщица сказала студенту:

— Уж я просто иду вам навстречу, поскольку вам ходить не в чем. А то бы ни за что не взяла такие развалюшки в срочный ремонт.

Гражданин в шпинатном пиджаке ободряюще улыбнулся Лене и спросил:

— Студент? Сам когда-то вроде вас был.— И пропел, фальшивя, из оперетты: — «Без денег как-то веселей, я презираю богачей...»

И хотя Леня ничего ему на это не ответил, он продолжал все так же общительно:

— Ничего. Кончите учебу, поступите на работу, постепенно экипируетесь. Только сразу не женитесь, а то наплодите детей, и будет туго. Зарплату будете получать два раза в месяц.

— Уж это как полагается у всех добрых людей,— сказала приемщица, которой нечего было делать.

— Ну, положим, не у всех добрых людей так полагается,— весело произнес гражданин в шпинатном пиджаке.— Я не имею основания причислять себя к злым людям, а денежки получаю и по три, а то и по четыре раза в месяц.

— Торгуете, что ли? — заинтересовалась приемщица.

Гражданин в шпинатном пиджаке расхохотался.

— Почти что в точку. Именно торгую. Или, скорее, понемножку сею и собираю в житницы.

— Где же вы сеете и чего? — недоверчиво спросила приемщица, покосившись на его маленькие, нерабочие руки.

— Сею разумное, доброе и, если не вечное, то, во всяком случае, злободневное,— внушительно произнес гражданин, обращаясь к Лене и показывая тем самым, что этот разговор не для приемщицы ремонтной мастерской.— А мои посевные площади — это эстрада, просветительные организации, ну, там... редакции и, как говорится, и пррр и тэ пэ.

— Ах, вы корреспондент? —

оживился Леня и с интересом поглядел на собеседника.

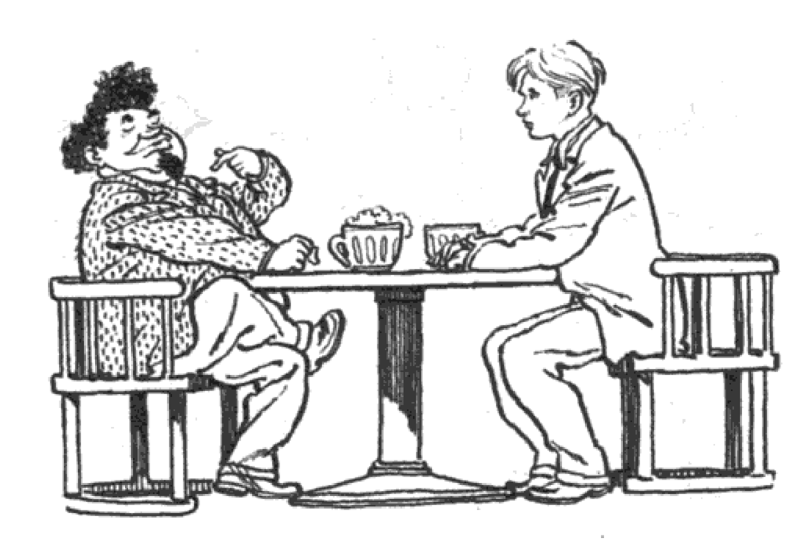
Тот с достоинством поправил:

— Писатель.

Леня сейчас же вспомнил, как бережно и с каким уважением относился Горький к слову «писатель», и подумал, что этот гражданин... но собеседник не дал ему додумать до конца.

— Свое писательское ремесло я не сменяю ни на какое другое,— веско сказал он.

— Примерно об этом и Салтыков-Щедрин писал в завещании сыну,— заметил Леня.

— Именно это я и имел в виду,— кивнул собеседник.— Начать хотя бы с того, что я вольный казак: хочу — работаю, не хочу — гуляю. Вот на днях вернулся из поездки по глубинке. Обскакал двадцать точек: читал, рассказывал, делился творческим опытом. Шесть тысяч в кармане...— Приемщица вытянула шею и почтительно поглядела на заказчика.— Собирался месяц отдыхать, ан не вышло, подвернулась еще работенка на полторы тысчонки. Жаль упускать.

Леня усмехнулся:

— Чехов тоже иногда шутил: «Написал на шестьдесят копеек».

— А я не шучу! — воскликнул собеседник.

— Так ведь вы же не Чехов,— не утерпел Леня.

Собеседник погрозил ему пальцем:

— Молодой, а зубастый. Нет, студент, это у нас теперь принято так говорить: не Чеховы, не Щедрины, не Гоголи! А я говорю: развернуться не дают, потому и не Гоголи.

— А вы пробовали... разворачиваться? — спросил Леня.

— Попробовал один такой,— уклончиво ответил собеседник.— Все дело в том, что сейчас все лезут в писатели: и редактор пишет, и замредактора чего-то маракует, а тебя затирают! — И представился с достоинством: — Леонид Михалыч Выдрин! Эл Выдрин, слыхали?

Леня ничего не слыхал об Эл Выдрине и никогда не читал его произведений, но сознаться в этом было почему-то неловко, и он неопределенно произнес:

— Ах, Выдрин... так это вы?

— Вот то-то,—значительно подтвердил собеседник.

На столике рядом с ним лежал бородавчатый портфель телесного цвета. Он раскрыл его и вынул толстую книгу в синем переплете, сложенный вчетверо лист бумаги и детскую книжку-раскладушку.

— Вот, ознакомьтесь. Мое!

Леня бережно взял книгу. На переплете было вытиснено: «Леонид Выдрин. Широкие трассы». Он раскрыл книгу и удивился:

— А почему напечатано на машинке?

Леонид Михалыч сдержанно кашлянул и потянул книгу обратно.

— В свое время будет напечатано типографским способом и издано не менее чем стотысячным тиражом! Я уже читал ее в ППСЖ и в НККР. Блестящие отзывы за подписями и печатями.

Леня постеснялся спросить, чтоб не выказать неосведомленности, что значит ППСЖ и НККР. Выдрин положил книгу в портфель и развернул лист бумаги.

— Афиша. Видите? «Конферанс Леонида Выдрина». И далее: «Лекция Эл Выдрина «Что день грядущий нам готовит»!

— Из «Евгения Онегина»? — догадался Леня.— Пушкин.

— Разве на классиках свет клином сошелся? — иронически спросил Выдрин.— Это не Пушкин, это Выдрин. Лекция на тему о нашем творческом будущем. Так сказать, литературный прогноз. Читал в десяти точках. Успех — колоссаль! Имею письменные отзывы предместкомов, завклубами.

Он аккуратно сложил афишу и постучал пальцем по картонной книжке-раскладушке:

— Золотое дно. Для детишек-малышек. Массовый, вечно новый и благодарный читатель.

Раскладушку он не дал Лене для ознакомления, а показал ее издали, но тот успел заметить набранное петитом: «Издательство артели «Детская клеенка».

— Вот то-то! — значительно повторил Выдрин.

Приемщица вынесла обе пары башмаков.

— Сколько с меня? — небрежно спросил Леонид Михалыч и щедрым жестом швырнул деньги на прилавок.— Сдачи не надо (сдачи было двадцать три копейки)! До свидания.

— Всего! — сказала приемщица.— Идите, торгуйте на здоровье.

Они вышли.

— Вы мне понравились, студент,— сердечно сказал Леонид Михалыч.—Пойдем, посидим в забегаловке?

— Вообще-то я не пью,— сказал Леня.

— Студент должен пить,— убежденно сказал Выдрин.— Если коньяк не по карману, то хотя бы пиво. Тем более, что я угощаю. По кружке пива, идет?

— Ну, пива можно,— согласился Леня. Он никогда не разговаривал с литераторами, и хотя этот литератор казался ему несколько странным и совсем не похожим на тех, которые приезжали к ним в институт, ему все же было любопытно, и он решил, что всякие бывают.

В то время «забегаловки» были на каждом углу. За второй кружкой Леонид Михалыч уже говорил Лене «ты».

— Во-первых, мне нравится, что мы с тобой тезки — оба Леониды, красивое имя, а во-вторых, Леня, я тебе серьезно говорю, у меня глаз наметанный, и я вижу: в тебе два слагаемых, из которых делаются писатели: искра божия и безденежье. Давай попробуй, напиши что-нибудь этакое, из студенческой жизни. Мне как раз заказали скетчик на молодежную темку. Ты мне подкинешь темку, я обработаю. В общем башмаки на кожемите обеспечены. Идет? Писать не пробовал никогда?

— Вообще-то пробовал,— смущенно улыбнулся Леня.—Я редактирую стенную газету, иногда все почти что один пишу...

— Чудак! Бесплатно ломаешь голову... А в редакции не совался?

Леня смутился еще больше.

— Один раз послал стихи. Не приняли.

— Ха! Стихи! Все почему-то со стихов начинают, даже я: «Мчится, мчится трактор в поле, песнь разносится по воле». А еще что?

Леня опустил голову и стал размазывать пальцем пивную лужицу по клеенке.

— Еще рассказ послал, но тоже не пошел.— Он поднял голову и сказал упрямо: — А мне нравится писать, и я все-таки иногда пишу. Просто для себя.

— Просто для себя можно писать любовные письма, и то не без расчета,— поучительно сказал Леонид Михалыч. Он уже успел выпить два раза по сто граммов, Леня отказался.— Молодо-зелено! Надо не по-сы-лать в редакции, а самому ходить, быть на глазах, каждого члена редколлегии — по имени-отчеству. Ты про себя знай, что ты гений, что ты выше других на десять голов, но, пока ты не поймал быка за рога, помни: «Ниже тоненькой былиночки надо голову клонить». Плещеев написал, о!

— Некрасов,— сказал Леня.— Мне не подходит.

Леонид Михалыч пропустил это мимо ушей.

— Мне бы волю дали, я бы что твой Мопс... пан... пансан... фу, зарапортовался, фамилию любимого автора выговорить не могу.

— Мопассан,— подсказал Леня.

— Именно, Ги Мопассан! Морально-бытовые темы, любофф — моя стихия... Развернуться не дают.

У него уже посоловели глаза, он помахивал перед носом Лени маленькой рукой и начал рассказывать о редакторах, видных писателях, поэтах, драматургах. И все у него получалось, что они или хуже его или такие же талантливые (ни один не был лучше и выше), но вот они вылезли, пролезли, сумели... И обязательно о каждом из них он сообщал какие-нибудь интимные подробности, анекдоты, декламировал паскудные стишки о них самих, об их женах.

Леня слушал и думал: «Наверно, все врет, откуда ему известно?» И ему было обидно за известных, любимых им писателей, про которых врал Леонид Михалыч, и было совестно, что он рассказывает так громко и какие-то пьяные субъекты по соседству уже прислушиваются и ухмыляются. Он поглядел на часы над стойкой — своих у него тогда еще не было — и поднялся.

— Спасибо, Леонид Михалыч, мне пора.

— Обожди! — упрямо произнес Выдрин и потянул Леню за рукав.— Ссядь! Я еще тебе про сссебя не рассказал.

— Вы уже рассказывали,— с тоской сказал Леня.

— Про себя? Врррешь! А что такое и... я?

— Вы Леонид Выдрин,— с готовностью сказал Леня, деликатно высвобождая свой рукав. Он слышал, что пьяным и сумасшедшим не следует перечить, чтоб их не раздражать.

— О, прррравильно! — Выдрин отпустил рукав, полез к себе в боковой карман и достал оттуда билет в целлофановой обертке.— А это видал?

— Нет, еще не видал,— вздохнул Леня.

— Погляди! Билет литфонда. Выдрин—член литературного фонда.— Он зло уставился на Леню посоловевшими глазами. — Ты спросишь: па-ачему член литфонда, а не Союза советских писателей? Да?

— Нет, я не спрошу,— поспешил ответить Леня.

— А ты спроси, чудак! А я отвечу. Потому что в Союзе писателей они все там завистники, карррьеристы и...

Посетители за соседним столиком захохотали, Леня покраснел, а Выдрин, переведя дух, закончил:

— ...затирают! Сссемнадцать лет не принимают! Это как потвоему, студент, а?

— Это плохо,— сказал Леня.— Либо уж приняли, либо...

— Какое может быть либо — либо? Обязаны принять! Я на них писал и еще напишу.

— Напишите, Леонид Михалыч, а мне, извините, пора.

— Бежишь? — Выдрин устало откинулся на спинку стула.— Ну, беги, зубрила-мученик. А про студентов, значит, темку придумаешь? Договорились? Сварганим вместе. Я, брат-тезка, люблю протежировать молодежи. Одного я вот так же вывел в люди, вместе для эстрады писали. Потом он в драматурги пролез, фамилию не скажу, стервец — не кланяется. А мне что? Я себе выработал мировоззрение: гонорар — все! Со славой я пожил, беспокойное сожительство, когда ты на виду, каждое лыко тебе в строку... Всетаки бежишь? Телефон записал? Звони.

Леня шел в общежитие пешком и думал. Сперва он думал о Выдрине... Писатель? Вот он, оказывается, какой писатель — ходит семнадцать лет в членах литфонда. Это что же, правило такое? Или единичный случай? Все равно странно. Ведь ясно же, что это литературный паразит... сварганим... ради денег... И врет, что жил со славою. Славу дает народ, как драгоценный дар. А ему только деньги суют из окошечка кассы. За что? Какая-то артель напечатала... Он куда-то ездит, где-то что-то читает, обманывает людей, выдает себя за литератора, порочит высокое звание писателя... Как же так? Конечно, звонить ему не стану.

Отделавшись мысленно от Выдрина, он стал думать о другом. Почему ему до сих пор не при-

ходило в голову написать о своей жизни, о жизни своих товарищей? Но, конечно, не так, как говорит тот — «молодежная темка»... Не удивительно, что ему не дают, как он говорит, развернуться. Кому нужна эта грязь, им же самим придуманная? Возомнил себя Мопассаном, а что он в нем понимает?.. Большие чувства настоящих, живых людей — вот о чем нужно писать, и тогда все плохонькое и ненастоящее покажется мелким и ничтожным... Только сразу, конечно, не получится. И получится ли вообще?..

Писать он стал действительно не сразу. Ночами он лежал, глядя на квадрат незавешенного окна. На четырех соседних койках храпели и вздыхали ребята, а он представлял себе их, своих товарищей, и первый курс, и второй, и третий, и поездки на практику... И вспоминал себя мальчишкой на маленькой волжской пристани: как он сперва мечтал стать бакенщиком, чтобы ночью ездить в лодке, зажигать огни на реке; потом — капитаном, чтоб везде плавать и командовать огромным пароходом; затем, в удивительной непоследовательности, в зависимости от встреч и впечатлений, ему хотелось быть то летчиком, то хирургом, то дрессировщиком львов. А прочитав «Героя нашего времени», он жаждал встретить Грушницкого и убить его во второй раз...

И когда он, наконец, сел писать, он почувствовал, что к нему пришла настоящая, большая любовь. Это было удивительное, захватывающее чувство, и оно было куда сильнее, чем то, какое он испытывал к Ирочке на первом курсе или к Нине Клюквиной на третьем... Тут было все: и нежность, и бережность, и робость, и гордость, отчаяние и ненависть, и ощущение какой-то особенной чистоты и правдивости, не сравнимое ни с чем. Он то дружил, то ссорился со своими героями, а они вдруг, к его удивлению, начинали проявлять свой собственный, непредвиденный характер. Он уводил их в лес и чувствовал, как пахнут разогретые солнцем сосны; срывал медуницу и ощущал во рту сладкий вкус ее синих чашечек... Он уже знал про своего героя почти все: и откуда он, и зачем пришел в лес, и что он будет делать...

Товарищи слышали, что Ленька пишет. Алик Самохин сказал:

— Ох, Ленька, если тебе повезет и тебя напечатают, тогда держись! За тобой пир на весь факультетский мир!

Леня отмахнулся:

— Если бы мне сказали, что напечатают бесплатно или что еще приплатить придется...

— Это из каких же?

— Э, все равно! Камни пошел бы дробить, пни корчевать, только бы напечатали.

Первую повесть, о геологах, не напечатали. Но зато из редакции пришло длинное письмо. Сначала Леня, задохнувшись от волнения, прочел его один, а потом в комнате общежития, битком набитой студентами.

Известный писатель хвалил Леню в письме, подробно и добросовестно разбирал повесть, указывая, что хорошо, что плохо. Выходило, что хорошего больше, но в общем повесть не получилась: рыхловата композиционно, растянута. Над ней еще много нужно работать.

За Леню радовались все, потому что понимали: настоящий писатель не стал бы отвечать так подробно и обстоятельно на какую-нибудь ерунду. И даже Алик Самохин уже не говорил про пир на весь мир, а хлопал Леню по плечу и кричал:

— Пиши, Ленька! Мы еще тобой гордиться будем, а если подкачаешь, ну прямо ты будешь питекантроп, и больше ничего!

Ирочка и Нина смотрели на Леню снова влюбленными глазами, а друг-сибиряк Володя Ярцев сказал:

— А что вы думаете, ребята? Ведь вот так, наверно, писатели и делаются: раз промазал, второй раз пропуделял, а там, глядишь, белку в глаз без промаха! Я писателем никогда не был и не буду, а охотником был. Возвращусь в тайгу, опять с ружьем пойду, будь здоров!

Но тут подошли экзамены, а затем — назначение на работу.

Прошло три года. В одном из столичных толстых журналов появилась повесть.

— Наш Ленька написал, не подкачал! — воскликнул Алексей Петрович Самохин, прочитав повесть в далеком Казахстане.

— Я говорил: в глаз без промаха! Молодец, Леонид, мы, как живые, правда? — радовался Владимир Никитич Ярцев, инженер уральского завода, показывая журнал своей жене Нине, теперь уже не Клюквиной, а тоже Ярцевой.

Нина вздохнула и сказала:

— Да.

О повести заговорили. За ней вышла в свет другая, через некоторое время — третья. И о них тоже говорили, писали. Автор был принят в Союз писателей и однажды по своим литературным делам приехал в столицу.

— Леонид Федорович... — с уважением говорили ему люди, которых он, к своему конфузу, не знал, как звать по имени-отчеству, и в Союзе, и в Управлении по охране авторских прав, и в издательствах. И как-то сразу он завоевал общие симпатии — широкоплечий, спокойный волжанин. Всем нравилось то, как он пишет, и то, о чем он пишет. А тем, кто ближе знал его,— и то, как он ведет себя. И когда он показывал знакомым фотографию жены и сына, это тоже всем нравилось. А в редакциях и издательствах про него рассказывали:

— Представьте, такой известный автор, а когда речь заходит о гонораре, о заключении договоров, он как-то забавно конфузится и быстро говорит: «Хорошо, хорошо, делайте, как полагается».

А дело было в том, что у Леонида Федоровича навсегда осталось это чувство: когда он писал, он любил, волновался, мучился, отдавал все свое сердце. А когда получал гонорар, почему-то неизменно всякий раз вспоминал Леонида Михалыча, тезку в пиджаке шпинатного цвета. И хотя он отлично сознавал, что он честно получает свои, как говорится, заработанные, и так водится, и так положено и узаконено, но ему всегда казалось, что он продает кусочек своего сердца.

...И надо же было так случиться, что они встретились, тезки — Леонид Федорович и Леонид Михалыч — в вестибюле станции метро. Они сразу узнали друг друга.

— О, вот кто вырос! — воскликнул Леонид Михалыч, крепко ухватив за руку Леонида Федоровича и не выпуская его руку по крайней мере целую минуту.

Леониду Федоровичу показалось, что его тезка почти совсем не изменился: тот же пиджак шпинатного цвета, разве немного обветшал, та же бородка, но чуть поседела и поредела, да на лице уже не было прежнего самодовольства, а скорее какая-то обиженная нагловатость.

— В гору, в гору пошел, тезка! — выкрикивал Выдрин, обращая на себя внимание пассажиров.— Фигаро тут, Фигаро там, только и знаешь, что читаешь его или о нем. А помните?..

— А вы как? — спросил Леонид Федорович, деликатно высвобождая свою руку.

— Да ведь как, все так же: не Щедрины, не Гоголи, ваш брат затирает! — Леонид Михалыч деланно засмеялся.— Вот, выведешь вас в люди, а вы растопыритесь посреди дороги и не пуш-шаете! Так вы мне тогда и не позвонили, а зря. Не потеряли бы понапрасну три года, я бы вас быстренько с кем надо свел. Без руки в нашем ремесле ни тпру, ни ну! Да, впрочем, вы себе другую руку нашли,— он подмигнул и назвал имя редактора того журнала, где была напечатана первая повесть Леонида Федоровича.— Конечно, та рука потверже моей. А все-таки я положил начало...

Писателю хотелось сказать, что да, это он, гражданин в шпинатном пиджаке, тогда, в «забегаловке», положил начало его отвращению к торговле вдохновением, к литературному паразитизму. Но он этого не сказал, а вместо того спросил (и уже потом спохватился, что не следовало спрашивать):

— Ну как, приняли вас в члены Союза?

Леонид Михалыч нагловато сощурился.

— Наш брат — не ваш брат. Сынки и пасынки, давно известно. А помните, как нам тогда приемщица сказала: «Идите, торгуйте на здоровье»?

Писатель покраснел и сказал тихо и зло:

— Я не торгую. В этом-то все и дело.

— Боже избаффф! Разве я говорю! — воскликнул Леонид Михалыч и, ухватив Леонида Федоровича за пуговицу пальто, добавил добродушно: — Я только говорю, что долг платежом красен. Тогда я угощал, так сказать, в преддверии, теперь ваш черед.

Бывает так, что люди и умные и находчивые теряются перед наглостью. Так случилось и с Леонидом Федоровичем. Он отвел глаза и сказал:

— К сожалению... мне скоро на аэродром, лечу домой.

Что он летел, это была правда, но почему к сожалению? Это уже была деликатная ложь. Однако Леонид Михалыч тут же ловко воспользовался ею:

— А сожалеть не надо! Я понимаю и... принимаю сухим пайком. Надеюсь, вы при деньгах? — он добродушно засмеялся и выставил три коротеньких пальца, определяя стоимость сухого пайка. Глаза смотрели выжидающе и нагловато.

Леонид Федорович потом сам не понимал, зачем он это сделал: захотелось поскорей избавиться от своего тезки, или от стыда за него, или спасовал перед его наглостью,— только он торопливо достал деньги и протянул ему.

Леонид Михалыч принял деньги небрежно и с достоинством пожал руку Леониду Федоровичу.

— Я сам такой. Не крохобор. Будь здоров, расти.

Писателю захотелось выругаться и высказать бородатому тезке все, что он думает о нем, но, во-первых, это был бы долгий и неприятный разговор, а времени действительно оставалось в обрез, а во-вторых, связывали деньги: тот мог бы подумать, что он пожалел. Поэтому писатель сказал только:

— До свидания.

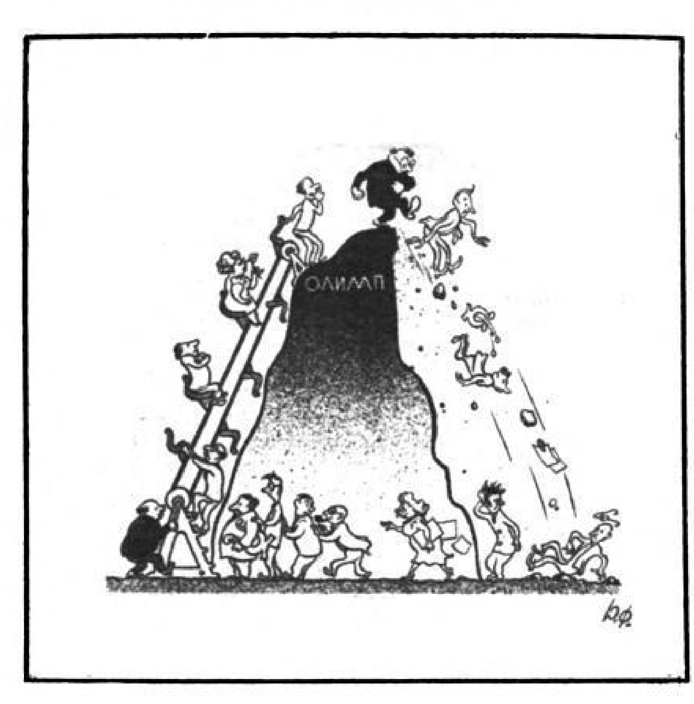
А Леонид Михалыч в этот день рассказывал по крайней мере пятнадцати знакомым о том, как он вывел в люди того самого, известного, и как он теперь задается до отвращения, и какие деньги огребает, и как он ими швыряет, и с кем живет, и кому с кем изменяет, и как они вместе пили в ресторане, и что он может писать только под градусом, не иначе, и как вот такие пролезают, потому что вдруг нападут на золотую жилу — молодежь, мораль, быт — и потому, что найдут «руку» — протекцию. И врал, и врал, и врал... Некоторые его обрывали, а другие, любители сплетен, кое-чему верили.

А Леонид Федорович в это время ходил и ездил по Москве, заканчивая перед отъездом свои дела, и, по старой привычке, обдумывал на ходу, на улице, новую тему — о литературном торгаше, или, нет, глубже, серьезнее: о человеке без совести, без чести.

Думать было противно, и все-таки думалось, потому что было обидно: как-никак тезка выдавал себя за писателя да и был членом литфонда с двадцатилетним стажем. И срамил прекрасное, высокое звание, которое так любил и которым так дорожил Леонид Федорович.

НА КРИТИЧЕСКОМ ОЛИМПЕ

Критики Возвышающий и Низвергающий за работой.
Рисунок Ю. Федорова.

Григорий ПЕРОВ

Эпиграммы

ПОЭТИЧЕСКИЕ «КАТЕГОРИИ»

Поэтов вот как различаем мы:
Один поэт — обыкновенный,
Другой поэт — неприкасаемый,
А третий — неприкосновенный.

АВТОРУ МНОГОТОМНОГО РОМАНА

Не для поучительства
Выскажемся начисто:
Не всегда количество
Переходит в качество!

НА ВСЕ РУКИ МАСТЕР

Пусть критик думает, что́ хочет,
Зато тебя читатель чтит:
Над лирикой твоей хохочет
И над сатирою грустит!

НА МАСТИТОГО

Я б написал,
но признаюсь:
Боюсь...

Между прочим

УПРЯМСТВО

В молодости литератору Клабунду (1891—1928) стоило больших трудов напечатать свои первые работы. Когда ему удалось наконец добраться до директора одной крупной берлинской газеты, тот встретил его словами:

— Вам улыбнулось счастье, молодой человек. Я сегодня отказал в приеме двенадцати вашим коллегам.

— Это не столько счастье, сколько упрямство, — ответил Клабунд. — Все двенадцать коллег были... я.

ХОРОШИЙ СОВЕТ

Один малоизвестный новеллист сказал мастеру этого литературного жанра Паулю Гейзе (1830—1914):

— Странно, я могу в течение недели написать новеллу, но мне нужен год, чтобы ее напечатать.

— Не так уж это странно, — ответил Пауль Гейзе. — Сделайте наоборот: поработайте над короткой новеллой целый год, и вы ее напечатаете в течение недели.

Из журнала «Нейе дейче литератур».
Перевела Л. Лежнева.

Необыкновенные рыболовы

Вот два любопытных случая, о которых мне рассказали водолазы.

НАЛИМ

На Байкале был полный штиль. Сквозь прозрачную воду озера виднелось дно, усыпанное мелкой галькой, валуны, темные силуэты балок и свай подводной части стапеля.

Мастер водолазного дела В. В. Эйнталь не спеша продвигался вдоль сооружения, осматривая стыки. Сверху, с мостков, хорошо было видно каждое его движение.

Вдруг в стороне мелькнула какая-то тень и исчезла в сплетении свай. Водолаз осторожно пошел туда же. Десяток шагов, и он различил на светлом фоне гальки хвост и часть спины большой рыбы. Укрыв голову, она, очевидно, считала себя в полной безопасности.

— Брось скобу на меня!— тихо сказал водолаз по телефону.

— Получай скобу,— пришел через минуту ответ.

Железина упала на дно. Водолаз поднял тяжелое оружие, потом прицелился, подался вперед и что было сил ударил острием в рыбину.

— Подавай конец! Живее!— закричал возбужденный охотник.

Велико было удивление его товарищей, когда они вытащили из глубины огромного, извивающегося на скобе налима.

ОКУНИ

Работа была трудная. Основание древней каменной кладки обросло водорослями и было окружено густыми зарослями рдеста. Оно было сложено из больших неровных глыб, скрепленных затвердевшей, как бетон, известью.

Водолазу В. Эйнталю приходилось иногда ложиться на илистую площадку, чтобы немного передохнуть. И когда ил оседал, в тусклых зеленоватых сумерках подводный мир показывал водолазу свою жизнь.

Вот появилась стайка серебряных уклеек. Эти маленькие рыбки без устали рыскали в поисках пищи. Стоило водолазу слегка пошевелиться, как они исчезали.

Ерши вели себя смелее: они иногда подплывали к водолазу и рассматривали его.

С интересом наблюдал водолаз, как охотились полосатые хищники — окуни. Они неожиданно выскакивали из пролома в кладке и стремительно, как торпеды, врывались в стайку уклеек. Широко разинув пасть и растопырив спинные плавники, окуни кидались на испуганных рыбок и хватали их.

Хищники настолько осмелели, что не обращали внимания на водолаза. Краснoперые разбойники бросались даже на стальные долота, которые спускали сверху. Это натолкнуло Эйнталя на мысль организовать охоту на окуней. Он сделал из проволоки квадрат, натянул на него сетку и за четыре угла подвесил сачок к тросу. По команде водолаза этот самодельный снаряд мог быть быстро поднят на поверхность. В качестве приманки над сеткой на тоненькой проволочке была укреплена блестящая металлическая пластинка — блесна. Сверху ее слегка подергивали.

Водолаз лег на грунт. По соседству с ним опустили его нехитрое приспособление. Пластинка запрыгала и завертелась, словно оглушенная рыбка. Вскоре появились окуни и окружили ее тесным кольцом. Некоторые из них пытались схватить блесну.

— Поднимай! — скомандовал водолаз по телефону.

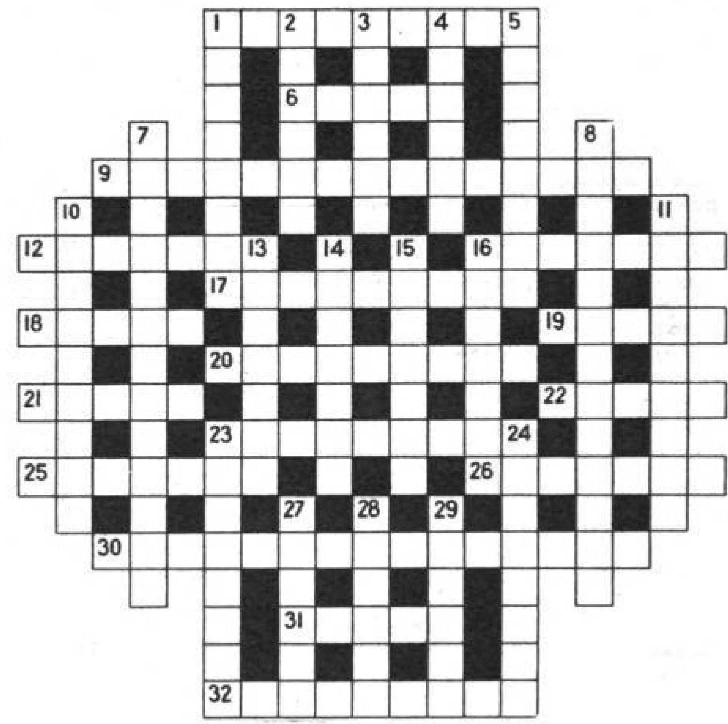
Сеть быстро взвилась вверх. В ней трепыхалось не меньше десятка окуней.

М. СМИРНОВ

Водолазный старшина В. В. Эйнталь.
Фото автора.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Аппарат для искусственного выведения птиц. 6. Вещество, применяемое в строительстве дорог. 9. Человек, занимающийся научными опытами. 12. Колесо двигателя. 16. Русский композитор. 17 Птица из отряда куриных. 18. Осветительный прибор. 19. Костяк. 20. Величина, характеризующая состояние электрического поля в данной точке. 21. Молдавская хоровая капелла. 22. Смазочное масло. 23. Лесная ягода. 25. Вечнозеленое хвойное дерево. 26. Город в Одесской области. 30. Обработка продуктов для длительного хранения. 31. Термин игры в шашки. 32. Ода А. С. Пушкина.

По вертикали:

1. Кочегар. 2. Чехол для оружия. 3. Порт на Черном море. 4. Название главы из «Журнала Печорина». 5. Подъем целины. 7. Музыкант. 8. Руководитель предприятия. 10. Лечебное учреждение. 11. Военный корабль. 13. Соль тяжелых металлов. 14. Проявление уважения. 15. Лечебный препарат. 16. Изгиб, морщина. 23. Персонаж из романа «Что делать?» Н. Г. Чернышевского. 24. Согласованность, стройность. 27. Пространственная или временная граница. 28. Военно-морское звание. 29. Вокальное произведение.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 49

По горизонтали:

1. Этика. 6. Прокофьев. 9. Трансиордания. 13. Плюшкин. 15. Пикколо. 17. Патриот. 19. Рубин. 20. Лемма. 21. Индий. 22. Дождь. 23. Бетон. 25. Трике. 26. Логотип. 28. Позитив. 29. Награда. 30. Популяризация. 33. Сиводушка. 34. Ладья.

По вертикали:

2. Тикси. 3. Кефир. 4. Принцип. 5. Гематит. 7. Крашенинников. 8. Физкультурник. 10. Офорт. 11. Альбатрос. 12. Олимпиада. 14. Нахимов. 15. Погодин. 16. Дробь. 18. Чапек. 24. Мотор. 26. Лимузин. 27. Палатка. 31. Ягода. 32. Ипуть.

В этом номере на вкладках: четыре страницы репродукций картин художников Украины и четыре страницы цветных фотографий.
В части тиража вкладки неправильно названа картина И. И. Соколова. Следует читать: «С базара. 1859 год».

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление Л. Шумана.

А 06234. Подп. к печ. 7/XII 1954 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 650 000. Изд. № 1039. Заказ 3429. **Рукописи не возвращаются.**

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Вечерние платья

Внизу: платье из светлого плотного шелка—тафты, крепа, фая.

Юбка из 13 расклешенных клиньев вверху собрана и отделана рельефной вышивкой.

Автор модели — Н. А. Шальнова.
Общесоюзный дом моделей.

Вверху слева: платье из плотного шелка. Лиф прилегающий, с глубоким вырезом спереди. Вставка из органди или накрахмаленного шифона застрочена мелкими складочками. Шестиклинная, собранная по талии юбка отделана бантами, подшитыми органди, продергивающимися сквозь вытачанные петли.

Автор модели — В. Ю. Корж.
Ателье № 25 треста Мосиндодежда.

Вверху справа: короткое платье из тафты или муара. Полочки лифа задрапированы. К ним пришит широкий пояс, завязывающийся бантом. На узкую юбку спирально нашит расклешенный волан.

Автор модели — А. А. Левашова.
Общесоюзный дом моделей.

Внизу справа: вечерний костюм-платье и болеро из шелковой или шерстяной ткани. Лиф платья прилегающий, с отворотами, отделанными стеклярусом, на юбке, суженной книзу, заложены мягкие, неглубокие складки, подчеркивающие линию бедер. Болеро с длинными рукавами надевается отдельно.

Автор модели — А. М. Кирина.
Ателье № 36 треста Мосиндодежда.

Цена номера 3 руб.